

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 1

Academic Journal

Series

*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow

2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1

Научный журнал

Серия «Политология. История. Международные
отношения. Зарубежное регионоведение.
Востоковедение»

Москва
2015

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клоканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чую, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаки (Ун-т Чую, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шакарников, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуштин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), О.А. Пичугина, отв. секретарь, канд. филол. н. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клоканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственный за выпуск: С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Ю.В. Ирхин

Переосмысливая институциональные подходы
в политических науках: новые перспективы 9

Г.П. Бакулев

Проблема интернет-зависимости в свете классических теорий
массовой коммуникации 21

Н.В. Иллерицкая

Проблема крепостного права в интеллектуальной динамике
политической истории России 30

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

Н.Дж. Стикман

Политическая карта Евразии. Часть 1.
Перевод на русский язык М.Н. Грачева 41

А.В. Гуцин, А.С. Левченков

Украинский кризис 2014 г.: итоги и перспективы для России 51

Н.А. Медушевский

Фактор роста социальной интолерантности в США 61

С.И. Бойко

Политическая самоидентификация граждан
и развитие Союзного государства Беларуси и России 73

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

М.А. О'Делл

Методология исследования международных
отношений Великобритании 85

<i>Л.С. Кочарян</i>	
«Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе»	92
<i>А.В. Кудряшов</i>	
НАТО и арабские монархии Персидского залива: развитие военного сотрудничества	99
<i>Н.А. Филин</i>	
Образы, символы и слоганы массовых протестов «Зеленого движения» в Иране (2009–2010 гг.)	107

Практики исследования общественно-политических процессов

<i>В.А. Масич</i>	
Наука и образование как инструменты «мягкой силы»	117
<i>Д.С. Платонов</i>	
Февраль и Октябрь 1917 г. в пространстве политической истории русского зарубежья	126
<i>И.С. Фекердинов</i>	
Советская разведка накануне Великой Отечественной войны	134
<i>М.В. Могильникова</i>	
Трансформация политики энергоэффективности в России: задачи, меры, результаты	141
<i>С.С. Новосельский</i>	
Управленческий кризис Белого движения в оценках русского зарубежья	149
Abstracts	157
Сведения об авторах	167

CONTENTS

Sociopolitical Processes and Social Communications: Theory and Methodology

Yu. Irkhin

Rethinking institutional approaches in political sciences:
new perspectives 9

G. Bakulev

Internet addiction in the context of mass communication theory 21

N. Illeritskaya

Serfdom in the intellectual dynamics of Russian political history 30

International Relations: Political and Sociocultural Aspects

N. Spykman

Political map of Eurasia. Part 1 (*translated by M.N. Grachev*) 41

A. Guschin, A. Levchenkov

Ukrainian crisis, 2014: results and perspectives for Russia 51

N. Medushevsky

Growth factor of social intolerance in the USA 61

S. Boyko

Political self-identification of citizens and development
of the State of Union of Belarus and Russia 73

Regions of the World: Dynamics and Models of Cooperation

M. O'Dell

Research methodology of the Great Britain international relations 85

L. Kocharyan

“Stability and cooperation platform in the Caucasus” 92

<i>A. Kudryashov</i>	
The NATO and Arab monarchies of Persian Gulf: military cooperation development	99

<i>N. Filin</i>	
Images, symbols, and slogans of mass protests in “The Green Movement” of Iran (2009–2010)	107

Applied Researches of Social and Political Processes

<i>V. Masich</i>	
Science and education as the instruments of “soft power”	117

<i>D. Platonov</i>	
February and October 1917 in the political history of Russian émigré community	126

<i>I. Fekerdinov</i>	
Soviet intelligence on the eve of The Great Patriotic War	134

<i>M. Mogilnikova</i>	
Improving the efficiency of the energy sector in Russia: challenges, measures, results	141

<i>S. Novoselsky</i>	
Russian émigré community on crisis of The White Guard movement political management	149

Abstracts	157
-----------------	-----

General data about the authors	164
--------------------------------------	-----

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Ю.В. Ирхин

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье предложен многомерный и междисциплинарный анализ сущности, основных черт, особенностей и значения институционализма и неинституционализма как научных подходов и методов в политических науках. Автор исследовал исторический потенциал, генезис, преимущества, достижения и ограничения институционализма. Особое внимание уделено рассмотрению содержания и специфики неинституционализма. Автор предлагает дополнить неинституционализм ценностными, государственными и общественно ориентированными подходами и теориями; ставит проблему ценностного постнеинституционального анализа.

Ключевые слова: институционализм, неинституционализм, парадигма, теория, метод, подход, «институциональная ловушка», многомерный и междисциплинарный анализ, ценностный анализ.

Многомерное, междисциплинарное понимание институтов

Настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития.

Д.С. Норт

В основе институциональных теорий, подходов и практик лежит понятие института. Прежде чем переходить к их анализу, целесообразно рассмотреть это понятие в свете современных теоретико-методологических подходов.

© Ирхин Ю.В., 2015

Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012–2015 гг. (проект 2.1.1) по кафедре теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ.

В политико-правовом аспекте понятие «институт» традиционно рассматривается в двух смыслах. Во-первых, (от лат. *institutio, institutiones*) – институции или наставления, правовое обеспечение «институтов». Во-вторых, (от лат. *institutum*) – учреждение, организация, установление, устав, устройство, обычай. В первом случае акцент делался на «правилах игры», нормах, обычаях поведения в обществе; во втором – на понимании институтов как организаций или учреждений¹.

В начале XX в. понятие «институт» в связи с развитием социологии, психологии и политической экономии стало рассматриваться и с точки зрения этих дисциплин; приобрело более широкое понимание. Социологи показали, что термин «институт» не только включает организационные или правовые структуры, но и характеризует воплощение стереотипа, традиции, способов поведения» акторов в обществе. Э. Дюркгейм писал, что «институтом можно назвать все верования, все поведения, установленные группой»². Т. Веблен определял институт как стереотип мысли, привычные способы реагирования на стимулы, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций³. М. Вебер различал институты, как рациональные и формализованные объединения, а также как союзы (семью, патриархальное политическое сообщество, религиозную общину)⁴. Особенно значителен вклад Вебера в изучение «института бюрократии»: ее организации, целей, смыслов, ценностей и традиций деятельности.

В конце XX в. классические институциональные подходы были дополнены *неоинституциональными* теориями экономического плана, которые, в частности, делали акцент на неформальных отношениях внутри и вне институтов.

В целом в современных условиях институционализм включает обширный массив концепций о роли институтов в обществе. Общей чертой его является изучение институтов в связи с финансово-экономическими, правовыми, политическими и психологическими факторами, а также учет исторически позитивной роли государства. Однако в силу различных методологических подходов, дисциплинарных традиций понимание институтов, как и сфера компетенций государства, различаются. «По вертикали» выделяют два ведущих течения: классический институционализм и сформировавшийся в 90-е годы XX в. неоинституционализм⁵. Среди важнейших «горизонтальных» направлений: рациональный выбор (экономический), исторический, культурно-социологический, а также более поздние: дискурсивный, сетевой, орга-

низационно-экспертный, выбор публичных ценностей в государственном управлении⁶.

Совокупность институциональных теорий и методов исследования является одним из ведущих направлений современного политологического и управленческого анализа⁷. Учитывая их значимость и актуальность, целесообразно говорить об *институциональной парадигме* в политико-управленческих и социальных науках.

В связи с развитием с конца XX в. неоинституциональных теорий, ряда новых гуманитарных подходов (неклассические теории в социальных науках: постмодернизм, постструктурализм, коммуникативистика и др.) получило распространение междисциплинарное понимание институтов, включающее их нормативное, ролевое и ценностно-смысловое измерения. Причем под институтами понимаются не только организации, но и различные неформальные отношения, регулируемые традициями, неписаными правилами поведения, достигнутыми соглашениями и т. д.

Междисциплинарный многомерный и взаимосвязанный комплекс подходов к пониманию общественных институтов включает следующие основные измерения и направления их толкования:

1. Осмысление политического института как *установления* – комплекса формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в политической области. По Д. Норту, институты – это «устанавливаемые людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие, набор правил, процедура соответствий, моральное и этическое поведение индивидуумов в интересах максимизации богатства. Институты – это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие. Все вместе они образуют побудительную структуру общества и экономик»⁸.

2. Рассмотрение института как политического образования, структуры или *организации* – определенным образом организованного объединения людей, которое выступает в качестве коллективного актора.

3. Восприятие института как *устойчивого типа политического поведения*, выражающегося в определенной системе коллективных действий, процедуре, механизме; поведенческих моделей и практик, наиболее стабильных черт социальной жизни.

4. Понимание института как устойчивого социально-политического *ценностно-нормативного* или ролевого *взаимодействия*,

возникающего вокруг определенного интереса и *культурной ценности*, значений, идентичностей, общих целей, ожиданий и взаимодействий, которые имеют как идеологические, так и психологические основания и структуры (габитус). Дискурсивные правила и практики, система кодифицированных идей выступают когнитивными и иными фильтрами, определяют интеракции акторов. Под институтами понимаются не вся культура и ценности, а те когнитивные схемы и ментальные модели, посредством которых акторы воспринимают и интерпретируют окружающий мир. П. Димаджо и У. Пауэлл полагают, что институализация – это в первую очередь когнитивный процесс. «Не нормы и ценности, но заданные схемы (scripts), правила, классификации – вот из чего сделаны институты»⁹. Иными словами, речь идет о ценностно-когнитивном измерении институтов и их акторов.

5. Лауреат Нобелевской премии В. Смит относит к институтам и нравственность как систему человеческих принципов, обеспечивающих сплачивающее социальное поведение, выдержавшую испытание временем, и прежде всего четыре великих «не делай»: не укради, не желай имущества других, не убий и не прелюбодействуй¹⁰.

Институты представляют собой сложные социальные образования, призванные выполнять ряд важных функций. Среди них: регулятивная, нормативная, когнитивная, системная и др. Регулятивная функция состоит в институциональной детерминации и регуляции как непосредственного индивидуального опыта, так и социальной практики людей. Речь идет о правилах, законах, системах управления и власти, протоколах, стандартах и др. Нормативный аспект институализации проявляется во взаимодействии между рациональными индивидами и принятии ими соответствующих решений внутри и между институтами. Когнитивная функция предполагает выполнение соответствующих нормативно-ценностных программ и сценариев поведения. Системная – связана с взаимодействием целого ряда институтов, их взаимоотношениями с политической системой общества.

В целом институты по-разному проявляют себя в различных средах, ролевых системах, социальных структурах, культурах и т. д. Институты одновременно и позволяют актерам действовать и в то же время ограничивают их предписанными правилами, нормами, стилями и т. д. Институты обычно подкреплены присутствием «третьей стороны», которая принуждает к исполнению правил и налагает санкции за их нарушение.

Классический институционализм

Ключевую роль в становлении классического политико-экономического институционализма сыграли экономисты и социологи США: Т. Веблен (1857–1929)¹¹, Дж. Коммонс (1862–1945)¹², У. Митчелл (1884–1948)¹³. Они полагали, что основной движущей силой общественного развития являются институты; отрицали способность капиталистического мира к саморегулированию; поддерживали идею о необходимости разумного государственного дирижирования экономикой; обращали внимание на необходимость дополнения некоторых чисто экономических теорий (например, маржинализма) широким социальным анализом. Методология институционалистов предусматривала преимущественное использование историко-генетического подхода; описательно-статистических и иных математических методов при анализе институтов.

Институционалисты творчески используют достижения других теорий, в частности аналитические инструменты микроэкономического анализа неоклассических концепций и др. Они одними из первых выступили с идеей государственного контроля над экономикой и в теоретическом плане подготовили определенную основу также и для последующего становления и распространения кейнсианства.

Можно выделить ведущие принципы и главные ценности классического институционализма:

1. Междисциплинарный и исторический подход, связанный с самим объектом исследования – институтами, структурными и функциональными аспектами институциональной системы как неотъемлемой части общественного устройства и развития в целом.

2. Позитивное отношение к государству, социальным и ценностным аспектам рыночных механизмов.

3. Внимание к анализу общественных противоречий; взаимосвязи развития науки и технологии – с одной стороны, и институтов – с другой.

4. С точки зрения классической политической экономии, экономика рассматривается как основа для науки, культуры, политики; институционализм же считает эти понятия равноправными и взаимосвязанными.

Теоретические наработки «классических институционалистов» нашли практическое применение в период «Нового курса» президента США Ф. Рузвельта и др. В частности они предсказали возможность глубокого экономического кризиса и разработали ряд инструментов для его преодоления.

В эволюции классического институционализма выделяют поздний этап (50–60-е гг. XX в.), когда возникли индустриалистско-технократические течения. Эти идеи нашли отражение в работах Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», «Экономические теории и цели общества» и др.¹⁴

Классический политико-экономический институционализм включает имманентные издержки, которые состоят в преувеличении роли формальных институтов, ограничении ими предмета анализа и неумении видеть их социодинамику, невнимании к политическому поведению, в слабом учете неформальных аспектов институционального функционирования и их роли в принятии решений, преобладании критического пафоса над разработкой конкретных программ развития и реформирования общества.

Потенциал и методологические ограничения неoinституционализма

На рубеже 1980–1990-х гг. складывается неoinституционализм. Важную роль в его развитии сыграли труды Дж. Бьюкенена¹⁵, Р. Коуза¹⁶, Д. Норта¹⁷, Дж. Стиглица¹⁸ (все они – лауреаты Нобелевской премии по экономике в разные годы), а также Дж. Марча и Й. Олсена¹⁹, К. Эрроу²⁰ и др.

Неoinституциональный подход дает возможность выявить многие реальные, а не только формально-правовые аспекты политического или социально-экономического процесса; представить комплексный анализ факторов общественного развития с акцентом на широком понимании институтов, в том числе и на исторически позитивной роли государства, а также международных правительственных и иных организаций.

Неoinституционалисты акцентируют внимание на том, как возникают и развиваются политические институты; какое воздействие они оказывают на политическое поведение индивидов и групп, на процесс принятия властных решений; под влиянием каких факторов институты изменяются и т. д. Учитывается, что институтам присущ и определенный консерватизм, преемственность, противодействие изменениям и инновациям. К источникам институциональных изменений относят изменения в рыночных отношениях, технологические инновации, трансформации во вкусах и предпочтениях людей, влияние примера (внешнего), культурной среды, лидерства и др.

Новый французский институционализм (Тевено, Болтански и др.) анализирует взаимодействие уже не только институтов, но

и институциональных *подсистем* («миров»), объективно сближаясь с системным подходом. Экономика рассматривается как подсистема общества. Ставится проблема взаимодействия следующих семи общественных подсистем: *рыночной* («рынок» рассматривается как система норм поведения, соглашений, рационального поведения субъектов); *гражданской* (подчинение частных интересов общим – государство, церковь и др.); *индустриальной* (представляет реальное производство, согласованность отдельных элементов производства); *общественного мнения* (влияет, например, на финансовые рынки); *традиционной* (персонифицированные связи и традиции); *творческой деятельности* (включает стремление индивидов к достижению неповторимости) и др.²¹

В неоинституционализме сделан упор на теории общественно-го развития и роли в них институтов с использованием методов качественного анализа. Если представители прежней школы в основном ограничивались описанием институтов, то неоинституционалисты рассматривают их как «зависимые переменные величины» и – что еще важнее – объясняют другие связанные с ними явления, как «независимые переменные величины», определяющие политику, административное поведение и др.

Неоинституционализм изучает как реальное *поведение*, так и формальные, структурные аспекты институтов. Он концентрирует внимание на результатах тех или иных социальных программ или политических решений; заостряет внимание на том, какими выгодами и какими обязательствами правительства в действительности наделяют своих граждан. Политические институты обычно трактуются в свете *взаимодействия формальных норм и неформальных правил игры*.

Источником воспроизводства институтов признаются не только правовые нормы, но и уровень легитимности в массовом сознании. Когнитивной основой политического порядка считаются не только обязательства, но и привычки, практические действия. Формальная структура общества рассматривается и как юридически заданная, и как *символически обусловленная*. Акцент смещается от анализа организаций к исследованию сообществ и пространств (полей).

При этом учитывается способность институтов изменяться во времени под воздействием внутренних характеристик, а также внешних условий и факторов общественной среды.

Институциональные изменения придают определенную структуру человеческим отношениям через ограничители двух видов: формальные и неформальные. Формальные состоят из полити-

ческих (законодательных, юридических) правил и определяют «иерархию государства», структуру принятия решений и контроль над повесткой дня; неформальные – из экономических, моральных и этических норм, ценностей и традиций.

Неоинституционализм, совершенствуя аналитическую методологию, пересмотрел некоторые положения неоклассической индивидуалистической рыночной теории:

- вместо постулата полной рыночной рациональности вводится принцип *ограниченной и когнитивной рациональности* (опыт, интуиция, стереотипы поведения, недостаток информации и т. д. не всегда максимизируют или оптимизируют поведение агентов: индивида и фирмы);
- вместо положения о рынке как всеохватывающей системе атомизированной конкуренции вводится понятие о хозяйстве как связанной совокупности трансакций, совершаемой частью на конкурентном рынке, а частью – в различных иерархических и административных структурах, причем учитываются неопределенность и незащищенность прав собственности как отношений;
- подвергается сомнению посылка неоклассической теории об изначально честном поведении экономических агентов;
- многообразие поведения участников рынка оценивается на основе многофакторного, в том числе когнитивного и социально-психологического, анализа (поведенческая микроэкономическая база);
- учитывается фактор несовершенной информации, создающий условия для возникновения монополистических тенденций и требующий соответствующей общественно-государственной регуляции;
- эффективность хозяйственной системы связывается со степенью опоры на общественную мораль, общественные ценности и интересы;
- качество демократии связывается с состоянием эффективности и качества основных институтов²².

В принципе неоинституционалисты выступают против рыночного фундаментализма, за дополнение конкурентного механизма рынка неким более справедливым «механизмом коллективного выбора». Неоинституционалисты отмечают, что инвестиции в образование, новые технологии и в чистую науку обоснованы, так как в конечном итоге они несут большую прибыль, являются вложением в человеческий капитал.

Особое внимание в неоинституционализме уделяется неформальным отношениям внутри и вне институтов. Оптимально,

когда формальные и неформальные правила соответствуют друг другу (принцип «*конгруэнтности институтов*»). Например, если государство заимствует формальные правила игры из-за границы, осуществляя «импорт институтов», но эти правила в корне не соответствуют обычаям и традициям, принятым в данном обществе, то такое заимствование не будет иметь социального успеха. Так, приватизацию в России в 90-е годы XX в. и формирование новых институтов можно было сделать по-другому, с минимальными потерями и затратами.

Операциональными категориями анализа политических систем и институтов признаются *акторы, ресурсы, стратегии, среда, окружение, практики, соглашения*. Эти инструментальные понятия позволяют выявить роль и динамику институтов, их позиционирование в пространстве власти и влияния.

Актуальной операциональной категорией является также понятие институциональной ловушки – неэффективной устойчивой нормы (неэффективного института), имеющей самоподдерживающийся характер. Суть ее в следующем: осуществляя изменения некоего института вне связи с трансформацией правил по другим институтам, мы создаем тупиковую ситуацию для решения стоящих перед нами задач²³. Основные взаимосвязанные «институциональные ловушки»: бартер, неплатежи, уклонение от уплаты налогов, «непрозрачность» институтов, коррупция.

Проблема выхода из «институциональной ловушки» представляет практический интерес. И главную роль в этом процессе должно сыграть государство, поскольку в условиях институционального неравновесия ни один другой агент, кроме правительства, не способен принимать эффективные долгосрочные решения. В этой связи весьма важно осуществление мер по изъятию переходной ренты государством, чтобы предотвратить неоправданную дифференциацию доходов и, как следствие, рост теневой экономики и коррупции, а также мероприятий социальной политики, предусматривающих компенсацию потерь тех групп населения, благосостояние которых снижается в результате преобразований. Каждый этап реформы должен быть тщательно подготовлен, включая оценку трансформационных и трансакционных издержек, выгод реформирования, при этом должно быть предусмотрено справедливое распределение реформенных тягот, компенсация потерь проигравшим. Соответственно, в этой связи необходимо учитывать различные направления и подходы в институционализме в целом, других управленческих теориях.

Ограничения неоинституционализма и ценностные подходы

Слабым местом неоинституциональных концепций, особенно экономических, является то, что в их основе лежат принципы своеобразного *экономического детерминизма*. Их представители полагают, что при принятии решений человек якобы руководствуется соображениями *преимущественно* экономического порядка. Они стремятся утвердить экономический подход в качестве всеобъемлющего и применимого ко всякому человеческому поведению; как преимущественного для всей социальной теории. Отсюда присутствие в неоинституционализме переформатированной теории «ограниченной рациональности» (по сути, из «новой экономической теории»), которая без включения в нее социальных и государственно-дирижистских аспектов «отдает» во власть глобального рынка интересы как частных акторов, так и государства. Попытки объяснить поведение человека различными формальными моделями (REMM, SRSM, OSAM) слабо коррелируются с воздействием сложных факторов принятия политических и социальных решений²⁴.

В целом причины необходимости целеполагания индивидов, возможности и пути формирования новых и повышения действенности традиционных институтов в этой теории в целом ряде аспектов рассматриваются достаточно расплывчато. Проблемным местом неоинституционализма является и объективистский подход к анализу социальных, политических и ценностных установок, регулирующих институциональную деятельность²⁵.

В плане преодоления ряда рассмотренных ограничений неоинституционализма следует отметить такое важное и новое направление современного анализа, как изучение повышения роли публичных ценностей в управлении, дирижистских функциях государства и выражения им подлинно общественных идеалов²⁶. В этой связи принципиальны идеи о переходе государства от административного к координационному и консультативному с ярко выраженной обратной связью в парадигме «электронного правительства» и «электронной демократии».

Неоинституционализм следует также дополнять изучением роли национального и цивилизационного лидерства в организации системы государственного управления и государственной службы, а также значения смыслов, идей и этики в управлении; взаимодействия и согласования ценностных интересов в парадигме «государство–бизнес–гражданское общество», которая лучше описывается современными управленческими теориями, включая сетевые подходы²⁷.

Неоинституционализм также целесообразно обогащать современными методами долговременного прогнозирования²⁸.

Итак, классическая неолиберальная неоинституциональная парадигма исследований имеет ряд ограничений. Ее использование желательно в тесной связи с другими современными государственно-управленческими подходами: качественными теориями государственного управления, ценностно-рациональными и цивилизационными концепциями, индексированием успешности деятельности институтов, их динамических способностей и др.²⁹ Экономический детерминизм неоинституционализма, его узкие места могут быть преодолены при их понимании и широком использовании всего комплекса современных управленческих теорий.

В этом смысле можно говорить о становлении ценностного, государственно-публично ориентированного институционализма и, соответственно, о ценностном, постнеоинституциональном подходе.

Примечания

- ¹ См.: *Васильцова В.М., Тертыйный С.А.* Институциональная экономика. СПб.: Питер, 2013. С. 13–14.
- ² *Дюркгейм Э.* Социология. М., 1995. С. 201.
- ³ См.: *Веблен Т.* Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М., 1984. С. 16.
- ⁴ См.: *Вебер М.* Избранные сочинения. М., 1990. С. 536.
- ⁵ См.: *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология. СПб.: Питер, 2012.
- ⁶ См.: *Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: СПбГУ, 2012.
- ⁷ См.: *Панов В.П.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М., 2011; *Патрушев С.В.* Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.
- ⁸ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. Б.З. Мильнера. М., 1997. С. 5.
- ⁹ *DiMaggio P., Powell W.* Introduction: The New Institutionalism in Organizational Analysis / Ed. by P. DiMaggio, W. Powell. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. P. 201.
- ¹⁰ См.: *Смит В.* Конструктивистская и экологическая рациональность в экономической науке: Нобелевская лекция 8 декабря 2002 г. // Политикам об экономике: Лекции лауреатов Нобелевской премии по экономике / Общ. ред. Г.Ю. Семигина. М., 2005. С. 231.
- ¹¹ См.: *Веблен Т.* Указ. соч.; *Veblen T.* The Vested Interests and the Common Man. N. Y., 1919.

- 12 См.: *Коммонс Дж.Р.* Правовые основы капитализма // *Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 3* / Ред. А.Г. Худокормов. М.: Мысль, 2005.
- 13 См.: *Митчелл У.К.* Экономические циклы // Там же.
- 14 См.: *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество: Избранное. М.: Эксмо, 2008.
- 15 См.: *Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики: Нобелевская лекция // *Вопросы экономики.* 1994. № 6.
- 16 См.: *Коуз Р.Х.* Институциональная структура производства // *Мировая экономическая мысль.* Т. 5 / Сопред. редкол.: Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. М.: Мысль, 2005.
- 17 См.: *North D.C.* *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- 18 См.: *Стиглиц Дж.* Информация и смена парадигмы в экономической науке: Нобелевская лекция 8 декабря 2001 г. // *Политикам об экономике...*
- 19 См.: *March J., Olsen J.* *Elaboration the "New Institutionalism"* // *The Oxford Handbook of Political Institutions* / Ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006.
- 20 См.: *Эрроу К.* Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор: Нобелевская лекция 12 декабря 1972 г. // *Политикам об экономике...*
- 21 См.: *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. М., 2012. С. 19.
- 22 См.: *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- 23 См.: *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы. М., 1998.
- 24 См.: Аналитические технологии прогнозирования политических процессов: Учеб. / Ред. О.В. Попова. М.: РГ-Пресс, 2013.
- 25 См.: *Public Value: Theory and Practice* / Ed. by J. Benington, M.H. Moore. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- 26 См.: *Волкова А.В.* Публичные ценности и система государственного управления в России. СПб.: СПбГУ, 2013.
- 27 См.: *Сетевой анализ публичной политики* / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РГ-Пресс, 2012.
- 28 См.: *Ирхин Ю.В.* Долговременное прогнозирование и проектирование глобального общественного развития // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки».* 2013. № 1. С. 60–73.
- 29 См.: *Moore M.H.* *Recognizing Public Value.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2013.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В СВЕТЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Новые медиа, в особенности Интернет, развивающиеся быстрыми темпами, не только изменяют образ жизни людей, но и существенно трансформируют всю систему взаимоотношений между индивидами, медиа и обществом. На протяжении нескольких десятков лет исследования этих взаимосвязей строятся на солидной теоретической платформе – теории обретения пользы и удовлетворения и теории зависимости от медиасистемы. Интернет-зависимость обычно концептуализируется как зависимая переменная в форме избыточного и неконтролируемого взаимодействия с медиа, и особенно в плане продолжительности контакта. В новой информационной среде отношения зависимости от медиа становятся более разнообразными, поскольку аудитория вовлекается в производство и распространение информации. В статье предпринимается попытка обобщить результаты исследований зависимости от новых медиа, базирующихся на указанных теоретических основаниях.

Ключевые слова: массовая коммуникация, теория, медиазависимость, обретение пользы и удовлетворения, новые медиа, Интернет.

Развивающийся быстрыми темпами Интернет и рост его популярности среди людей с широким спектром бэкграундов и образования привлекают пристальное внимание исследователей массовой коммуникации. Многочисленные научные работы подтверждают захватывающие фундаментальные трансформации, когда новые медиа становятся неотъемлемой частью повседневной жизни людей во всем мире. Более чем любое другое средство информации, Интернет предполагает активную аудиторию, указывая на то, что его использование целенаправленно.

Благодаря своей природе Интернет вольно обращается с компонентами традиционной модели массовой коммуникации «источ-

ник – сообщение – получатель», объединяя их то в обычные последовательности, то в совершенно новые конфигурации. Коммуникации через Интернет принимают разные формы, которые можно представить в виде континуума. Каждая точка в традиционной модели процесса коммуникации может варьироваться от одной до нескольких или даже многих в Интернете. Число получателей или аудитория этих сообщений могут ограничиваться одним человеком или составлять миллионы людей, которые способны менять свои роли потребителей сообщений на их производителей.

Вопрос воздействия коммуникации через Интернет на аудиторию представляет особую важность. Поскольку Интернет используется как для информации, так и для развлечения, важно знать, является ли он функциональным эквивалентом других развлекательных медиа и не возникает ли у аудитории привыкание к определенным видам коммуникации и развлечений в Сети. Интернет вызывает сдвиг традиционных моделей медиаповедения и медиапотребления и, как следствие, способствует формированию новых отношений зависимости.

Для изучения того, как медиа в целом и Интернет-ресурсы в частности обеспечивают индивидам достижение их целей, используются два теоретических подхода – обретения пользы и удовлетворения и зависимости от медиасистемы: первый исходит из того, что потребитель сам контролирует доступ к медиаконтенту, тогда как второй утверждает о его зависимости от медиа для достижения своих целей.

Две теории

Теория обретения пользы и удовлетворения – это аудитория-центрический подход к исследованию массовой коммуникации, согласно которому, если понять, с какой целью люди используют медиа, то можно объяснить характер их взаимоотношений с медиа. Эта теория увязывает понятия «использование», «пользование» и «польза» с такими психологическими детерминантами, как потребность и мотивация. По существу, рассуждения строятся на анализе двух параметров – поведенческих моделей и продолжительности контакта с медиа.

Исследователи пытались понять социальные и психологические корни потребностей, которые порождают различные модели медиапользования, в том числе для удовлетворения этих потребностей¹. В теории обретения пользы и удовлетворения с моделями

поведения связаны два типа использования медиа – ритуальный и инструментальный. В новом медиаконтексте такие параметры активности аудитории, как «активный селектор» и «случайный наблюдатель», недостаточны для понимания сути активности пользователей. На первый план выходит одна из самых важных характеристик современной информационной системы – подбор информации под заказ, пожалуй, самое популярное применение Интернета, позволяющее индивиду организовывать поиск любой нужной информации².

Во многих отношениях теория зависимости от медиасистемы более привлекательна, чем подход обретения пользы и удовлетворения, для объяснения отношений между индивидами и медиа. Обеспечивая более широкую теоретическую базу для изучения взаимоотношений индивидов, медиа и общества, теория медиазависимости исходит из того, что в определенных структурах общественных и медиальных систем индивиды активно ищут каналы в целях удовлетворения собственных потребностей, мотивов и желаний. Однако, взаимодействуя с социальными и коммуникационными системами, они меняют свои потребности и мотивы в зависимости от контекста. Зависимость или независимость от конкретного средства информации опирается на индивидуальные мотивы использования медиа и наличие функциональных альтернатив.

В современном обществе потенциально властная роль массмедиа вытекает из их контроля над информационными ресурсами, к которым индивиды или группы индивидов должны получать доступ, чтобы достигнуть своих целей. Масштаб личных или групповых целей, требующих доступа к информации, растет по мере усложнения общества и его культуры³.

Суть теории медиазависимости заключается в том, что чем больше индивид зависит от средства информации для достижения своих целей, тем важнее это средство информации для индивида. Она концептуализирует медиа в качестве основных информационных систем общества и связей между индивидами и социальной структурой. Далее она предполагает, что влияние медиаобщественной на перцепции аудиторий есть показатель того, насколько аудитории зависят от массмедиа как источника информации, необходимой для достижения цели.

Идея медиазависимости впервые была изложена в статье Сандры Болл-Рокешо и Мелвина Дефлера⁴, где авторы попытались объяснить, почему медиа по-разному влияют – в когнитивном, эмоциональном и поведенческом планах – на разных людей. Постепенно эта идея развилась в более сложную теорию, которая

рассматривает взаимоотношения между медиа и индивидами на микроуровне и между медиа и социальными системами (политической, экономической и др.) на макроуровне⁵. Эти отношения структурной зависимости определяют и устанавливают параметры и контекст индивидуальных отношений зависимости с учетом таких дополнительных переменных, как социальная среда, специфика функционирования медиасистемы, личностные характеристики потребителя и т. п.

Отношения зависимости на микроуровне (воздействие различных медиаисточников на индивидов как потребителей) выражены в трех общих параметрах: понимание, ориентация, игра. Далее каждый из этих параметров делится на две подкатегории: личную и социальную, выделяя шесть типов отношений медиазависимости на уровне индивида.

Понимание:

- понимание себя (например, осознавать себя как личность);
- понимание общества (например, познавать и интерпретировать мир вокруг себя).

Ориентация:

- ориентация действия (например, решать, что купить, как одеваться и т. д.);
- ориентация взаимодействия (например, улавливать подсказки, как поступать в определенной ситуации).

Игра:

- индивидуальная игра (например, расслабляться в одиночестве);
- социальная игра (например, ходить в кино или слушать музыку в кругу семьи или с друзьями)⁶.

Власть медиа в современном обществе базируется на асимметричных отношениях между индивидами и медиасистемой. Индивиды и межличностные сети не контролируют ресурсы, которые напрямую влияют на благополучие этих систем⁷. Медиасистема осуществляет контроль над ресурсами, которые непосредственно влияют на достижение целей индивидами и межличностными сетями в области понимания и ориентации. Такая асимметрия, в частности, возникает в периоды социальных перемен или драматических конфликтов, когда возрастает потребность в информации⁸. Помимо подобных периодов, есть проблемы, которые вне личного опыта граждан, поэтому они вынуждены обращаться к информации, представленной в медиа другими людьми. Дисбаланс между индивидами и медиасистемой может исчезнуть, если пользователь получит доступ к альтернативным медиа и немедийным опциям.

Но, несмотря на определенные усилия, большинству исследователей не удалось расширить свой анализ до структурных отношений зависимости на макроуровне, поэтому первоначальный акцент теории на трехсторонних отношениях «общество – медиа – индивид» сместился на индивидуальные отношения медиа-зависимости.

По С. Болл-Рокешо, в современном капиталистическом обществе самые значимые отношения на макроуровне – это отношения медиа с экономической и политической системами⁹. Они кажутся относительно симметричными, поскольку выживание каждой из трех систем зависит от двух других. Политическая система, например, зависит от медиа, которые укрепляют социальные ценности и нормы, способствуют поддержанию порядка и помогают мобилизовать граждан. Средства информации, со своей стороны, ждут от политических институтов легитимации своего статуса, рассчитывают на юридическую и законодательную защиту, а также рассматривают их в качестве неиссякаемого источника материала.

Взаимоотношения между тремя системами бывают двух типов – равенства и подчинения. В капиталистическом обществе медиасистема поддерживает свободное предпринимательство и пропагандирует капиталистические ценности. В авторитарных государствах правительства и/или правящие партии выделяют значительные финансовые ресурсы медиасистемам, которые, в свою очередь, обязаны осуществлять идеологический контроль и пропагандистскую работу. Структурные отношения зависимости или независимости между медиа и общественными системами (особенно социоэкономической) определяют структурные рамки деятельности медиа и, следовательно, формируют поток информации, от которой зависит индивид.

Интернет-зависимость

В 1998 г. С. Болл-Рокешо, предвосхищая эффект новых медиа на феномен медиазависимости, подчеркнула: «Таким образом, Интернет вторгается в традиционные отношения за счет интеграции в расширяющуюся медиасистему, способствуя достижению целей понимания, ориентации и игры, которые становятся доступными для индивидов, групп и организаций благодаря отношениям медиазависимости»¹⁰.

Современный характер медиазависимости дополнен уникальными чертами, привнесенными новыми медиа, включая среду со-

циальных медиа и уникальные контенты, доступные благодаря парципаторному использованию. Кроме того, он учитывает масштаб и интенсивность отношений, которые у людей складываются с Интернетом в повседневной жизни в том смысле, что Интернет стал незаменимым.

Интернет-зависимость обычно концептуализируется как зависимая переменная в форме избыточного и неконтролируемого взаимодействия с медиа, особенно в отношении времени их использования. Изучив проблему степени погруженности индивида в поиск информации, исследователи высказывают предположение, что регулярное использование Интернета для углубленного поиска подробной информации (на узкие темы) или любого другого источника для поиска специализированной информации индексирует зависимость индивида от этого источника больше, чем общий и неспецифический контакт¹¹.

У каждого человека, по всей вероятности, складывается собственный набор медиа, образующий матрицу из типов использования и медиа. Этот медиамикс соответствует целям индивида, причем он разный у разных людей в разное время. Данный микс – часть более крупного информационного набора, включающего и межличностную коммуникацию. Существование такого микса не означает, что какое-то одно средство информации служит единственным источником информации, которая нужна индивиду, чтобы достичь цели или реализовать потребность. Однако этому миксу присуща относительная стабильность, хотя и с некоторыми вариациями, в течение короткого времени, но его состав претерпевает серьезные изменения в случае нарушения доступа к существующим медиа и появления новых медиапродуктов.

Согласно теории медиазависимости, средства информации получают наибольшую власть либо когда основные медиа контролируют источники информации, которые иначе не были бы доступны для аудитории, либо когда отсутствуют альтернативные медиа. Этот контроль и является источником власти медиа¹². Однако маловероятно, что ведущие средства информации смогут и впредь сохранять за собой исключительный контроль. В последние десятилетия растет число источников информации, но простое существование этих новых возможностей не означает, что большинство людей откажутся от основных медиа. Исследования селективной экспозиции говорят о том, что сама возможность выбирать между различными источниками информации не ведет к тому, что люди склоняются в сторону близких им по духу средств информации или немедийной информации¹³.

Альтернативные источники информации существуют давно, но Интернет открыл новые форумы общения, которые оказывают многочисленные и разнообразные влияния на коммуникацию, и фрагментация аудитории – одно из последствий¹⁴.

Идея медиамикса не исключает, что дальнейшее развитие Интернета породит новые источники информационной зависимости, но не указывает на то, что использование Интернета полностью заменит существующие медиа, хотя для некоторых это заметно уже сейчас. В общем объеме времени, проводимом с существующими медиа, онлайн-доля определяется степенью зависимости, мотивирующей использование Интернета.

Исследования проблемы взаимодействия со средствами массовой информации показывают, что на выбор медиа влияет широкий диапазон восприятий, целей, потребностей. Более того, индивиды вступают в контакт с контентом очень избирательно¹⁵. В данном случае относительной предрасположенностью может быть недоверие и скептицизм. Было бы резонно предположить, что индивиды с низким уровнем доверия к ведущим медиа станут обращаться к альтернативным источникам информации. Утверждается, что у медиаскептиков более широкий микс источников информации и доля новостей из ведущих средств информации в их медиадиете меньше¹⁶.

С проблемой медиазависимости связан вопрос, замещает или дополняет доступ к онлайн-информации использование традиционных медиа, в частности газеты, радио и телевидение, и в какой мере.

Так, на объем времени использования онлайн-газет влияют демографические переменные (возраст, пол, образование и доход). Что касается поиска информации на конкретные темы, то по степени полезности онлайн-газеты пока не могут конкурировать с печатными изданиями или телевидением¹⁷. Похоже, что онлайн-газеты служат дополнением, а не заменой других новостных медиа, хотя борьба за внимание потребителей усиливается. Однако круг тех, кто кардинально меняют шаблоны медиапотребления, постоянно расширяется: люди совсем отказываются от традиционных медиа, переключаясь на Интернет, который обеспечивает: почти мгновенную доставку информации; интерактивную обратную связь; передачу мультимедийного контента; доступ к большому объему дешевой подробной информации.

Именно эти «относительные достоинства объясняют популярность и потенциальную роль Интернета в формировании отношений зависимости между индивидами и медиапродюсерами на микроуровне»¹⁸.

В случае с онлайн-медиа мы видим, что теория медиазависимости занимает позицию ближе к социальному конструктивизму, чем к технологическому детерминизму. Цифровые платформы рассматриваются как обязательный элемент в существующей макросети взаимосвязанных социальных систем. Даже в Интернете индивиды по-прежнему ставятся в асимметричные отношения зависимости потребителей от привилегированных производителей. В то же время эта теория допускает, что люди, обладающие нужными ресурсами, могут играть роль создателей контента. Благодаря новым коммуникационным технологиям микроотношения медиазависимости становятся более разнообразными, поскольку аудитория вовлекается в производство и распространение информации. В этом процессе пересмотра структур зависимости, однако, традиционным медиа удастся сохранить большую часть своего обычного влияния.

Теории обретения пользы и удовлетворения и зависимости от медиасистемы многие исследователи используют для анализа социальных явлений, связанных с медиа. Несмотря на то что эти теории, как и большинство других, непротиворечивы, они вполне укладываются в дефиницию теории, предложенную Эстер Хаак, которая утверждает, что теории рождаются не для того, чтобы доказывать, что что-то правильно или ложно¹⁹. Хорошая теория развивается и меняется с течением времени, опираясь на вклад тех, кто ее использует.

Опираясь на теории обретения пользы и удовлетворения, исследователи подтверждают существование медиазависимости, которая проявляется в отношениях власти между теми, кто обеспечивает доступ к информации, и теми, кто ее ищет. Интернет не только изменяет образ жизни людей, но и трансформирует систему взаимоотношений индивидов, медиа и общества. Зависимость – это обратная сторона контроля.

Примечания

¹ См.: *Katz E., Blumler J.G., Gurevitch M.* Uses and gratifications research // *Public Opinion Quarterly*. 1973–1974. Vol. 37. P. 509–523.

² См.: *Cho Y.* New Media Uses and Dependency Effect Model: Exploring the Relationship Between New Media Use Habit, Dependency Relation, and Possible Outcomes: A Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. New Brunswick, NJ, 2009 [Электронный ресурс] // Rutgers University Community Repository. URL: <https://rucore.libraries.rutgers.edu/rutgers-lib/25730/pdf/1> (дата обращения: 30.08.2014).

- ³ См.: *Ball-Rokeach S.J.* A Theory of Media Power and a Theory of Media Use: Different Stories, Questions, and Ways of Thinking // *Mass Communication and Society*. 1998. Vol. № 1 (1). P. 16.
- ⁴ См.: *DeFleur M.L., Ball-Rokeach S.* Theories of Mass Communication. 4th ed. White Plains, NY: Longman, 1989.
- ⁵ См.: *Ball-Rokeach S.J., Rokeach M., Grube J.W.* The Great American Values Test: Influencing Behavior and Belief Through Television. N.Y: The Free Press, 1984.
- ⁶ См.: *DeFleur M.L., Ball-Rokeach S.* Op. cit. P. 305.
- ⁷ См.: *Ball-Rokeach S.J.* Op. cit. P. 17.
- ⁸ См.: *Ball-Rokeach S.J., DeFleur M.L.* A Dependency Model of Mass-Media Effects // *Communication Research*. 1976. Vol. № 3 (1). P. 3.
- ⁹ См.: *Ball-Rokeach S.J.* Op. cit. P. 17.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ См.: *Riffe D., Lacy S., Varouhakis M.* Media System Dependency Theory and Using the Internet for In-Depth, Specialized Information (The Web Journal of Mass Communication Research. 2008. Vol. 11. Jan.) / Ohio University [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scripps.ohiou.edu/wjmcr/vol11/> (дата обращения: 30.08.2014).
- ¹² См.: *Jacob N., Edmund G.* No Alternatives? The Relationship Between Perceived Media Dependency, Use of Alternative Information Sources, and General Trust in Mass Media // *International Journal of Communication*. 2010. Vol. 4. P. 591.
- ¹³ См.: *Stroud N.J.* Media Use and Political Predispositions: Revisiting the Concept of Selective Exposure // *Political Behavior*. 2008. Vol. 30. P. 342.
- ¹⁴ См.: *Jacob N., Edmund G.* Op. cit. P. 591.
- ¹⁵ См.: *Katz E., Blumler J. G., Gurevitch M.* Op. cit.
- ¹⁶ См.: *Tsfati Y., Cappella J.N.* Do People Watch What They Do not Trust?: Exploring the Association Between News Media Skepticism and Exposure // *Communication Research*. 2003. № 30 (5). P. 518.
- ¹⁷ См.: *De Waal E., Schönbach K., Lauf E.* Online Newspapers: A Substitute or Complement for Print Newspapers and other Information Channels? // *Communication*. 2005. Vol. 30 (1). P. 69.
- ¹⁸ См.: *Riffe D., Lacy S., Varouhakis M.* Op. cit.
- ¹⁹ См.: *Haack S.* Defending Science – Within Reason: Between Scientism and Cynicism. N.Y.: Prometheus Books, 2006.

ПРОБЛЕМА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье рассматривается бытование проблемы крепостного права в пространстве политического интеллектуализма России XIX–XX вв. Автор концентрирует свое внимание на анализе интеллектуальной конструкции крепостного права, которая была представлена в трудах историков права историко-юридической школы – единственной развитой научной школы в российской историографии. Автор, вслед за представителями историко-юридической школы, возражает против трактовки крепостного права как политической, социальной и психологической травмы российской цивилизации и подчеркивает его неизбежное и органическое происхождение как одной из главных особенностей российского политического пространства.

Ключевые слова: крепостное право, интеллектуальная модель, историко-юридическая школа, российская цивилизация, политическая история.

Русский интеллектуализм уже в XVIII–XIX вв. воспринимал наличие в нашей истории крепостного права как центральную проблему для определения культурно-исторической и политической специфики российской цивилизации.

Крепостничество было характерно не только для России. Оно существовало в западноевропейских странах в XI–XV вв. и в странах Центральной и Восточной Европы в XVI–XVIII вв. Но в этих регионах оно связывалось с феодализмом и могло включать либо все, либо некоторые формы внеэкономического принуждения. Российские же дореволюционные историки и историки права не склонны были признавать наличие феодализма в России и поэтому идентифицировали отечественное крепостное право как специфику российской цивилизации.

Среди историков до сегодняшнего дня нет единства мнений относительно степени распространения крепостнических отношений

в России, а также факторов, их породивших. В советской историографии было принято рассуждать о закреплении только крестьян и посадских. Историки объясняли происхождение крепостного права ужесточением внеэкономического принуждения, побегам крестьян и посадских и интересами служилых людей. Отмену же крепостного права связывали с кризисом крепостнической системы хозяйства.

В западной историографии поныне придерживаются наиболее авторитетной в классической российской историографии теории закрепощения и раскрепощения сословий, однако, когда начинают размышлять о крепостном праве, в качестве закрепощенного сословия имеют в виду только крестьянство. Способствовали же закрепощению крестьянства, по мнению западных историков, их экономическая задолженность и заинтересованность помещиков в рабочей силе в условиях барщины. В целом западные историки практически солидаризируются с версией дореволюционной российской историко-юридической школы, чего они сами и не скрывают¹.

Так какую же интеллектуальную модель российского крепостничества сконструировала и представила историко-юридическая школа в отечественной историографии?

Для историко-юридической школы проблема крепостного права являлась главным вопросом переживаемого исторического времени и современной ей науки, поэтому ее крупнейшие представители стремились обосновать свою точку зрения по данному вопросу. Представители старшего поколения историко-юридической школы – К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и С.М. Соловьев – выводили закрепощение крестьян из особенностей географических и политических условий России.

По версии К.Д. Кавелина, внутренний строй российского общества был определен первоначальными отношениями, сложившимися в великорусском племени – дом и двор в составе главы семьи и домочадцев. Появившейся затем княжеский двор повторил эту структуру отношений; князь – глава семьи, члены которой и дружина являются его слугами. То же определило основание политической власти Московского государства. Царь – безусловный господин и наследственный владелец земель, народ – его холопы и сироты. Царь – защитник народа, это его долг и обязанность. Каждый член общества, в свою очередь, обязан нести службу в пользу государства.

По мнению Кавелина, с XVII в. в России устанавливается всеобщее крепостное право – определенную повинность должен был нести каждый «до смерти и наследственно». Постепенно закре-

пошались все группы населения. Крепостное право, по Кавелину, было основанием всей общественной жизни и прямо вытекало из внутреннего быта великорусского дома и двора. Оно не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. В нравах и убеждениях народа крепостное право поддерживалось не насилем, а сознанием².

Б.Н. Чичерин исходил из признания крестьян юридически свободными до конца XVI в. В основе его соображений была теория «всеобщего брожения». По мнению Чичерина, вотчина положила начало оседанию крестьянства с его обязанностью тягла, но не сняла свободу перехода. Эта неустойчивость хозяйственных отношений лишала прочной основы политическую организацию, мешала переходу к государственному быту. Прикрепление крестьян к земле и к тяглу непосредственно служило развитию общественных сил и государственного строя. Рассеянность народных сил породила закрепощение. В результате постепенного создания государством сословного начала может начаться процесс государственного раскрепощения³.

Вслед за Чичериным и С.М. Соловьев писал о непрочности общественных связей в Древней Руси, о «волнующемся жидком состоянии общества» до закрепощения сословий, о бродяжничестве крестьян, преодолеваемом силой государственной власти. По мнению Соловьева, только правительственная власть связывала людей. В отличие от Чичерина Соловьев не думал, что крестьяне были закрепощены единым юридическим актом, но полностью разделял существование теории «закрепощения и раскрепощения сословий» государством⁴.

Государственники «молодого» поколения историко-юридической школы – А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич и Ф.И. Леонтович – во второй половине XIX – начале XX в. с позитивистских позиций продолжили освещать в своих трудах ставшую еще более актуальной в политическом плане для российской цивилизации историческую проблему происхождения и особенностей крепостного права в России. Платформу их теоретической модели составили идеи «старшего» поколения историко-юридической школы.

Так, Ф.И. Леонтович в работе «Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий» выяснял общие черты процесса закрепощения в центральных областях России и в Юго-Западной Руси, но больше концентрировал свое внимание на особенностях. Леонтович отказался от точки зрения Чичерина об одновременном закрепощении крестьян в XVI в. в Юго-Западной Руси и центральных районах России. По мнению Леонтови-

ча, закрепощение крестьян везде было длительным и постепенно протекавшим процессом. Невозможно указать момент, с которого и начинается несвободное состояние крестьян. Переход к нему совершался незаметно: мало-помалу крестьяне опутывались сетью зависимых отношений, которые проистекали из разных источников и дали начало не менее разнообразным категориям крестьянства. Однако в целом Леонтович считал деятельность государства решающим условием закрепощения крестьян и рассматривал отношения между крестьянами и помещиками как правовые, что роднило его взгляды и взгляды Чичерина⁵.

А.Д. Градовский, принимая в целом точку зрения «старшего» поколения историко-юридической школы, вносил в нее существенные дополнения и уточнения. По его мнению, в России тянули данью и судом по земле и по воде. На феодальном языке Западной Европы это выражение означало бы подчинение всех сословий владельцу, на земле которого они сидели. В России же это означало подчинение *всех* государственной власти: сел, волостей и дружинников в качестве землевладельцев. Поземельные отношения пока не установили рабства и крепостного состояния – отношение к земле было вольным. Рабство и крепость имели своим источником, утверждал Градовский, личные отношения и вытекали из обязательств, установившихся от лица к лицу непосредственно. Этим объясняется тот странный факт, что господство человека над человеком по началам частного права не изменило юридический быт древней Руси. Несмотря на то что рабство имело много источников, оно не захватило всего русского общества и закрепление крестьян ожидало государева указа, изданного в виду государственных, а не частных целей.

Законодательство до XVIII столетия различало холопов и крестьян. Смешение этих групп населения последовало в результате правительственного распоряжения, а именно вследствие переписи 1719 г. Таким образом, подводит итог Градовский, начала частного права не имели такого влияния на развитие нашего государственного быта, как это полагал Чичерин⁶.

Многие обязательства служили поводом к закреплению. Но это были личные обязательства, которые могли перейти в домашнее рабство, а никак не в рабство поземельное. Это имело важное значение для русского государственного быта: личная власть и личные отношения не могли захватить в крепость такого громадного количества людей, как это сделало крепостное право, основанное на поземельных отношениях. Существование свободного крестьянства могло держаться в России рядом с сильнейшим холопством. Лич-

ные обязательства могли привести к ограничению свободы лица; по земле все подчинялись только государству и потому считались свободными членами русского общества.

Поэтому, с точки зрения личных прав, крестьянство издавна составляло одно целое. Во весь киевский период на Руси не образовалось ничего похожего на крепостное право, т. е. ни один владелец из своих землевладельческих прав не выводил никакой власти на лиц, живших на его земле. Еще меньше возможностей для развития крепостного права вытекало из понятий собственности в эпоху реформ Ивана Грозного. Причина этого заключалась в том, что в это время землевладельцы не могли иметь больше прав на крестьян, чем на землю. Действительно, Судебник не только не сократил, но даже расширил, дал больше юридической определенности личной свободе крестьян как членов русского общества. Сносясь с крестьянами через общину, имея дело больше с землей, чем с крестьянами, правительство не имело нужды пока касаться личной свободы крестьян и не имело желания закрепощать их в пользу частного владения, которое само же и распатало.

Этим, по версии Градовского, объясняется странное противоречие древнерусской жизни – совмещение полного закрепления высших классов и сравнительно большая свобода крестьянства. Причина этого заключается в том, что личные отношения и обязанности, соединявшие старую дружину с князем, должны были кончиться полным ее холопством, а крестьяне, постоянно сносились с князем через землю и при посредстве общины, сохраняли свою свободу дольше. В то время как знатнейшие дружинники были уже полными холопами царя, правительство противилось закрепощению крестьян. Ограждая личную свободу крестьянина, Судебник заботился и о его собственности; причина этой заботливости заключалась в том, что крестьянин наравне со всеми другими отбывал государственные повинности.

Только сделав крестьянина принадлежностью земли, правительство могло придать черным вытям и поместьям их настоящее финансовое значение. Из этой потребности отбывания государственных податей и повинностей, с одной стороны, и службы – с другой, возникло в конце XVI в. явление, известное в нашей истории под именем «крепостное право»⁷. Уничтожение крестьянского перехода имело ближайшей целью поверстать все тяглые единицы Московского государства рабочей силой, и правительство не могло это сделать иначе как уничтожив древнее право перехода. В первое время существования крепостное право воспринималось только как мера правительства. Боярство было недовольно этой мерою так

же, как и крестьянство. Но не подлежит сомнению, что эта мера коренным образом изменила быт крестьянского сословия и прежде всего подорвала крепость крестьянской свободы. Таким образом, Градовский первым дал развернутое определение крепостного права – того явления нашей истории, которое во многом определило качественное своеобразие и специфику российской цивилизации.

Устои крестьянской свободы были расшатаны преимущественно тем, что законодательные постановления, обеспечивавшие личную свободу крестьянина, противоречили узаконениям, лишавшим их материального обеспечения. Единственным богатством крестьянина как земледельческого сословия всегда и везде является земля. Между тем, это единственное богатство крестьянина все больше выходило из его рук, так что во времена Судебника материальное положение крестьян было крайне жалким. Политика правительства прямо или косвенно сосредотачивала всю землю в руках государства. С XV столетия установилось общее правило, что землю можно владеть только отбывая повинность или службу. Но земля, бывшая предметом частного владения, сосредотачивалась в руках дворянства.

В конечном итоге Градовский приходит к оригинальному выводу. Он доказывает, что обезземеление крестьянства было печальным, но всеобщим фактом XVI века. Вдумываясь в его значение, нельзя не прийти к заключению, что крепостное право еще было хорошим исходом из этого положения вещей. Может быть, без него крестьян ожидало бы простое холопство или полное рабство. Правительство энергично пыталось охранить крестьян от этого, о чем свидетельствуют Судебники. Но что может сделать законодательство, когда все условия экономической жизни против него? Холопство принимало страшные размеры, и указ, закрепивший крестьян, спас их от худшей доли. Он сохранил человеческую личность, сделал крестьянина частью земли, а не домашней вещью владельца, а это дало впоследствии возможность освободить крестьян с землею⁸.

В 1875 г. в первом издании «Начал русского государственного права» А.Д. Градовский развивает свои идеи об оформлении крепостного права. В деле закрепощения крестьян законодательство развивалось постепенно. Судебник 1497 г. назначил Юрьев день. К концу XVI в. закрепощение распространилось на всех горожан и сельских обывателей. Но в этой массе закрепощенных черных людей городские и сельские обыватели еще не выделяются. С усилением крепостного права городские и сельские общины стремятся к разделению. В XVII в. городские и уездные люди уже строго раз-

граничены. Рядом с установлением государственного крепостного права оформляется крепостное право частное. Оно достигало людей, сидящих на владельческих и монастырских землях. Но и частное крепостное право возникло также из общих государственных соображений и из финансовых нужд правительства.

Крепостное право в собственном смысле слова было неизбежным следствием общей системы государственных тягл. Крепостное право явилось обеспечением материальными средствами владельца, обязанного служить, и, кроме того, средством исправного отбывания повинностей, лежащих на крестьянах. Впоследствии из факта прикрепления крестьян к земле развилось право в позднейшем смысле этого слова, т. е. как частная власть лица одного сословия над совокупностью лиц другого сословия⁹. Таким образом, Градовский считал крепостное право не только закономерным, но и прогрессивным явлением для России.

Проблема крепостного права обсуждается в третьем томе капитального труда В.И. Сергеевича «Лекции и исследования по древней истории русского права» (1890). В этом томе – «Землевладение. Тягло. Порядок обложения» – раскрывается природа отношений общества и государства, которые Сергеевич рассматривает в традиции историко-юридической школы. Процесс закрепощения крестьян Сергеевич связывает, как и Градовский, с закрепощением сословий в интересах фиска.

Сергеевич в духе сложившейся профессиональной традиции начинает свое исследование с обзора научной литературы о порядке возникновения крепостной неволи.

Сергеевич отмечает, что еще со времен В. Татищева установилось мнение, что крестьяне лишены свободы переходом особым указом, появившимся в конце XVI в. До половины XIX в. в этом никто и не сомневался. Трактую проблему закрепощения крестьян, М.П. Погодин пошел за М.М. Сперанским. То обстоятельство, что сотрудники Сперанского не нашли указа об отмене перехода в Юрьев день, по его мнению, не являлось случайностью. Сперанский предположил, что такой указ вовсе не издавался в конце XVI в., поэтому Погодин стал сборником концепции безуказного закрепощения крестьян¹⁰.

В статье «Должны ли считать Бориса основателем крепостного права?» Погодин проводит следующую мысль: никакого общего правительственного распоряжения об отмене Юрьева дня не было. В установлении крепостного права виновны обстоятельства, а не Борис: это дело практики, обычаев и частных правительственных распоряжений. Аргументы Погодина вызвали серьезные возражения со стороны Н.И. Костомарова и никого не убедили. Однако

мысль Погодина, по мнению Сергеевича, не прошла бесследно и возродилась благодаря В.О. Ключевскому¹¹.

Ключевский не сомневался, что крепостное право не создано правительством и не было навязано народу законодательством, поэтому напрасно искать закон 1592 г. Источник крепостного права иной: Ключевский ищет экономическое объяснение закрепощения в крестьянском разорении XVI в. и это роднит его с позицией Градовского. Идея Ключевского следующая: крепостное право сложилось вследствие применения к крестьянам-должникам правил о долговом холопстве. Но с середины XVI в. ссуда – общее условие крестьянского договора, поэтому господа применяли к ним условия служилой кабалы и крестьяне становились крепостными¹².

В представлении о внутреннем, естественном процессе развития крепостной зависимости заключалось внешнее наукообразие предложенной схемы, но в основе ее лежит противоречие методологического характера. Ключевский идентифицировал крепостной строй с крепостной зависимостью как системой правовых отношений. Поэтому, вслед за историко-юридической школой, он считал крестьян до XVI в. свободной бродячей массой, а крепостная зависимость, по его мнению, возникла в XVI в. вместе с крепостным правом.

До сих пор, заявляет Сергеевич, все думали, что крестьяне были прикреплены к земле. Ключевский же утверждает, что крестьяне прикреплены к своему званию и к лицу владельца, но не к земле. Однако вопрос в том, были ли применены к крестьянам правила служебной кабалы?

Сергеевич подробно анализирует Судебник 1550 г. и Уложение. В результате он делает вывод, что ничего подобного идеям Ключевского в этих источниках нет. А потому, по его мнению, вопрос о происхождении крепостного права остается в том же положении, что и до Погодина.

В.И. Сергеевич, как и все сторонники историко-юридической школы, выводит крепостное право из нужд служилого государства, из иерархии сословных тягл, проводит по этим направлениям сопоставление России с феодальным Западом. Падение феодализма и всех сословных различий на Западе явилось средством объединения государства. В России же сословия были продуктом государственной деятельности по обеспечению служилых функций населения, и централизация оказалась результатом закрепощения сословий. Россия вовсе не знала феодализма. Данный подход к проблеме закрепощения и феодализма полностью разделял А.Д. Градовский. Таким образом, представители «молодого» поколения историко-юридической школы, в духе главных идей государственников, дали

целостную концепцию отношений сословий и государства в русском историческом процессе, исходя из его специфических черт.

Собственные суждения Сергеевича о природе крепостного права были достаточно оригинальны. По его мнению, с установлением обязательной службы для своеземцев и вотчинников и с точным определением размеров этой службы неудобства описанных хозяйственных порядков особенно должны были почувствовать землевладельцы. Самой выгодной системой землепользования была барщина, но переход на барщину при свободном крестьянстве не зависел от воли землевладельцев. У кого было много земли, тот мог легко справиться со своими служебными обязанностями, но людям малоземельным приходилось очень тяжело. Такое положение дел должно было вызвать жалобы на недостаток рук, на неудобства свободного перехода крестьян и стремление к его ограничению вплоть до совершенной отмены. Прикрепление крестьян и переход от подворных хозяйств к большим деревням с барщинным хозяйством мог быть желателен и для крестьян-собственников, но особенно стремились к нему мелкие владельцы.

Сильные люди были против прекращения свободного перехода. В чью же пользу были закреплены крестьяне? В пользу мелких служивых людей, которые составляли ядро войска. Голос этих служивых, утверждает Сергеевич, ясно слышался в указе 1642 г., назначавшего десятилетнюю давность для сыска беглых крестьян¹³.

Обоснование конкретных социально-экономических причин закрепощения крестьян, данное Сергеевичем, было столь неожиданным, что не встретило особой поддержки у коллег-историков. Однако общая модель происхождения крепостного права в России – из системы тягл в интересах служилого государства – была выдержана Сергеевичем и солидаризировалась с другими членами «молодого» поколения историко-юридической школы – А.Д. Градовским и Ф.И. Леонтовичем.

Таким образом, историко-юридическая школа – и «старшее» и «молодое» поколения – сконструировала обобщенную интеллектуальную модель крепостного права, которая в силу своей исторической адекватности стала наиболее авторитетной в дореволюционной российской и европейской историографии. Суть ее заключается в том, что происхождение крепостного права относилось к XVI–XVII вв. и объяснялось потребностью государства в прикреплении населения к определенному месту жительства и определенным повинностям (тяглу) с фискальными и военно-политическими целями. Поэтому закрепощение сословий стало всеобщим и к XVIII в. единственным свободным человеком в России был царь.

Закрепощение крестьян связывалось с ростом их экономической задолженности и необходимостью обеспечивать находившихся на государственной службе лиц гарантированной рабочей силой. В результате именно государственные соображения и нужды стали главными факторами закрепощения – эта версия была признана доминирующей. Однако представители историко-юридической школы видели и более глубинные причины крепостного права – культурно-психологические. К.Д. Кавелин утверждал, что источник крепостного права заключался «в народных нравах и убеждениях и поддерживался не насилием, а сознанием»¹⁴.

Такая уж у нас страна: холодный климат, большие расстояния, скудный прибавочный продукт. Оттого единственный способ жить и развиваться – это впрягаться всем миром, главное – чтобы поровну и сообща. Поэтому крепостное право в России сложилось исторически, развивалось стихийно и явилось необходимой составляющей российской действительности. С точки зрения историко-юридической школы, это был рациональный ответ России на вызов пространственного местоположения и трудных условий обитания.

В 1861 г. Россия оставалась единственной великой державой, где сохранялось крепостное состояние. Крепостное право отменялось сверху не потому, что оно исчерпало свои экономические возможности, а потому, что этого требовала общественность, ибо было грешно владеть христианской душой. Отсюда сохранение в стране пережитков крепостничества в общественном сознании, в социальных и экономических отношениях, которые оказались столь живучи и глубоки, что еще в XX в. оказывали травмирующее воздействие на политические и социальные практики российской цивилизации.

Таким образом, наличие крепостного права в социально-политическом пространстве России трактуется как ее главная цивилизационная особенность. Крепостное право стало проявлением слабого развития индивидуализма, оно было средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества. И поскольку в модели российской цивилизации крепостное право в силу своей специфики занимает такое выдающееся место, то и дискуссии вокруг его содержания и последствий для страны остаются актуальными для современного российского интеллектуализма.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб., 2003. С. 360.

² См.: *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1897. Стб. 221.

- ³ См.: *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 227–228.
- ⁴ См.: *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 7 (т. 13–14). М., 1997. С. 764.
- ⁵ См.: *Леонтович Ф.И.* Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863. С. 4–5.
- ⁶ См.: *Градовский А.Д.* Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 5. С. 405–406.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 449–450.
- ⁹ См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: В 2 т. Т. 1. СПб., 1875. С. 190–192.
- ¹⁰ См.: Русская беседа. 1884. № 5.
- ¹¹ См.: *Ключевский В.О.* Происхождение крепостного права в России // Русская мысль. 1885. № 8, 9, 10.
- ¹² См.: *Ключевский В.О.* Опыты и исследования: Первый сборник статей. СПб., 1885.
- ¹³ См.: *Сергеевич В.И.* Древности русского права: В 3 т. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1909. С. 151–153.
- ¹⁴ *Кавелин К.Д.* Указ. соч. Стб. 228.

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

Н.Дж. Спикмэн

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРАЗИИ

Часть 1

Вниманию читателей предлагается перевод фрагмента главы из книги известного американского геополитика Николаса Джона Спикмэна (Nicholas John Spykman, 1893–1943) «География мира»¹, в которой автор критически переосмысливает идеи британского географа Х. Маккиндера о стратегической роли «хартленда», или «сердцевинной земли» евразийского материка, в плане установления контроля над всем континентом.

Ключевые слова: геополитика, геополитический анализ Евразии, военная стратегия, хартленд, римленд.

Любой подход к осмыслению геополитических отношений между государствами восточного полушария должен принять во внимание тот факт, что вся земная поверхность сегодня стала единым полем игры политических сил. Теперь мир в целом хорошо известен в географическом отношении, и изменение расстановки сил в одном из регионов должно оказать воздействие на баланс сил в других. Развитие военно-морской мощи наделило государства Западной Европы политическим могуществом в плане доступа к берегам самых отдаленных континентов. Соотношение сил на одном из континентов неизбежно отражается на распределении сил на других, и внешняя политика любого государства может оказаться под воздействием событий, происходящих во всем мире.

Ключевым обстоятельством, положившим начало современной эпохе мировой политики, явилось развитие океанического судоходства и открытие морских путей в Индию и Америку. Мобильность на море стала основой для геополитической структуры нового типа – империи, обладающей заморскими территориями. Ранее история демонстрировала нам образцы великого сухопутного могущества, основанного на контроле над сопредельными континен-

тальными массами, – такие как Римская, Китайская и Российская империи. Теперь же море превратилось в важнейшую коммуникационную артерию и в нашем распоряжении оказались новая структура великого могущества и огромные пространства. Британская, Французская и Японская империи и морская мощь Соединенных Штатов внесли свой вклад в развитие современного мира, который стал единым пространством взаимодействия политических сил. Это морское могущество дало возможность воспринимать евразийский континент как единое целое, и это морское могущество определяет взаимоотношения между Старым и Новым Светом.

Данное важное изменение в структуре военной мощи первым распознал и всесторонне проанализировал Альфред Тайер Мэхен в 1890 г. в своей книге «Влияние морской силы на историю, 1660–1783»². Однако впервые взаимоотношения между сухопутным и морским могуществом в подлинно глобальном масштабе подробно исследовал британский географ сэр Хэлфорд Маккиндер в 1904 г.³ В качестве основного инструмента для своего анализа он использовал карту, в центре которой находилась Сибирь, а Европа рассматривалась не в качестве мирового центра, а в качестве одного из многих полуостровов континентального массива Евразии (см. рис. 1). Западный мир столкнулся с новой картиной земной поверхности, которая отодвинула в тень его сосредоточенность на Европе как на

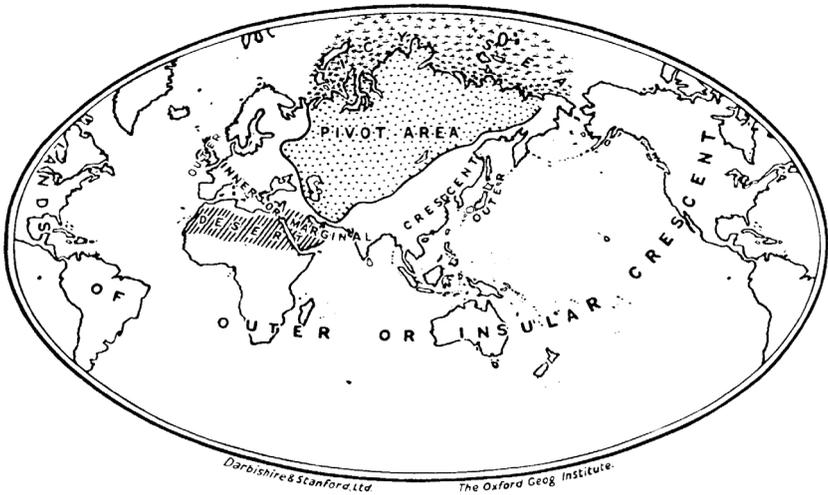

Рис. 1. Мир согласно Маккиндеру

центре вселенной. В своей широко известной работе «Демократические идеалы и реальность», опубликованной в 1919 г.⁴, Маккиндер вновь обратился к глобальному видению мировой политики и представил более детальный анализ евразийского континента.

Сегодня воспринимать мир как единое целое тем более необходимо, поскольку он теперь связан не только морским, но и воздушным сообщением. Наше внимание к позиции западного полушария уже заставило нас исказить действительное положение вещей в Старом Свете, поскольку мы сконцентрировали свое внимание на Соединенных Штатах и разделили евразийский континент на два региона, Европу и Дальний Восток, чтобы рассмотреть их силу по отношению к нашей собственной стране. Но чтобы отчетливо увидеть полную картину этих двух регионов во взаимоотношениях друг с другом, будет лучше вернуться к карте Маккиндера, в центре которой находится Сибирь, и подробно рассмотреть различные концепции, которые он выдвигал применительно к геополитическим отношениям на континенте.

Мир Маккиндера

Анализ Маккиндера начинается с идеи хартленда. Обширное пространство Сибири рассматривалось как единое целое с точки зрения внутреннего речного стока и выхода к морю. Эту огромную территорию можно считать единым целым, потому что все ее реки впадают в Северный Ледовитый океан или изолированные воды Каспийского и Аральского морей и ни одна из ее частей не соприкасается с открытым океаном в каком-либо месте. Кочевые племена, всегда населявшие этот регион, периодически пытались выйти к морю и, следовательно, оказывали значительное военное давление на государства, которые в разные времена занимали прибрежную территорию. Данную прибрежную территорию Маккиндер называет внутренним полумесяцем и включает в ее границы все те континентальные государства, которые имели прямой выход к морю и таким образом могли развивать как морскую, так и сухопутную мощь. За ее пределами располагаются острова и удаленные континенты внешнего полумесяца, при этом океаны окаймляют заморские континенты западного полушария.

С данной точки зрения непрерывность континентальных масс западного полушария оказывается разбитой, потому что карта, в центре которой располагается Сибирь, изображает атлантическое побережье континентов Северной и Южной Америки обращен-

ным к Европе, тогда как их тихоокеанское побережье – обращенным к Дальнему Востоку. Когда Маккиндер впервые опубликовал свою карту в 1904 г., это было скорее пророчеством, чем истиной по отношению к реалиям дня до тех пор, пока не было завершено строительство Панамского канала, которое полностью раскрыло силовой потенциал Соединенных Штатов в западной части Тихого океана. Однако сегодня у карты, в центре которой располагается евразийский континент, есть определенная обоснованность, потому что западное полушарие имеет жизненные интересы в обеих частях Старого Света – и в европейской и в дальневосточной.

Взаимоотношение сил в восточном полушарии Маккиндер определил с точки зрения соотношения между сухопутным могуществом хартленда и морской мощью Великобритании. Безопасность Британской империи зависела от сохранения баланса сил между морской и континентальной структурами мирового острова. Если одна из них получит превосходство, то она будет доминировать над всем континентом и осевой регион окажется под контролем единственной силы. Имея обширную континентальную массу в качестве базы, можно создать морскую мощь, которая окажется способной с легкостью нанести поражение Великобритании. Поэтому задача британской внешней политики состояла в том, чтобы предотвратить любую интеграцию сил на европейском континенте и, в частности, позаботиться о том, чтобы ничто не вело к действительному военному альянсу между Германией и Россией.

Данный анализ имеет весьма существенное обоснование с точки зрения рельефа континентальной массы Евразии. Как мы уже знаем, там располагается отчетливо выраженная центральная низменная равнина, которая окружена кольцом гор, почти непрерывно простирающимся от Скандинавии до Чукотского полуострова в Сибири и фактически перекрывающим доступ людей из внутренней области к океану. За пределами этого горного барьера находятся низменные прибрежные регионы Европы, Ближнего Востока, Индии и Китая. К сожалению, карта, которую использует Маккиндер, не отражает ни одну из этих особенностей рельефа, которые на самом деле составляют основу его концепции. Если нет возможности непосредственно обратиться к его тексту, то будет не так просто понять смысл употребляемой им терминологии.

Немецкий геополитик Хаусхофер воспринял концепцию британского географа и адаптировал ее применительно к своим специфическим требованиям. Вид карты, которую он изобразил, чтобы объяснить свою теорию, показывает, что он внес некоторые уточ-

Рис. 2. Мир согласно Хаусхоферу

нения (см. рис. 2). Он указал направление течения рек – деталь, благодаря которой тот, кто имеет навык интерпретации карт, сможет с известной степенью точности указать расположение горных хребтов. Он также обозначил некоторые области «политического давления», иллюстрирующие местонахождение центров силы, о которых Маккиндер говорил, но не смог указать их на своей карте. Тем не менее данная схема также не в состоянии представить действительно достаточные основания для дальнейшего разговора, поскольку на ней не отражены весьма важные данные о рельефе местности, которые в геополитическом анализе являются обязательными.

Поэтому мы должны еще раз взглянуть на топографическую карту и вновь выделить основные контуры рельефа Евразийского континента: центральная равнинная низменность ограничена на севере водами, покрытыми полярными льдами, а на востоке, юге и западе – большим полукольцом гор. За пределами горного пояса находятся прибрежные районы, состоящие из равнин, разделенных горными отрогами, которые простираются до моря. В нашем дальнейшем рассмотрении данного изображения земной поверхности мы будем вынуждены снова и снова обращаться к этим регионам, и поэтому будет правильным дать им конкретные названия (см. рис. 3). Центральную равнину континента можно продолжать называть «хартлендом», но мы можем отметить, что она, по сути, должна быть приравнена к политическому пространству Союза Советских Социалистических Республик. На-

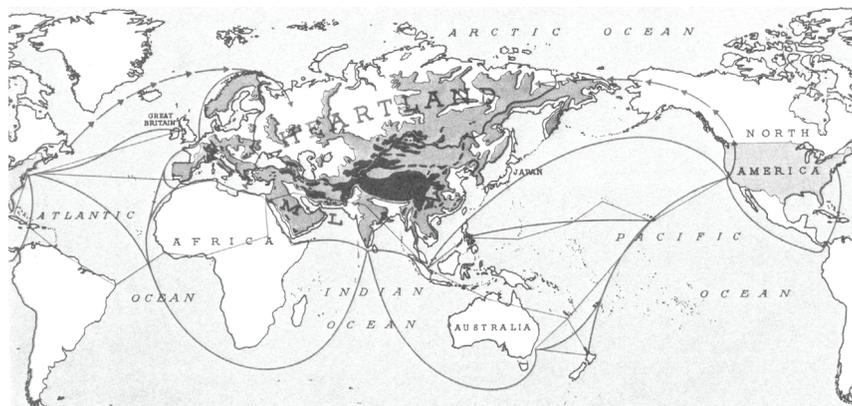

Рис. 3. Геополитическая карта Евразии

ходящуюся за горным барьером прибрежную территорию, которую Маккиндер обозначил как «внутренний полумесяц», можно более эффектно именовать «римлендом», «окраинной землей» – названием, точно определяющим ее характер. Обрамляющая ее вереница окраинных и внутренних морей, которая отделяет континент от океанов, составляет окружной морской путь, связывающий в единое целое все это пространство с точки зрения морской силы. Далее располагаются «оффшорные» (запредельные) острова и континенты – Великобритания, Япония, Африка и Австралия, которые составляют «внешний полумесяц». Понятие «оффшор» настолько хорошо отражает их сущность по отношению к центральной континентальной массе, что лучше мы будем использовать эту терминологию, чем ту, которую предложил Маккиндер. Океанический пояс и трансокеанский Новый Свет завершают картину с точки зрения чисто географических факторов.

Теперь на основе этой более полной картины Старого Света мы сможем подробно заняться конкретными регионами, на которые мы его разделили, и проанализировать их значение с позиций силового потенциала и политики глобальной безопасности. Мы должны оценить ту роль, которую каждая из этих зон ранее играла в международном сообществе, потому что только в таком контексте удастся понять ход Второй мировой войны и возможности достижения мира.

Хартленд

Важное значение региона, называемого хартлендом, впервые показал Маккиндер в своей концепции, согласно которой преимущество центрального положения в сочетании с внутренними путями сообщения делает его все более могущественным и целостным благодаря развитию системы сухопутного транспорта до такого уровня, когда она смогла бы начать конкурировать с морскими коммуникациями. Он также предусмотрел преобразование степных земель из территории с низким уровнем хозяйственного развития в пространство, обладающее высоким экономическим потенциалом.

Реальные факты российской экономики и географии не дают достаточно отчетливых представлений о том, становится ли хартленд мировым центром коммуникации, мобильности и потенциальной силы либо он станет таковым в недалеком будущем. Прежде всего, распределение климатических условий в мире придает уверенность в том, что если не произойдут революционные изменения в сельскохозяйственной технике, центр аграрного производства останется на западе России, а не переместится в центральную Сибирь. Данное обстоятельство подчеркивает карта, на которой показаны обрабатываемые земли в мире (см. рис. 4). Несмотря на то, что Российское государство занимает гораздо большую территорию, чем Канада, Соединенные Штаты или Бразилия, действительный объем пахотной земли составляет лишь очень небольшую часть всей ее площади. Было бы ошибочным характеризовать всю

Рис. 4. Обрабатываемая земля в мире

Россию, или хартленд, как регион с большим сельскохозяйственным потенциалом.

Вновь обращаясь к географическому распределению мировых запасов каменного угля и железной руды, а также нефтяных месторождений и гидроэнергетики, отметим, что эти важнейшие элементы индустриальной мощи находятся преимущественно к западу от Уральских гор. Правда, существуют залежи угля и железа в Сибири, объем которых точно неизвестен, но, несомненно, составляет значительную величину. По некоторым данным, там также имеются и запасы нефти, которые в случае своей разработки могут иметь большое значение. Безусловно, советское правительство уже предприняло и будет в дальнейшем предпринимать постоянные и напряженные усилия для того, чтобы переместить центр промышленного производства на восток. Пока ему, несомненно, удалось осуществить развитие предприятий и шахт в такой степени, которая дала России возможность обеспечить значительную часть своих огромных потребностей военного времени. Данные по промышленному производству на большой территории между Уралом и Новосибирском остаются неопределенными и неточными, и трудно полностью оценить фактическое и потенциальное значение этого региона. Тем не менее есть уверенность в том, что он уже в существенной мере обеспечивается за счет более плодородных областей на западе и юго-западе, однако следует помнить, что это не будет способствовать поддержанию большой численности населения, занятого в сельском хозяйстве.

Железные и автомобильные дороги, а также авиация, конечно, увеличили мобильность в центре континентальной массы Евразии. Однако нельзя игнорировать тот факт, что с севера, востока, юга и юго-запада это пространство окружено в полном смысле слова серьезнейшими препятствиями для развития мирового транспортного сообщения. Ледяной покров с низкими температурами на протяжении большей части года и высокие горы, имеющие лишь несколько труднопреодолимых перевалов, образуют его границы. Значительная часть территории римленда, которая соприкасается с хартлендом, не имеет развитых путей сообщения. Афганистан, Тибет, Синьцзян и Монголия – это регионы, где нет железных дорог, практически отсутствуют автомобильные дороги и есть только несколько извилистых караванных путей самого примитивного типа. Закон обратного соотношения могущества и расстояния сохраняет свою силу как в границах одного политического образования, так и между поли-

тическими образованиями. В ближайшем будущем Центральная Азия, несомненно, будет оставаться регионом с довольно низким силовым потенциалом.

Значение данного региона Маккиндер также определил и с точки зрения местоположения. То обстоятельство, что ядро хартленда располагается в центре континентальной массы Евразии, дает ему преимущества во внутреннем сообщении по сравнению со странами внутреннего полумесяца. Очевидно, что задачи армий, действующих по направлению диаметра круга, будут менее сложными, чем у вооруженных сил, которые должны выполнять свои функции по окружности, опоясывающей тот же регион. В сравнении с внешними направлениями действия британских военно-морских сил, идущими от Великобритании по окружному пути вдоль берегов евразийского римленда, Россия имеет внутренние пути сообщения. Транспортные связи между российским Туркестаном и северо-западом Индии, конечно же, являются внутренними по сравнению с морским путем от Саутгемптона до Карачи.

Следует, однако, отметить, что внутренние пути сообщения функционируют с точки зрения двух опорных пунктов, а не одного. Отношения между центром и окружностью могут легко измениться, если точка, располагающаяся на окружности, в свою очередь, станет центром другого коммуникационного пространства. Таким образом, стратегическое преимущество местоположения хартленда по отношению к Британской империи приобретает смысл только тогда, когда военная сила, которая может быть применена в границах Индии, берет свое начало в Великобритании. В тот момент, когда оборона данных границ либо границ Персии или Китая станет опираться на развитой по местным меркам военный потенциал, изменится вся концепция внутренних и внешних линий связи. Установка на то, что Индия и Китай должны быть защищены британской морской мощью, перестанет отвечать истине, когда результатом индустриального развития этих стран станет их собственная военная сила. В том случае, если силовой потенциал центральноазиатских районов России не окажется достаточно большим, чтобы уравновесить потенциал регионов римленда, советская мощь будет пребывать в своем прежнем состоянии западнее Уральских гор и не станет оказывать непреодолимое давление на прибрежные территории, расположенные на востоке, юге и юго-западе.

Перевод с английского М.Н. Грачева

- ¹ *Spykman N.* The Geography of the Peace. N. Y.: Harcourt, Brace and Company, 1944. P. 35–44.
- ² См.: *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power upon History: 1660–1783. Boston, MA: Little, Brown and Company, 1890 (пер. на рус. яз.: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002).
- ³ См.: *Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. № 4. P. 421–437 (пер. на рус. яз.: *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169).
- ⁴ *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. L.: Constable and Company, ltd., 1919.

А.В. Гуцин, А.С. Левченков

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 г.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

Статья посвящена украинскому кризису 2014 г., его значению для международного положения России и российско-украинских отношений. Авторы указывают на ряд проблем, с которыми столкнулась Россия, реализовывая свою политику по отношению к Украине, отмечают возможные пути выхода из кризиса, анализируют украинский кризис в контексте отношений России и Запада.

Ключевые слова: внешняя политика, Украина, Юго-Восток, Россия, ДНР, ЛНР, постсоветское пространство.

Украинский кризис 2014 г. со всей очевидностью обнажил целый ряд серьезных проблем как в современной системе международных отношений, так и во внешней политике нашей страны. Этот кризис преподнес России целый ряд уроков, которые вне зависимости от личных субъективных предпочтений должны будут учесть и нынешние российские политики, и государственные деятели будущего.

Один из самых важных результатов для Москвы, который дал 2014 год, – переоценка возможностей влияния на общественное мнение и элиты Украины.

Безусловно, Россия вложила миллиарды долларов в украинскую экономику, еще больше было предоставлено кредитов, в последнее десятилетие миллионы (цифры разнятся, по данным статистики ФМС, не менее миллиона официально работающих ежегодно) украинцев постоянно работали в нашей стране, что было ощутимым подспорьем для украинской экономики. Москва оставалась самым крупным торгово-экономическим партнером Киева. Но динамика развития внешнеэкономических связей Украины в последние несколько лет перед вторым Майданом свидетельствовала о серьезном

уменьшении доли России во внешнеторговом обороте Украины. В конце 2013 г. премьер Н. Азаров вынужден был признать сокращение товарооборота с Россией на 25 % за первые 10 месяцев 2013 г. в сравнении с аналогичным периодом 2012 г., в целом же, по данным украинского Держкомстата, в 2013 г. российско-украинский товарооборот составил 38,2 млрд долл., в то время как в 2011 г. он превышал 50 млрд долл.¹ В то же время доля Евросоюза увеличилась и составила в 2013 г. 45,6 млрд долл. ЕС во много раз превосходил Россию по объемам прямых инвестиций (согласно украинским данным, 43,8 млрд долл. против 4,28 млрд долл.)².

Не менее серьезным рисковым для России фактором оказалось то, что тактические успехи, достигнутые вхождением Украины в 2012 г. в Зону свободной торговли СНГ, были во многом дискредитированы торговыми войнами и отсутствием доверия друг к другу. Помня газовые войны, и Россия и Украина пытались решить вопрос снижения взаимной зависимости в энергетической сфере: Киев стремился найти альтернативные пути получения энергоносителей, в то время как Москва рассчитывала на «Южный поток», который должен был снизить зависимость России от украинской газотранспортной системы и лишить Украину преимуществ транзитного государства. Убежденность России в действенности газовой дипломатии имела под собой почву, но тем не менее не учитывалась возможность использования этого фактора антироссийскими силами как инструмента влияния на настроения украинского общества – российский газ представлялся как элемент шантажа со стороны «восточного брата».

Наблюдалась недооценка важности работы с различными группами элит Украины. Отсюда иллюзии по поводу того, что отказ президента Украины от подписания Соглашения об ассоциации Украины и ЕС осенью 2013 г. не вызовет недовольства заинтересованных политических и бизнес-кругов, отсюда непонимание трагичности ситуации, в которой оказался В. Янукович в январе 2014 г.

Недостатки в анализе реакции украинских политических и деловых элит, оказавшихся более ориентированными на евроинтеграцию, чем представлялось в России, безусловно, усугублялись личными качествами украинского лидера, на которого делала ставку Москва, – полным отсутствием харизмы и неспособностью внутренне мобилизоваться перед возникшей угрозой отстранения от власти, а также очевидной вовлеченностью В. Януковича и ряда его ближайших сподвижников в масштабную коррупционную деятельность. Именно по причине отсутствия системной работы с

украинскими элитами Россия не имела четкого плана действий на случай силовой смены руководства соседнего государства, цепляясь за отыгранную в политическом плане и дискредитированную для большей части украинского общества фигуру беглого президента³.

Еще один важный урок, последовавший за «Вторым Майданом» – шаткость системы договоренностей по государственным границам и сферам геополитического влияния на постсоветском пространстве, свидетельствующая о том, что процессы, начатые на рубеже 1980–1990-х гг. распадом СССР, имеют тенденцию к продолжению⁴. Неизбежным следствием победы второго Майдана стали углубление поляризации украинского общества по географическому принципу и обострение сепаратистских тенденций на юго-востоке страны. Необходимо подчеркнуть, что этому в немалой степени способствовала радикальная позиция пришедших на смену регионалам Януковича новых украинских властей, инициировавших отмену закона о региональных языках, дававшего русскому языку официальный статус в регионах, где его считали родным более 10% населения. Хотя соответствующее решение Верховной Рады было вето президента Турчиновым⁵, его было достаточно для придания мощного импульса русофильским настроениям в Крыму, Одессе и ряде регионов юго-востока, прежде всего, в Донецкой, Луганской и Харьковской областях. Хотя изначально пророссийские выступления носили характер протестов против новых политических лидеров, нарушивших Конституцию страны и узурпировавших, по мнению протестующих, власть, конечная цель выступлений была очевидна – стремление выйти из состава Украины и присоединиться к России.

Вне зависимости от того, насколько серьезную поддержку Кремль оказывал этим выступлениям, их глубинная причина – последствия распада Советского Союза и неприятие частью граждан образованных на его обломках государств новых национальных идей и концепций национальной истории. Неприятие частью жителей регионов Юго-Востока Украины межгосударственных границ, подтвержденных Соглашением об образовании СНГ и «Большим Договором» между Россией и Украиной, и неспособность новых украинских властей к ведению с этими жителями эффективного диалога поставили Москву перед сложным выбором, который был решен в пользу поддержки тенденций к отделению Юго-Востока.

Однако поддержка Россией сепаратистских устремлений на Юге и Востоке Украины имела различный эффект, и это стало

для Кремля еще одним уроком. Начало новой фазе украинского кризиса – противостоянию Москвы и Киева на почве различных позиций по вопросу территориальной целостности украинского государства в условиях попыток самоопределения больших групп населения в приграничных регионах было положено Крымом, где российская политика опиралась на массовое русофильское движение и уже присутствующий на полуострове вооруженный контингент. Причем, что особенно важно, этот контингент был размещен на основании межгосударственных договоренностей. Тем самым были созданы оптимальные условия для проведения референдума, результатом которого стал выход Автономной Республики Крым из состава Украины и присоединение к России.

И российские, и зарубежные аналитики убеждены – развитие событий в Крыму в марте-апреле 2014 г. свидетельствовало о наличии у Кремля заранее спланированного четкого плана действий. Этот план был подкреплен важнейшими условиями – готовностью большинства жителей к самому радикальному выбору и параличом украинской гражданской и военной администрации.

В восточных областях ситуация была иной – сторонники отделения составляли хоть и заметную часть, но не подавляющую, и полагались на успех в надежде, прежде всего, на развал государственного управления как такового и на нежелание органов внутренних дел и армии, где оставалось немало ставленников Януковича, вмешиваться в конфликт. Негативным фактором для России в этих регионах стала позиция местных олигархов, выступивших в поддержку территориальной целостности украинского государства.

Вероятно, новое украинское руководство допустило ошибку, не пойдя хотя бы на частичное удовлетворение требований Юго-Востока страны, но не подлежит сомнению тот факт, что при явных уступках движению на Юго-Востоке унитарность Украины явно ослабла бы, а на повестке дня стоял бы вопрос о федерализации. Однако этого не произошло, и Киев взял курс на силовое решение.

Россия, не признав результаты референдумов в самопровозглашенных ДНР и ЛНР, тем не менее оказала существенную поддержку республикам. Вмешательство России, безусловно, позволило остановить наступление украинской армии в августе и нанести ей серьезное поражение, хотя это было сделано ценой введения против Москвы нового, более жесткого режима санкций и обострения отношений с Вашингтоном и ЕС. Однако позиция России показала украинскому руководству, что военным путем победить ополченцев очень сложно, в то время как Запад увидел решимость Москвы в отстаивании интересов на Юго-Востоке Украины.

В то же время, если говорить об идее Большой Новороссии, скоро развитие событий со всей очевидностью продемонстрировало недооценку специфики региональных процессов на Украине. Расчет на дестабилизацию ситуации не оправдался, и ДНР и ЛНР стали восприниматься большинством украинского общества как маргинальные образования.

Вместе с тем парламентские выборы показали, что в восточных регионах, находящихся под контролем Киева, многие по-прежнему поддерживают оппозицию, проголосовав, в частности, за «Оппозиционный блок», или вообще не идут голосовать⁶. Фактор низкой явки в данном случае нельзя списывать только на традиционно низкую явку на Востоке страны. Это свидетельствует о том, что в случае раскола украинской власти и экономической дестабилизации в ряде регионов Востока протестное движение «антимайданного» характера вполне вероятно. Другое дело, что без вмешательства извне оно не будет тесно связано с теми идеями, которые активно эксплуатируются лидерами «новороссийского» движения сегодня. Придать ему характер ирриденты возможно будет только при активном внешнем влиянии.

Минский процесс, став первой попыткой урегулировать ситуацию, в еще большей степени высветил противоположность позиций сторон в силу различной интерпретации итоговых документов. В целом, что касается минского формата или его возможных аналогов, то опыт постсоветского пространства показывает, что разные международные конференции и форматы не стоит воспринимать как панацею. Прежде чем говорить о них, нужно рамочно выработать заранее, хотя бы пунктиром, возможные точки соприкосновения между конфликтующими сторонами, иначе любой формат можно превратить в подобие моделей урегулирования других конфликтов на постсоветском пространстве, когда ожидания большие, а реального продвижения почти нет (такие как Приднестровье и, особенно, Карабах)⁷.

С международной точки зрения украинский кризис 2014 г. также выявил целый ряд проблемных узлов для России. Важным стало осознание того, что Запад готов вступить в открытое противоборство с Россией за влияние на Украину и консолидироваться вокруг украинского вопроса. Это стало одним из самых серьезных внешнеполитических разочарований Москвы, причина которого – убежденность в том, что экономические связи нашей страны и крупнейших государств Евросоюза, особенно Германии, возобладают над геостратегическими, а недавние шпионские скандалы (такие как придание огласке факта прослушки американскими

спецслужбами телефона А. Меркель и т. д.) быстро посеют зерна глубокого недоверия между Брюсселем и Вашингтоном и не позволят оформиться широкой антироссийской коалиции.

Тем не менее в течение 2014 г. мы наблюдали самую высокую степень консолидации США и Евросоюза за последние десятилетия, политическое и ценностное единство той платформы, на которой уже десятилетия стоят Европа и США⁸. Попытки выдвинуть на первый план чисто экономический фактор, стремление к прибыли и связи европейского и российского бизнеса не сработали так, как ожидали многие в России, а лоббистский ресурс оказался хотя и заметным, но все же недостаточным для решения масштабных задач глобальной политики.

Евросоюз и США со времен плана Маршалла и Холодной войны связаны очень прочными узами, и эти узы сохранились вплоть до настоящего времени. В то время как ЕС – крупнейший торговый партнер России, последняя для Евросоюза таковой не является, заметно уступая Соединенным Штатам по объемам экспорта и импорта, а также по размерам взаимных инвестиций. Европейская финансовая система как неотъемлемая часть мировой финансовой системы находится в теснейшей зависимости от США. Российские военные аналитики часто указывают на слабость армий большинства европейских государств, привыкших полагаться на американскую военную машину в рамках НАТО, но именно это является важным фактором, обеспечивающим колоссальную зависимость Европы от Северной Америки: американский «щит» позволяет европейцам сводить к минимуму собственные военные расходы, направляя дополнительные средства на развитие экономики и социальные программы.

Помимо весомой роли США в Европе, следует учесть позицию Германии, оказавшуюся заметно тверже, чем ожидалось, причем эта позиция эволюционировала в сторону все большей жесткости по отношению к Москве⁹. Это было связано не только с давлением США на саму А. Меркель (которое, конечно, имело место), но было обусловлено и внутренними причинами, а именно: увеличением роли Германии в рамках ЕС, постепенным формулированием Берлином новой восточной политики. Фактически, вместо того чтобы, используя партнерство с Россией, ослабить влияние США на Евросоюз и на саму Германию, Берлин воспользовался вмешательством Москвы в украинский кризис, преподнесенным европейской общественности как угроза европейскому миропорядку, для того чтобы утвердиться во главе единой Европы.

США пытаются реализовать концепцию недопущения появления в Европе альтернативного центра притяжения в лице Москвы.

В этом плане никакие надежды на возможность установления партнерства по линии Ближнего Востока, сокращения разоружений, космоса, экологии не изменят общий вектор. По тактическим вопросам, ситуативно, компромиссы могут быть найдены, но стратегически охлаждение отношений России и Запада, вероятно, надолго. При этом подобное охлаждение предсказывалось много лет назад, еще в середине первого десятилетия XXI в., умеренные американские политологи, как, например, Николас Гвоздев, писали о том, что Запад видит в России только то, что хочет видеть, не учитывает ее цивилизационную специфику и не понимает внутренних механизмов ее развития¹⁰. Многое здесь будет зависеть от того, насколько российская власть будет способна к преодолению экономических проблем. Учитывая, что Запад в целом заинтересован в снижении военно-политического потенциала Москвы, но не в интересах Европы – глубокий и долгий экономический кризис на перспективном российском рынке, излишнее давление со стороны США на экономику России может привести к противодействию Брюсселя.

Пересмотр Россией в одностороннем порядке границы с Украиной, хотя и вызванный во многом неспособностью Киева выйти из крымского тупика, а затем договориться с оппозицией Юго-Востока, не нашел поддержки ни у одного из государств на постсоветском пространстве, что можно расценить как серьезную дипломатическую неудачу Кремля. Дальнейшее же провозглашение пророссийскими движениями республик на Юго-Востоке Украины привело к тому, что даже ближайшие партнеры – Беларусь и Казахстан, стали выражать озабоченность динамизмом свершившихся и возможных изменений на политической карте, проецируя ситуацию на себя. В итоге поддержка стран-партнеров по Таможенному союзу и Евразийскому экономическому союзу оказалась заметно меньше, чем ожидалось. Стало очевидно, что для создания полноценного союза потребуются десятилетия долгой работы, а партнеры Москвы, такие как Александр Лукашенко, озабочены в большей степени извлечением ситуационной выгоды и попытками сохранить «свободу рук», чем стратегическим партнерством с Москвой.

Что касается самой России, то украинский кризис 2014 г. выдвинул на первый план целый ряд знаковых внутриполитических трендов, среди которых универсализация истории, выдвигание на первый план внешнего фактора для объяснения любых крупных событий, от Великой Русской революции 1917 г. до Перестройки и последнего Майдана, активная эксплуатация конспирологических версий и теорий, восприятие территориальной концепции (собирания земель) как

ключевой для развития страны, где основным понятием величия является территория, а не ее качество и не категории развития.

С точки зрения внутреннего потребления эти тренды, подкрепленные присоединением Крыма, оказались успешными, обеспечив консолидацию значительной части общества и элит. Однако стоит вопрос о том, насколько такой инструментарий способен обеспечить долговременные высокие рейтинги при наличии кризисной ситуации в экономике и отсутствии новых «территориальных» успехов. В то время как изначально санкции Запада расценивались внутри страны как не несущие серьезных экономических рисков, более того, провозглашалось, что ответные санкции России будут более болезненными, сегодня большинство экспертов признают серьезность экономического давления на Москву. Ущерб же от ответных российских санкций, за исключением отдельных стран, оказался пока не таким действенным.

В российском экспертно-аналитическом сообществе сегодня более вероятными представляются три сценария развития украинского кризиса. Условно их можно назвать позитивным, негативным и нейтральным (или статус-кво). Такая терминология была, в частности, использована при подготовке экспертами РГГУ С.М. Маркедоновым и А.В. Гуциным доклада, посвященного сценариям украинского кризиса, который был опубликован на сайте РСМД (Российский совет по международным делам)¹¹.

Вариант замороженного конфликта остается, по мнению авторов этого доклада, наиболее вероятным.

Вместе с тем разочарование Украиной на Западе имеет место, особенно в Европе, и многое будет зависеть от того, удастся ли Киеву действительно провести структурные реформы, не превратить весь прозападный проект в очередной «мыльный пузырь». Сама Украина в этом контексте, возможно, не будет стремиться к скорейшему возвращению контроля над ДНР и ЛНР, во-первых, ввиду того, что всегда остается возможность объяснить неудачи полувоенным режимом жизни и управления, а во-вторых, учитывая возможность существенно облегчить положение, сняв с себя, таким образом, необходимость восстановления региона с практически разрушенной экономикой и нелояльным населением до лучших времен.

2015 год видится сейчас как очень сложный и для Украины, и для России. Восстановление российско-украинских отношений, установление доверия между Москвой и Западом, возобновление сотрудничества по линии Россия – НАТО, выработка основ нового соглашения Россия – ЕС, налаживание совместной конструктивной работы с американцами по противодействию терроризму

и торговле наркотиками, Ближнему Востоку, космосу и т. д. представляется идеальной картиной, но далекой от реальности. Конфликт на Юго-Востоке Украины фактически превращен в кнопку, при нажатии которой начинается резкая эскалация российско-американских отношений. К сожалению, США и Россия вступили, вероятно, в относительно долгий период противостояния, не включающий временных потеплений и охлаждений.

При этом нельзя однозначно утверждать, что на стороне Москвы – поднимающийся «не-Запад». Несмотря на запуск процесса формирования новых финансовых институтов в рамках БРИКС и определенную возможность превращения России в движущую силу сплочения недовольных американским диктатом в «мировой политике», внутри БРИКС есть серьезные противоречия, а экономические связи каждой отдельно взятой страны, входящей в это пока довольно аморфное объединение, с США и Европой очень крепкие. 2014 год отодвинул до лучших времен и реализацию планов по активизации сотрудничества ЕАЭС и ЕС.

Современная повестка дня подсказывает, что ставку на быстрое урегулирование украинского кризиса делать рано, поиск компромисса осложнен жесткой позицией Вашингтона и Москвы, а вероятность возобновления конфликта все еще остается довольно высокой.

Необходимо подчеркнуть, что украинский кризис 2014 г. возможно объективно проанализировать и, соответственно, понять его влияние на внешнеполитическое положение и экономическое развитие России только в контексте общемировых геополитических и экономических процессов, а также региональной и глобальной политики ведущих мировых держав. Российско-украинский конфликт, санкционное противостояние с Западом, выявившиеся противоречия с другими участниками интеграционных объединений и проектов на постсоветском пространстве свидетельствуют о широком спектре вызовов и проблем для российской внешней политики. Успешным решение этих проблем может быть только в случае опоры прежде всего на трезвую оценку как возможностей самой России, так и интересов ее внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров.

Примечания

¹ Торговля России и Украины сократилась на 20% // РБК. [Электронный ресурс] URL: <http://top.rbc.ru/economics/17/04/2014/918758.shtml> (дата обращения: 19.11.2014).

² Азаров поручил сразу после Вильнюсского саммита предложить решения торговых споров с Россией // Сегодня.ua. [Электронный ресурс] URL: <http://www.>

- segodnya.ua/politics/pnews/Azarov-poruchil-srazu-posle-Vilnyusskogo-sammita-predlozhit-resheniya-torgovyh-sporov-s-Rossiey-468071.html (дата обращения: 20.11.2014).
- ³ Путин рассказал о российском участии в бегстве Януковича [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/world/403758> (дата обращения: 25.11.2014).
 - ⁴ Тамара Гузенкова: Процесс развала СССР продолжается [Электронный ресурс] / Российский институт стратегических исследований. URL: http://www.riss.ru/my-v-smi/3987-tamara-guzenkova-protsess-razvala-sssr-prodolzhaetsya#.VJfjZ_82A (дата обращения: 12.12.2014).
 - ⁵ Турчинов заявил, что не подпишет решение парламента об отмене закона о языковой политике [Электронный ресурс] / ТАСС – информационное агентство России. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1018787> (дата обращения: 11.12.2014).
 - ⁶ Победа Оппозиционного блока на востоке – миф // Экономические известия [Электронный ресурс]. URL: http://news.eizvestia.com/news_politics/full/244-pobeda-oppozicionnogo-bloka-na-vostoke-mif (дата обращения: 12.12.2014).
 - ⁷ Россия – Украина: коридор возможностей [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4802#top (дата обращения: 03.12.2014).
 - ⁸ Украина – 2014: возможен ли международный консенсус? [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4664#top (дата обращения: 12.12.2014).
 - ⁹ Другая Европа и другая Евразия // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Drugaya-Evropa-i-drugaya-Evraziya-17172> (дата обращения: 12.12.2014).
 - ¹⁰ См.: *Гвоздев Н.* Истоки поведения России // *The National Interest*. 2004. № 75.
 - ¹¹ Россия и Украина: коридор возможностей [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4811#top (дата обращения: 12.12.2014).

ФАКТОР РОСТА СОЦИАЛЬНОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В США

Соединенные Штаты Америки сегодня выступают на международной арене в качестве признанного «полюса политической силы». При этом внутривнутриполитическое пространство страны характеризуется рядом нерешенных проблем, связанных с миграционными процессами и необходимостью интеграции миллионов латиноамериканцев в систему общественных отношений. Латиноамериканское сообщество постепенно формирует комплексный социально-политический вызов, который обусловлен осознанием его членами единых политических интересов. Мигранты претендуют не только на получение общегражданских прав, но и на признание значимости их сообщества как этнокультурной группы, включенной в национальное политико-правовое поле.

Ключевые слова: миграция, география расселения, дискриминация, толерантность, общность политических интересов, электоральная активность, сепаратизм.

Этнический вопрос во внутренней политике США на протяжении всего существования государства был обозначен крайне остро. Объектом социального отрицания и интолерантности последовательно становились выходцы из Германии, Ирландии, Италии, Польши, Португалии, Китая и других государств. Причина отрицания и социального неприятия чаще всего была связана с низким уровнем обеспеченности приезжих и их желанием получить рабочие места на демпинговых условиях, что, в свою очередь, понижало качество жизни местного населения, претендовавшего на рост благосостояния. Таким образом, каждая из волн миграции должна была пройти определенную социальную натурализацию, которая могла

© Медушевский Н.А., 2015

Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых по «Инновационным научно-исследовательским практико-ориентированным проектам в области социальной толерантности, пропаганды здорового образа жизни, борьбы с наркоманией».

бы сформировать у местного населения позитивное отношение к приезжим, а у самих мигрантов осознание себя как граждан США.

После Второй мировой войны ситуация с натурализацией новых этнических групп в США меняется. Американская экономика растет и государство оказывается способно дать рабочие места всем желающим. При этом число самих мигрантов уменьшается, а их качественный состав меняется в сторону высококвалифицированных специалистов.

Трансформация качественного и количественного состава мигрантов соответствует и меняющимся целям национальной политики, которая от процесса заселения территорий в середине XIX в. переходит к их глубокому освоению в начале XX в. и технологическому наукоемкому развитию с ориентацией на экспорт уже во второй половине XX в.

При этом устойчивом тренде, а в значительной степени и вопреки ему США продолжают оставаться страной-реципиентом и для низкоквалифицированных мигрантов, прибывающих уже из стран третьего мира и преимущественно из Латинской Америки.

Такая роль Соединенных Штатов обусловлена географической близостью, экономической привлекательностью, а также рядом исторических предпосылок.

При этом миграция из Латинской Америки в США не всегда характеризовалась ее современным, почти стихийным, масштабом, о чем свидетельствует, к примеру, следующая диаграмма (рис. 1).

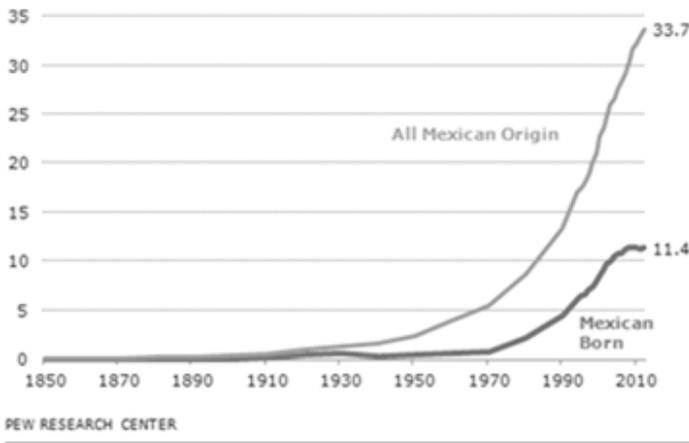

Рис. 1. Статистика изменения количества этнических мексиканцев в США с 1850 по 2012 гг.

Показательно, что мексиканцы являются лишь наиболее крупным, но не единственным сегментом латиноамериканской диаспоры. Латиноамериканцы представляют собой самостоятельную силу, объем и статус которой доподлинно не известен. Проблема включения латиноамериканцев в американское общество возникла в современном виде в середине XX в. и была обусловлена несколькими факторами. Ключевым из них, вероятно, следует считать проницаемость южной границы США. Кроме того, эмигранты были необходимы стране для освоения сложных пустынных территорий и для обеспечения новых сфер экономики на низкобюджетной основе. Речь идет в первую очередь о нефтедобыче и сфере услуг, которые начали активно развиваться с 1950-х годов.

На рис. 1 видно, что приток нелегальной эмиграции начинается значительно позже, примерно с 1970-х годов, когда объективно меняется модель перемещения людей в связи с процессами глобализации и эмигрантам из Мексики и других стран, например с Кубы, становится проще проникнуть в центральные районы страны.

Территориями притяжения становятся граничащий с Мексикой Техас, прибрежные и густонаселенные Калифорния, Флорида, Нью-Йорк и Нью-Джерси, а также штат Иллинойс, являющийся крупнейшим транспортным и промышленным узлом США.

Подобная модель распространения приезжих продиктовала и трансформацию толерантного к ним отношения. К примеру, в южных районах, выходцы из Латинской Америки и местное население

Рис. 2. География расселения мигрантов

не нашли общего языка, так как эмигранты всегда представляли определенную угрозу для местных жителей как в вопросах безопасности и в культурном плане.

В центральных районах страны и в крупных городах к латиноамериканцам сформировалось нейтральное отношение, которое постепенно ухудшалось в связи с увеличением в данной этнической группе категории маргиналов, ведущих полуполегалное существование и вовлеченных в криминальные сети¹.

В последние десять лет государство предприняло много попыток натурализовать уже приехавших эмигрантов и остановить поток нелегального проникновения в страну.

Согласно данным социологических исследований, к 2010 г. количество латиноамериканцев приблизилось к 47 (по другим данным 41) миллионам, а некоторые источники заявляют, что эта цифра характеризует только натурализованных эмигрантов, прибывших из Мексики. Совокупное число выходцев из Латинской Америки в США неизвестно, однако оно легко может превышать 50 млн человек. Для сравнения: сегодня в США проживают примерно 317,5 млн граждан, т. е., по грубым подсчетам, число латиноамериканцев составляет около 15–18 % граждан страны².

Латиноамериканскую миграцию от других волн миграции в США отличают количественный показатель, низкий уровень образования и, что важно, ее многоэтничный состав. Последний, с одной стороны, провоцирует постоянные межэтнические конфликты, а с другой – приучает социально неблагополучное лати-

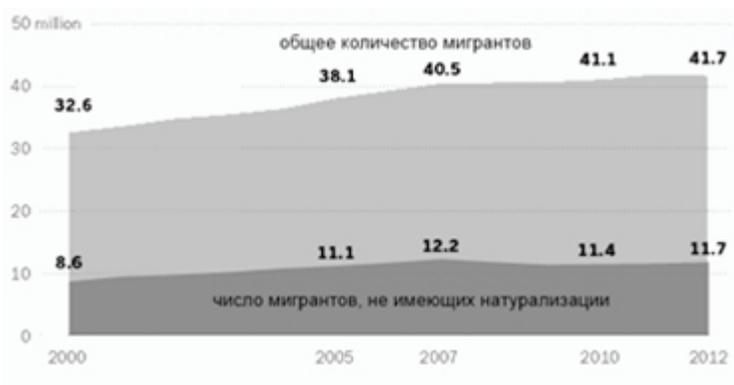

Рис. 3. Количественные показатели миграции из Латинской Америки

ноамериканское меньшинство идти на кооперацию с другими этническими и расовыми меньшинствами в целях достижения своих групповых целей. К примеру, существует гипотеза, согласно которой сближение латиноамериканских диаспор с афроамериканским населением позволит увеличить объем этнокультурной оппозиции в стране до 25–30 %, что неизбежно приведет к кризису существующей политической системы. Кроме этого, акцент на национальной специфике противопоставит общественные страды по расово-материальному признаку, что вполне может привести к обособлению и даже отделению южных штатов, в которых противостояние «белого» и «цветного» населения всегда было предельно острым и где увеличение количества мигрантов происходит наиболее высокими темпами³.

Разница в отношении к вопросам миграции из Латинской Америки в различных штатах уже сегодня провоцирует массу внутриполитических конфликтов. Например, уже в этом году, в связи с приездом президента Обамы в Техас, губернатор штата Перри заявил, что не будет встречать президента в аэропорту, так как подобная встреча «не позволит обсудить гуманитарный кризис и кризис в области национальной безопасности, которые разворачиваются... на юге Техаса»⁴.

Объем миграции и неоднородный состав латиноамериканцев требуют от государства дополнительных мер по проведению политики межэтнического примирения и недопущению конфликтов между этническими диаспорами и их криминализации. Правительство США приводит следующую статистику по выходцам из Латинской Америки, проживающим на территории страны.

Таблица 1

13 крупнейших латиноамериканских диаспор в США, установленных по признаку самоидентификации в 2011 г. (общее число 51 927 000)

	Общее кол-во, тыс. чел.	Родившиеся не в США, %	Средний возраст, %	Высшее образование, %	Знание английского языка, %	Гражданство США, %	Живущие за чертой бедности, %
Аргентина	242	62	35	23	74	68	11
Колумбия	989	64	34	26	60	68	13
Куба	1889	58	40	29	60	74	19
Доминикана	1528	56	28	25	56	71	28

Окончание табл. 1

	Общее кол-во, тыс. чел.	Родившиеся не в США, %	Средний возраст, %	Высшее образование, %	Знание английского языка, %	Гражданство США, %	Живущие за чертой бедности, %
Эквадор	645	62	32	28	53	64	18
Гватемала	1216	64	27	21	43	51	29
Гондурас	702	64	28	26	47	50	33
Мексика	33539	35	25	27	66	74	28
Никарагуа	395	60	32	26	62	72	18
Перу	556	68	35	28	60	65	13
Пуэрто-Рико	4916	1	28	29	82	99	28
Сальвадор	1952	60	29	25	48	58	23
Венесуэла	259	69	32	15	68	55	15

Из представленной таблицы следует, что латиноамериканское сообщество многолико и существует определенная зависимость качества жизни мигрантов и страны их происхождения. К примеру, наиболее высокие показатели дохода имеют выходцы из Аргентины, Колумбии, Эквадора, Перу и Венесуэлы. При этом примерно 60–70 % мигрантов из этих стран имеют американское гражданство и проживают на территории США уже длительное время⁵. Представители этих же стран в меньшей степени живут за чертой бедности и чаще располагают собственной недвижимостью.

Параллельно с ними сосуществуют эмигранты из таких стран, как Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Пуэрто-Рико, Никарагуа, которые в гораздо большей степени испытывают проблемы с социализацией, многие из представителей этих стран являются немущими, лишены медицинского обеспечения и имеют низкий годовой доход. Совокупное количество эмигрантов из стран этой группы превосходит представителей «защищенной» группы эмигрантов примерно в два раза.

Особняком стоит мексиканская диаспора, которая слишком велика для ее сопоставления с другими этногруппами. Она имеет самый молодой возрастной состав, средний уровень обеспеченности и при этом очень сильно связана с США, так как более 70 % представителей мексиканской диаспоры имеют гражданство и 66 % –

владеют английским языком⁶. При этом нельзя безоговорочно заявлять, что мексиканская диаспора является частью американского общества, так как качество жизни большого количества мексиканцев ведет скорее к их противопоставлению существующим порядкам, нежели к их принятию в качестве основы существования. На это указывают следующие факты – 34 %, или почти 4 млн, мексиканцев не владеют английским языком, 28 %, или 9 млн, – не имеют средств к нормальному существованию и почти 10 млн не имеют возможности получить медицинскую помощь. Несмотря на то, что все эти характеристики относятся к одним и тем же людям, количество этих людей все равно приближается к 10 млн человек, что составляет 0,25 % от всего населения страны. Показательно, что данная категория мигрантов проживает достаточно компактно и неразрывно связана с остальным мексиканским сообществом, что делает диаспору более активной в вопросах защиты и продвижения своих прав.

В таких условиях актуализируется вопрос о настроениях латиноамериканских диаспор и степени их толерантности или просто лояльности к американскому обществу. В соответствии с данными, представленными американской фабрикой мысли Pew Research Center, опубликованными в середине 2013 г.⁷, половина респондентов всех национальностей считают, что слова Мартина Лютера Кинга, который говорил: «У меня есть мечта, что придет день, когда наша нация воспрянет и доживет до истинного смысла своего девиза: “Мы считаем очевидным, что все люди созданы равными”...», пока не нашли своей реализации⁸.

Рис. 4. Данные опроса «King's Dream Remains an Elusive Goal; Many Americans See Racial Disparities»

Показательно, что латиноамериканцы не связывают характерные для их жизни проблемы с расовой сегрегацией, вероятно относя себя преимущественно к белому населению или к самостоятельной этнокультурной общности. Но при этом другие этнические группы не относят мексиканцев к белому населению. В частности существует целый набор предпосылок для стереотипизации проблем черного и латиноамериканского населения США. К примеру, 6 % опрошенных «белого» происхождения абсолютно не готовы породниться с афроамериканцами, а среди латиноамериканцев противников таких брачных союзов примерно 1–3 %⁹.

О многом говорит тот факт, что из всех этнорасовых групп европейцы выступают как наиболее консервативная. В значительной степени подобное отношение оказывается обусловлено чувством доминантной, нациообразующей общности, которой белые американцы продолжают оставаться, невзирая на увеличение количества мигрантов и рост «цветного населения».

Другим, пожалуй самым важным поводом для сближения латиноамериканской и афроамериканской общностей является их отношение к дискриминации. Объективно данное отношение неоднородно и в обеих общностях есть категории граждан, вовсе не ощущающих дискриминации. Несмотря на это, для большинства небелых американцев вопрос дискриминации крайне актуален. В качестве наиболее ограниченной в правах группы граждан воспринимаются латиноамериканцы, что объективно ввиду отсутствия у многих из них правового статуса. Однако в данном случае показательно, что в качестве наиболее дискриминируемой данную группу воспринимают и афроамериканцы, сами себя также воспринимающие пораженными в правах. В связи с этим обстоятельством, становится возможным говорить об этнорасовой солидарности как основе сближения двух пораженных в правах групп¹⁰.

Также обозначенное сближение проходит на фоне неудовлетворенности политикой государства, которое объективно неспособно интегрировать в социум такое большое количество граждан с «замкнутой культурой», нацеленных на сохранение собственной идентичности.

При всей конфликтогенности ситуации латиноамериканские диаспоры тем не менее пока не идут по пути эскалации и здесь можно усмотреть несколько частных факторов, в числе которых эффективное рассеивание конфликтов, большая территория страны, и один комплексный фактор, который можно обозначить как неготовность латиноамериканского сегмента общества предстать в качестве централизованной силы, выступив «с новыми правилами

Делает ли государство достаточно для уравнивания черных в правах с белыми

Рис. 5. Опрос правовой удовлетворенности

толерантного сосуществования». Это обстоятельство также подтверждается социологическими исследованиями и анализом общественного поведения¹¹.

Так, по данным опроса 2013 г., примерно 75 % латиноамериканцев говорят о необходимости поиска единого латиноамериканского лидера, который мог бы представлять их интересы в системе политического взаимодействия США, а 29 % даже считают такое определение первоочередной задачей. Несмотря на комплексность запроса, ясность по поводу возможной кандидатуры пока отсутствует.

Опрос более 5000 латиноамериканцев, проведенный аналитиками Pew Research с 24 мая по 28 июля 2013 г., показал, что 62 % респондентов не знают, кто является лидером латиноамериканцев в США, а еще 9 % точно уверены, что такого лидера нет. Оставшиеся латиноамериканцы разошлись во мнениях, предложив кандидатуры судьи Верховного суда США Сони Сотомайор (5 %), сенатора Марко Рубио (5 %), бывшего мэра Лос-Анджелеса Антонио Вилларайгоса (3 %) и конгрессмена Луиса Гутьерреса (2 %), т. е. людей, имеющих определенную известность и ограниченный политический авторитет. На основе ответов респондентов по лидерам латиноамериканского сообщества, можно предположить, что среди латиноамериканцев пока отсутствуют люди, обладающие достаточно большим политическим весом, необходимым для консолидации этнической группы как единой политической силы.

Это обстоятельство имеет несколько коренных причин. В первую очередь, ни один из действующих сегодня латиноамериканских политиков не располагает достаточным авторитетом для эф-

фактивной защиты интересов латиноамериканцев, как имеющих, так и не имеющих гражданства США. Во-вторых, само латиноамериканское сообщество разрознено и большинство национальных этнических групп заявляют о своей самостоятельности, защищая свои индивидуальные интересы и не признавая общих латиноамериканских ценностей. В-третьих, разнится правовой статус самих латиноамериканцев, что трансформирует их позиции, разделяя на более или менее радикальные группы интересов.

Ситуация разделенности латиноамериканских национальных общин усугубляется и их самовосприятием. Примерно две пятых всех опрошенных респондентов полагают, что латиноамериканцы, проживающие в США, имеют много общего. Еще две пятых – видят в качестве общих лишь некоторые ценности. Оставшиеся примерно 19 % отдают приоритет национальной общности и считают, что единого латиноамериканского сообщества в США не существует.

Несмотря на достаточно негативное отношение к обобщающим терминам, сами латиноамериканцы только в половине случаев считают себя обычными американцами. Еще 44 % опрошенных видят в своем статусе принципиальные отличия от статуса рядового американца. Среди латиноамериканцев, прибывших в США в последние несколько лет, уровень «статусной неуверенности» еще выше и американцами себя считают только 33 %.

Отсутствие уверенности в собственном правовом и социальном положении является основным стимулом для расширения среди латиноамериканцев культуры политического участия и просто политизированной активности, которая в отдельных случаях принимает форму агрессивного противостояния оппонентам. Процесс повышения политической активности латиноамериканцев может быть проиллюстрирован, например, данными, приводимыми в статье Аны Гонзалез-Баррера «Inside the 2012 Latino Electorate»¹².

Также исследовательский интерес представляет статья Пола Тейлора «Politics and race: looking ahead to 2060»¹³, в которой автор, исходя из официальных статистических данных за последние 25 лет, создает форсайт изменения этнополитической расстановки сил в США к 2060 г. Есть основания полагать, что к 2060 г. совокупная политическая сила афро- и латиноамериканцев сможет подавить политический вес белого населения Соединенных Штатов и, в частности, подорвать политическую платформу республиканской партии, которая лишится своего электората. Об этом свидетельствует следующий график.

Исходя из всей совокупности информации, автор прогноза выделяет две закономерности. Во-первых, белые составляли 74 % избирателей в 2012 г., в то время как в количественном отношении

Рис. 6. Электоральная активность и форсайт по работе «Politics and race: looking ahead to 2060»

это равно 63 % населения. Этот разрыв обусловлен тем, что непропорционально большая доля небелых либо слишком молоды, чтобы голосовать, либо не имеют права голосовать (потому что они не граждане), или просто не голосуют. Все эти факторы неизбежно изменятся с течением времени.

Во-вторых, если мы посмотрим на временную проекцию до 2060 г., то увидим, что есть потенциал для коренных изменений, большая часть которых приведет к уменьшению именно представителей группы белых американцев, к примеру, смешанные браки и увеличение числа метисов, статус которых статистикой не контролируется, но которые в своем большинстве ассоциируют себя с «цветным» населением США.

Как следствие, интеграционные процессы в латиноамериканском сообществе необратимо связаны с противопоставлением своего сообщества белому населению и принципиальная разница в путях развития ситуации заключается в том, сможет ли американское общество найти путь институционального выражения консолидированного мнения латиноамериканского сообщества или латиноамериканские диаспоры пойдут по пути накопления «потенциала интолерантности», как это происходит сейчас, и в конечном итоге разрушат консервативный институциональный дизайн «белой Америки».

- ¹ King's dream remains an elusive goal; many americans see racial disparities [Электронный ресурс] / Pew Research Center. Social & Demographic Trends. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2013/08/22/kings-dream-remains-an-elusive-goal-many-americans-see-racial-disparities/> (дата обращения: 02.08.2015).
- ² Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/> (дата обращения: 02.08.2015).
- ³ Разъединенные Штаты // Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/politics/2007/8/19/101714.html> (дата обращения: 02.08.2015).
- ⁴ Губернатор Техаса отказался встретить Обаму в аэропорту // Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2014/7/9/694734.html> (дата обращения: 02.08.2015).
- ⁵ Pew Research Center [Электронный ресурс].
- ⁶ Ibid.
- ⁷ King's dream remains an elusive goal... [Электронный ресурс].
- ⁸ Blacks upbeat about black progress, prospects: A year after Obama's election [Электронный ресурс] / Pew Research Center. Social & Demographic Trends. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2010/01/12/blacks-upbeat-about-black-progress-prospects/> (дата обращения: 02.08.2015).
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Показательным, к примеру, является аналитический отчет: *Lopez M.H.* Three-fourths of hispanics say their community needs a leader: Most Latinos Cannot Name One [Электронный ресурс] / Pew Research Center. Hispanic Trends. URL: <http://www.pewhispanic.org/2013/10/22/three-fourths-of-hispanics-say-their-community-needs-a-leader/> (дата обращения: 02.08.2015).
- ¹² См.: *Lopez M.H., Gonzalez-Barrera A.* Inside the 2012 Latino Electorate [Электронный ресурс] / Pew Research Center. Hispanic Trends. URL: <http://www.pewhispanic.org/2013/06/03/inside-the-2012-latino-electorate/> (дата обращения: 02.08.2015).
- ¹³ *Taylor P.* Politics and Race: Looking ahead to 2060 [Электронный ресурс] / Pew Research Center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2013/05/10/politics-and-race-looking-ahead-to-2060/> (дата обращения: 02.08.2015).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГРАЖДАН И РАЗВИТИЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

В статье исследована проблема самоидентификации и политической толерантности граждан на примере Союзного государства Беларуси и России, выявлено влияние политических факторов самоидентификации на динамичное и демократическое развитие политических режимов на постсоветском пространстве. Показана роль теории и практики мультикультурализма для государств СНГ, показано, как фактор самоидентификации воздействует на результативность государственной политики в многонациональном и многоконфессиональном сообществе, как соотносятся политическая самоидентификация и динамика политической стабильности. На примере развития Союзного государства Беларуси и России и государств СНГ показаны возможные пути для строительства структур ЕАЭС и предложены инструменты толерантного влияния на политическую самоидентификацию граждан, чтобы обеспечить конкурентоспособность и эффективность государственных объединений в глобальном мире.

Ключевые слова: политическая самоидентификация, мультикультурализм, национальная политика, Союзное государство Беларуси и России, ЕАЭС

После распада СССР в течение достаточно короткого времени для эволюции политической мысли, отражающей турбулентные политические процессы в международных отношениях, выяснилось, что геополитическая конкуренция ушла из области идеологического противоборства (социализм или капитализм) в сферы экономической и финансовой конкуренции за источники сырья, за рынки и, как следствие, за уровень национального дохода, социальное, культурное влияние и доминирование. Поэтому

© Бойко С.И., 2015

Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012–2016 гг. (проект 2.1.1)

интересен опыт генезиса и развития Союзного государства России и Беларуси (иногда государства в названии меняют местами, что тоже интересно для исследования психологических аспектов политического баланса взаимных отношений участников международных организаций). Тем более что сейчас Союзное государство Беларуси и России становится «пилотной площадкой»¹ для успешного строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС), политическая практика на постсоветском пространстве показывает многовариантность используемых форм взаимовыгодного практического сотрудничества, не «зашоренных» догматами идеологий, используются форматы СНГ, МПА СНГ, ОДКБ, Таможенного союза и т. д. Но именно опыт сотрудничества государственных структур Беларуси и России наиболее показателен для ЕАЭС.

Договор о создании Союзного государства Беларуси и России был подписан в декабре 1999 г. в развитие соглашения о Парламентском собрании (апрель 1996 г.) и договора о Союзе Беларуси и России (декабрь 1997 г.). День единения народов Беларуси и России отмечается 2 апреля, начиная с 1997 г. действуют договор о равных правах граждан и соглашение о равных условиях для субъектов хозяйствования. Сам факт существования такого межгосударственного объединения – несмотря на значительные лакуны в законодательстве, бюрократическое затягивание и волокиту с практической реализацией создания эффективных административно-исполнительных структур Союзного государства, конъюнктурные внешнеторговые противоречия, внешнеполитическое противодействие и внутригосударственное оппонирование части политической контрэлиты, периодическую потерю интереса к информации о Союзном государстве у гражданского общества как России, так и Беларуси, – служит обнадеживающим признаком возможности равноправного международного партнерства не только двух государств, но также ЕАЭС с перспективой расширения его участников, спустя почти 25 лет после оформленной в Вискулях политической дезинтеграции Советского Союза, появления стран-участниц Союза Независимых Государств. В Союзном государстве Беларуси и России, в сравнении со структурами СНГ, сохранился устойчивый и влиятельный конгломерат сложившихся не за один век социально-культурных и экономических связей и взаимоотношений, которые остаются стержнем и фундаментом добрососедства и мирного совместного стремления к устойчивому демократическому сосуществованию. В настоящее время основной вектор равноправного сотрудничества Беларуси и России направлен на Евразийский экономический союз (ЕАЭС), совместно

с Казахстаном, Арменией, Киргизией, с государствами, наиболее близкими в социально-психологическом и политико-культурном понимании национальных особенностей политических режимов и суверенного экономического и политического развития.

Политическая психология граждан, культура взаимоотношений граждан и государственных структур управления, социальные стереотипы, традиции, смыслы и мифы образа жизни стали объектами упорного соперничества, выигрыш в котором означает и победу в экономической и геополитической конкуренции. Выяснили и осознали не только политики и политологи, но и значительная часть гражданского общества постсоветских государств, что глобальное однополярное доминирование нацелено на сохранение статус-кво, на гарантии уровня и качества жизни в первую очередь для граждан государств с динамически устойчивыми режимами, соответствующими демократическим канонам политической практики и политической мысли Старого и Нового Света. Гомеостазис политических режимов западных демократий не претерпевает значительных концептуальных эволюций уже с середины XX в., поэтому для таких политических режимов западные политологи обновили термин «полиархия»².

В конце XX в. С. Хантингтон, американский классик политической науки и автор теории этнокультурного разделения цивилизаций, разработал парадигмы и представил аналитические концепты причин конфронтации современных цивилизаций³.

Как отмечает один из ведущих российских политологов профессор Ю.В. Ирхин, «конец идеологизированных государств в Восточной Европе и на территории бывшего СССР позволил выдвинуться на передний план традиционным формам этнической идентичности и противоречий. Различия в культуре и религии порождают разногласия по широкому кругу политических вопросов, будь то права человека или эмиграция, коммерция или экология. ...Попытки Запада распространить свои ценности – демократию и либерализм – как общечеловеческие, сохранить свое превосходство и утвердить свои экономические интересы наталкиваются на сопротивление других цивилизаций»⁴. Ю.В. Ирхин обосновал и очертил границы и логическое соответствие выводов С. Хантингтона о политической эволюции на постсоветском пространстве в части того, что «конфликт современных цивилизаций разворачивается на двух уровнях: на микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом; на макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за

влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности»⁵.

Союзное государство Беларуси и России, упорное политическое строительство ЕАЭС – примеры такого сопротивления доминированию западной цивилизации.

Для прогнозирования тенденций политических трендов на постсоветском пространстве следует продолжить компаративные исследования политической самоидентификации и особенностей социализации, а также эффективности политического диалога в поликультурных гражданских обществах Союзного государства Беларуси и России в сравнении с остальными государствами СНГ и западной части постсоветского пространства, включая в диапазон исследований государства Восточной и Центральной Европы.

Политико-культурный разлом на Украине, в том числе и с участием религиозных институтов, с одной стороны, и упрочение политического, культурного и экономического сотрудничества Беларуси и России – с другой, подтверждают, что западные и юго-восточные области Украины тяготеют к разным цивилизационным парадигмам⁶. При действующем украинском политическом режиме нереально представить развитие союзных организаций или ассоциаций по примеру Союза Беларуси и России. Философ Н.А. Бердяев считал главным для совместного бытия наций единство исторической судьбы⁷. Реалии XX – начала XXI в. показали, что нации и этносы нельзя принудить к терпимости и толерантности, для объединения нужно предложить проект совместного будущего, благожелательно воспринимаемый обеими сторонами. Проект Союзного государства Беларуси и России предполагает и обосновывает совместное успешное будущее. Наоборот, подобный проект с участием современной Украины – не получился, в силу абсолютно разных самоидентичностей трех славянских народов, влияние на формирование которых оказали внутривнутриполитические элиты и государственные руководители, ориентированные на разные политико-культурные мировые центры и, соответственно, мотивированные на внедрение в государствах разных политико-культурных ценностей, традиций и смыслов существования человека и гражданина. Основная проблема формирования единой исторической судьбы – в сложности объединения противоположных, часто противоборствующих национальных политических культур. Де-факто, территория Украины – территория противоречивых разновекторных традиций, идеологий, обычаев и культурно-этнических ценностей⁸. С другой стороны, невзирая на сложные поликультур-

ные отношения с Чехией и Венгрией, негативные аспекты реалий совместного социалистического прошлого, с этими государствами сохраняется прагматичное внешнеэкономическое сотрудничество. Даже с Польшей, вопреки действиям правительства и главенствующих политических антироссийских сил, вероятны успешные внешнеторговые связи в некоторых отраслях национальных экономик, основанные на взаимной выгоде и толерантности предпринимательского сообщества.

Мультикультурализм – вариант политической культуры, появившийся как ответ государственного управления на проблемные вопросы в регулировании устойчивого состояния политических режимов в многонациональных государствах, возникший в поликультурных сообществах прежде всего англосаксонской и западноевропейской цивилизации. Обычно в пример приводят Канаду, где английская и франкофонная культуры считаются базовыми частями национальной культурной мозаики. В противовес приводят теорию «плавильного котла» для создания единой нации США. Мультикультурализм – совместное и одновременно параллельное (не пересекающееся) проживание, достаточно изолированное, как получается в реальной практике главным образом в государствах, где имеется большой приток иммигрантов из стран с неустойчивыми политическими режимами и низким уровнем социально-экономического развития. Как следует из взвешенных оценок авторитетного белорусского политолога профессора В.Н. Ватыля, мультикультурализм – интегративная форма либеральной идеологии, «развитие общества является процессом диалектического взаимодействия множества различных культур, каждая из которых обладает своими, только ей присущими традициями, моделями взаимодействия и обычаями. Одним из механизмов упорядочивания выступает мультикультурализм, отрицающий культурные иерархии, деление на центр и периферию, примат вертикальных связей над горизонтальными и поощряющий многообразие культур»⁹. Одним, но не единственным и не определяющим механизмом поликультурного общения, причем с преобладающей ориентацией на либеральные идеологические ценности.

Социально-политическая практика начала XXI в. показала, что мультикультурализм в Европе не дал тех результатов, на которые рассчитывала политическая элита. Политики и политологи заговорили о проблемах и даже крахе мультикультурализма. Примером стали проблемы мультикультурного общения и роста межэтнической напряженности в Германии, Франции, Италии, что неоднократно выделяли среди основных приоритетов лиде-

ры этих государств. Например, канцлер Германии А. Меркель не раз говорила, что попытки построить мультикультурное общество провалились¹⁰. В 2013 г. первая в итальянской политической истории этническая африканка, родившаяся в Конго, но выросшая и получившая образование на Апеннинах, министр интеграции Сесиль Кайенге пропагандировала идею давать автоматически гражданство любому родившемуся в Италии ребенку независимо от этнического происхождения и гражданства родителей, т. е. как в США, государстве иммигрантов, государстве «плавильного котла»¹¹. Министр была незамедлительно подвергнута остракизму, так как проект предполагал резкие изменения этнического состава итальянского общества, изменения в политической мозаике и политическом дискурсе Италии, и была вынуждена покинуть правительство. Принципы толерантности и «классической» демократии, мультикультурализм оказываются на обочине политического процесса, когда и если угрожают интересам исторически доминирующих этнических и социальных групп гражданского общества, а также угрожают социально-политической стабильности институтов государства в любой демократии Европы.

Иммиграционные потоки в Беларуси незначительны, в России – заметны, но в силу исторически сложившейся в течение многих веков политики строительства многонационального государства, не угрожают ее политической и социальной стабильности. Поликультурное проживание на определенной веками цивилизационного развития территории, мирное сосуществование традиционных конфессий и религиозная толерантность, социальное межэтническое согласие и наличие многовековых традиций урегулирования этнических конфликтов – факторы и неотъемлемые элементы естественного современного эволюционного развития как Союзного государства, так России и Беларуси в условиях конкурентных глобальных процессов XXI в. В отличие от Запада, многочисленные этносы и нации на территориях, условно определяемых границами бывшего СССР, проживали и гармонично сосуществовали всегда. Иммиграция – это явление постсоветское, возникшее после образования независимых государств. В СССР русские составляли около 53 %, украинцы – 16 %, узбеки – 4,8 %, белорусы – 3,6 %, татары, азербайджанцы, армяне, грузины, молдаване, таджики, литовцы, туркмены – от 2,5 до 1 % населения страны. Более 10 национальностей (немцы, киргизы, евреи, латыши, эстонцы и т. д.) насчитывали от 1 до 2 млн человек каждая. Всего статистика учитывала более 105 национальностей и народностей¹².

В Российской Федерации проживают около 145 млн человек, в том числе русских – 115,9 млн (79,8 % населения государства).

В России по сравнению с СССР численность проживающих представителей других национальностей уменьшилась: украинцев в 14 раз, с 42,3 млн человек до 3 млн человек (с 16 % до 2 % в составе населения страны); белорусов – в 11 раз, с 9,5 млн до 810 тыс.; узбеков – в 100 раз, с 12,5 млн до 123 тыс.; казахов – в 10 раз; азербайджанцев – в 9 раз; евреев – в 8 раз; армян – в 4 раза, и т. д. Свыше 1 млн граждан, кроме украинцев, насчитывают диаспоры: татары (5,7 млн человек или 4 % населения страны), башкиры (1,7 млн человек), чеченцы (1,4 млн), армяне (1,2 млн). Примерно от 400 тыс. человек до 850 тыс. человек составляет численность народов: мордва, марийцы, удмурты, азербайджанцы, осетины, буряты, якуты, национальности Дагестана¹³. Советский Союз действительно был многонациональным государством, а в современной России доминируют русские, что в условиях многопартийной демократии дает основания некоторым политическим партиям декларировать политические приоритеты для одной национальности в ущерб истинным государственным интересам, создавая угрозы для политической стабильности. Поэтому вопросы политической самоидентификации остаются актуальными для российских структур государственного управления.

Наоборот, эволюция государственной национальной политики, демографические и территориальные изменения этнонационального состава современной Украины абсолютно не соответствуют ни концепции мультикультурализма, ни концепции «плавильного котла». Достаточно проанализировать изменения в течение XX века национального состава нескольких крупных городов Украины¹⁴:

Киев – в 1917 г.: 54,7 % – русские, 19 % – евреи, 12,2 % – украинцы; перепись 2001 г.: 82,2 % – украинцы, 13,1 % – русские, и т. д.;

Одесса – в 1926 г.: 39,2 % – русские, 36,9 % – евреи, 17,7 % – украинцы; в 2001 г.: 61,6 % – украинцы, 29 % – русские, и т. д.;

Харьков – в 1897 г.: 63,2 % – русские, 25,9 % – украинцы, 5,7 % – евреи; в 1939 г.: 29,5 % – русские, 48,5 % – украинцы; 15,6 % – евреи; в 2001 г.: 25,6 % – русские, 70,7 % – украинцы, 0,4 % – евреи, и т. д.;

Львов – в 1931 г. (до СССР): 63,5 % – поляки, 24,1 % – евреи, 7,8 % – украинцы, и т. д.; в 2010 г.: 72,7 % – украинцы, 23,1 % – русские, 0,5 % – евреи и т. д.;

Екатеринослав (Днепропетровск) – в 1897 г.: 42 % – русские, 35 % – евреи, 16 % – украинцы; в 2001 г.: 79,3 % – украинцы, 17,6 % – русские, 0,4 % – евреи, и т. д.

Статистика неопровержимо доказывает, что вне зависимости от политического режима на территории Украины последовательно осуществлялась национальная политика украинизации, а не

многонационального консенсуса и толерантности. Поэтому, как представляется, был неизбежен в результате референдума граждан несиловой возврат в состав федеративной многонациональной России Севастополя (многовековой базы российского флота) и Крыма, который быстро стал российским регионом с тремя официальными языками. Поэтому оказалось неизбежным вооруженное противостояние на юго-востоке современной, юридически унитарной Украины, а легитимность унитарного устройства не признают многие граждане Украины.

Необходимость жизни автономными анклавами (как вьетнамские или китайские иммигранты) и устранение бытовых элементов психологической амбивалентности – все же не становятся главными элементами социализации и политической самоидентификации в Союзном государстве Беларуси и России, определяющими политическую стабильность. Анализ путей преодоления амбивалентности при политической самоидентификации предлагает белорусский психолог, специалист в области психологического сопровождения подготовки профессиональных кадров государственного управления Ю.А. Полещук¹⁵. И здесь для единства судьбы определяющим политико-психологическим фактором становится язык. В Беларуси, соответственно, в Союзном государстве, вопрос государственных языков, благодаря фундаментальной и принципиальной позиции президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, невзирая на постоянно инициируемые дискуссии о месте и роли национальных языков как признаков и условий существования независимых государств в противоречивых и конкурентных условиях глобального мира, решается толерантно, прогрессивно, демократично и без ущерба национальному суверенитету. Президент А.Г. Лукашенко публично заявил: «Скажу прямо: нет ни одной страны в мире, где бы так бережно относились к великому русскому языку и к великой русской культуре. Я имею в том числе в виду и Россию. Мы сделали русский государственным языком еще в те годы, когда унижения той же России и русских было нормой. Более того. Мы считаем (и я многократно об этом говорил), что русский язык – это общее достояние прежде всего трех братских народов: украинцев, белорусов, россиян, да и других народов, которые жили среди нас, с которыми мы жили в одной стране. Этим самым хочу еще раз подчеркнуть для тех, кто пытается “приватизировать” русский язык: он наш, он ни российский, ни украинский – он наш. Это живое достояние, в том числе и белорусов»¹⁶. Точнее не скажет ни один политолог или психолог: русский язык – не российский, не собственность России, это язык поликультурного общения, эле-

мент политической самоидентификации, элемент политического гомеостаза Союза государств, ЕАЭС, но также, одновременно, и объект жесткого противоборства за влияние на постсоветском пространстве.

Если подобные инициативы будут исходить от представителей российского государственного управления, то не удастся избежать как минимум обвинений в проявлении «имперской» политической психологии и в насильственном насаждении российских правил поликультурного диалога.

Не следует забывать и историю самоидентификации на территориях постсоветского пространства. По политическим мотивам длительное время замалчивались подлинные исторические факты противоречивой, иногда полной ужасов и трагедий, истории народов Центральной и Восточной Европы, особенно связанные с событиями и последствиями II мировой и Великой Отечественной войн. Уничтожение евреев при пособничестве местных националистов и фашистов в Польше, Прибалтике, на Украине – и тысячи спасенных белорусами под страхом неизбежной казни от оккупантов своих соотечественников-евреев. Здесь же примеры зверств украинских пособников-националистов в Хатыни, украинско-польская межэтническая резня на Воляни. В Латвии и Эстонии до сих пор значительная часть населения имеет статус лиц без гражданства, «неграждан», и ни о каком мультикультурализме или поликультурном диалоге в этой части Европейского союза нет и речи. Парадигма устойчивой демократии, мультикультурализма и толерантности, если есть хотя бы минимальная вероятность усиления культуры и политических традиций «русского мира», в Прибалтике и на Украине не применяется в политической практике государственного управления. Не используются там и основополагающие принципы прав человека и демократии с молчаливого согласия адептов западноевропейских ценностей, на деле настроенных на глобальную геополитическую конкуренцию с Россией и на подавление ее естественных национальных интересов. В этих государствах постсоветского зарубежья строительство новых наций основано на бесперспективных антироссийских лозунгах и русофобии, на восприятии России как потенциального военно-политического агрессора. Никак не могут новые политические элиты постсоветского пространства понять, что Россия изменилась, Россия не нуждается в дополнительных территориях в современных экономических и политических условиях, так как это связано со значительными затратами материальных и иных ресурсов, со значительными социальными и политическими издержками. Но

России нужно благожелательное окружение в зонах ее естественных геополитических интересов, равноправное и транспарентное экономическое и финансовое партнерство, не декларируемое, а действительно справедливое сотрудничество в многополярном мироустройстве.

В Беларуси и в России другая межнациональная и многонациональная культура, более высокий уровень толерантности, когда ценность человека не определяется по крови или расе. На Украине – тяжелое и неоднозначное по факту националистическое социально-культурное наследие, которое делает проблемным национальный диалог о векторах социально-экономического и политического развития, ставит под сомнение само существование Украины в современных границах, поскольку сомнительно само доминирование националистически воспитанных и националистически ориентированных сил, сегодня формирующих политическую программу развития украинского государства. Можно ли представить на Украине заявления политических ньюсмейкеров государственного управления, подобные сделанным президентом Беларуси А.Г. Лукашенко, – вопрос риторический.

Беларусь не придерживается постулатов либерального мультикультурализма, но белорусский социум, не менее чем любой социум западноевропейский, соответствует понятию полиархии, когда национальная модель демократии учитывает мнения этнических и национальных групп, проживающих в государстве. Уровень мультикультурной толерантной самоидентификации граждан в Беларуси по факту намного выше, чем в государствах Европы или в работающем с резкими и частыми социально-политическими авариями «плавильном котле» США. Многонациональная политическая культура России также показывает достаточно примеров политической стабилизации, особенно в 2014 г., когда после событий в Крыму появился российский регион с тремя равноправными государственными языками (русским, украинским, крымско-татарским). Стали возможны благожелательная политическая самоидентификация и поликультурный диалог по животрепещущим вопросам социально-экономического развития региона, что не хотели сделать все постсоветские правительства Украины, отстаивавшие сомнительную политическую теорию мононационального унитарного государства. Результат известен. Фактически это насильственное подавление несогласных с форсированной украинизацией регионов Украины, когда политическая элита использует как легальные государственные силовые структуры, так и полулегальные, квазилегитимные и парамилитаризованные националистические организации.

На континенте Европа нет устойчивых и успешных демократических унитарных государств с национально- или этнически разнородным населением, с разными культурными традициями, нормами и ценностями, с разным пониманием социальными группами легитимности применяемых методов и инструментов государственного управления. Есть государства федеративные (Германия), государства с многочисленными автономиями (Испания и Италия), конфедеративная Швейцария – все социально благополучные и политически стабильные.

Политическую перспективу для толерантной самоидентификации может иметь только проект демократически уравновешенного с учетом национальных особенностей и традиций строительства справедливого и с единой исторической судьбой многонационального Союзного государства, межгосударственного объединения Беларуси и России, способного обеспечить эффективное и динамичное социально-экономическое развитие альтернативных однополярному миру организаций, таких как ЕАЭС, БРИКС, ШОС. Не следует рассчитывать на универсальный характер западноевропейской и англосаксонской демократии в глобальном и конкурентном, но в перспективе неизбежно многополярном мире, где залогом успеха являются самостоятельность, суверенная самоидентификация на равноправных и прагматичных, современных социальных, культурных и экономических фундаментах, теоретически обоснованных и проверенных политической практикой.

Примечания

- ¹ *Нератов Д. А.* Пилотная площадка для ЕАЭС // Союзное вече. 2015. № 23 (614). 21–27 мая. С. 3.
- ² См.: *Хейвуд Э.* Политология: Учеб. для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водозаова, В.Ю. Бельского. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 39–42. (Серия «Зарубежный учебник»).
- ³ См.: *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: АСТ, 2007. С. 27–44.
- ⁴ *Ирхин Ю.В.* Социология культуры: Учеб. М.: Экзамен, 2006. С. 52.
- ⁵ Там же. С. 52–53.
- ⁶ См.: *Кирюхин Д.* Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 211–218.
- ⁷ См.: *Бердяев Н.А.* Философия неравенства // Бердяев Н.А. Судьба России: Соч. М.: Эксмо, 2001. С. 552. (Серия «Антология мысли»).

- ⁸ См.: Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. С. 271–282.
- ⁹ *Ватиль В.Н.* Государство и государственность: История. Теория. Практика: Избр. раб. Гродно: ГрГУ, 2014. С. 245.
- ¹⁰ См.: Меркель и Саркози признали провал мультикультурной модели // Документальные фильмы, новости [Электронный ресурс]. URL: <http://dokumentika.org/lt/pasaul-zi-ra/merkel-i-sarkozi-priznala-proval-multikulturnoy-modeli> (дата обращения: 15.03.2015).
- ¹¹ Первого чернокожего итальянского министра закидали бананами // РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/27/07/2013/867797.shtml> (дата обращения: 15.03.2015).
- ¹² Расчеты сделаны по данным таблиц статистического сборника: «Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник» (Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 401–403).
- ¹³ Сравнительные расчеты сделаны на основе статистического сборника «Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник» (С. 401–403) и данных Российского статистического ежегодника 2013 (Росстат. М.: Статистика России, 2013).
- ¹⁴ См.: *Сатановский Е.Я.* Нашествие куркулей // Военно-промышленный курьер (ВПК). 2015. № 19 (585). 27 мая – 2 июня. С. 2–3.
- ¹⁵ См.: *Полещук Ю.А.* Преодоление политической амбивалентности в процессе подготовки студентов-политологов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Москва, РУДН, 18–19 апр. 2013 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Рос. ун-т дружбы народов [и др.]. М.: Изд-во РУДН, 2013. С. 564.
- ¹⁶ *Лукашенко А.Г.* Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию. Президент Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/ (дата обращения: 06.03.2015).

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

М.А. О'Делл

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В настоящей статье рассматривается методология исследования истории международных отношений и внешней политики на примере внешне-политической деятельности Великобритании на Ближнем Востоке. Автор предпринимает попытку применить различные методы анализа политических явлений, взглядов ученых и практиков на внешнюю политику в разные периоды времени в целях нахождения общих и противоположных интересов Великобритании и стран Ближнего Востока. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного использования всех известных и самых современных методов исследования динамичной политической реальности, что позволит всем заинтересованным странам обеспечить относительно приемлемое качество анализа текущей политической ситуации, прогнозирования событий и проводить эффективную политику.

Ключевые слова: Великобритания, Ближний Восток, исторический метод, синхронный метод, диахронный метод, хронологический метод, историко-сравнительный метод исследования.

Вопросы методологии исследования международных отношений и внешней политики требуют привлечения теоретических и практических разработок из различных областей знаний с учетом того, что имеющиеся познания об изучаемом предмете всегда несколько не совпадают с реальностью. Наука о международных отношениях и внешней политике, равно как и экономика, право, управленческие и социальные науки, наработала систему методов решения научных задач и использует все известные методы и их комбинации. По справедливому утверждению И.Д. Ковальченко, «методы исследования являются тем наиболее

динамичным компонентом науки, который движет ее вперед. Вместе с тем они имеют в науке непреходящее значение. Появление новых методов, как правило, приводит к изменению соотношения и роли старых и новых методов, а не к утрате первыми всякого значения»¹.

При попытках найти новые подходы в методологии исследования истории внешней политики государств мы не отказываемся от устоявшихся и испытанных временем теорий, и одновременно ищем основания для сведения интересов всех государств к общему знаменателю. Эннио Ди Нольфо отмечает: «Правильно определить идею истории международных отношений можно, лишь получив некоторый опыт ее описания, который приводит исследователя к пониманию необходимости перехода от предмета истории дипломатии к намного более общему предмету истории международных отношений»².

Исторический метод является стержневым для исследования истории государств, раскрытия закономерностей возникновения и формирования политических процессов. Так, например, школа англо-американского политического реализма при выработке внешнеполитических решений руководствуется исключительно историческим методом.

В течение длительного периода в истории международных отношений и внешней политики использовался метод объективных факторов: географического положения, исторического развития культур, традиций и религий государств. Такой объективный подход позволял выявлять подлинность национальных интересов государств, а также внутреннюю политику стран, которая могла оставаться статичной на протяжении веков. Однако данный способ исследования исчерпал свои возможности в нынешнем динамичном мире и требует разработки новейших методов исследования истории внешней политики.

В науке часто используется хронологический анализ объективных явлений, который дает возможность рассматривать исторические события в четкой временной последовательности, в движении и статике. Хронологический анализ выделяет два возможных спектра изучения: проблемно-хронологический и хронологически-проблемный. Так, например, при изучении истории внешнеполитической деятельности Великобритании на Ближнем Востоке мы используем проблемно-хронологический анализ политических действий и отталкиваемся от деятельности одного государства как основного политического деятеля, рассматриваем эволюцию развития проблемы, которая позволяет нам наиболее эффективно извлечь практический опыт. Хронологически-проблемный анализ исследования применяется для изучения

общих закономерностей и особенностей изменения внешней и внутренней политики государств, точно отражает проблемное поле исследования по периодам, критическим ситуациям, эпохам. В нашем исследовании таким хронологически-проблемным периодом выступают события, происходящие на Ближнем Востоке, начиная с 2011 г., известные как «жасминовые, оранжевые революции» или «арабская весна», и гуманитарные действия Великобритании в отношении ближневосточного региона по созданию программы «Арабское партнерство» (2011–2015).

Особое место в истории международных отношений и внешней политики занимают синхронный и диахронный методы периодизации. Синхронный анализ предполагает исследование различных событий, происходящих на разных территориях (страна, регион, и т. д.), а также определяет взаимосвязи между историческими явлениями и процессами, протекающими одновременно. Такой прием представляется важным, поскольку мы одновременно изучаем опыт двух государств со своими «проблемными» внутренними и внешними политическими реалиями: экономический кризис Великобритании и предпринимаемые правительством попытки его урегулирования, последствия интеграции, а также спектр ближневосточных проблем, требующих принятия мер по стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Противоположный диахронный метод позволяет вычленять определенные явления в истории отдельно взятых государств и подвергать анализу изучение сходных явлений, происходивших в разное время.

Методология историко-сравнительного анализа выступает одним из главных направлений и инструментариев в истории международных отношений и внешней политики. Историко-сравнительный анализ предполагает сопоставление политических явлений, взглядов на внешнюю политику, различных способов реализации одних и тех же политических процессов в целях нахождения общих точек соприкосновения в международной деятельности и специфики выявления наиболее оптимальных путей решения практических задач. По утверждению С.И. Симанского, «сравнение выступает не просто методом, а исследовательской методологической стратегией, затрагивающей образ предмета изучения, исходную концептуальную структуру, формулируемые исследовательские гипотезы, выбираемые инструменты измерения и анализа эмпирического материала, получаемый научный результат – синтезированные концепции и классификации, модели и теории. В этой связи сравнение является не столько техникой сопоставления, различения или объединения, а исследовательским мировоззрением»³. Поскольку наше

исследование направлено на изучение двух геополитических единиц, мы также можем использовать историко-сравнительный анализ политических реалий Великобритании и ближневосточного региона в различные периоды, включая современное состояние дел. Примером сравнения таких политических реалий может послужить доклад ветерана британской политики Артура Джеймса Бальфура, где он упоминает, что «опыт покажет, что восточные народы оказались под гораздо лучшим управлением, чем когда-либо прежде в истории всего мира, и это благо не только для них, но и, несомненно, благо для всего цивилизованного Запада...»⁴.

Ближневосточный взгляд на проблему политики Великобритании можно проследить в работе известного арабского историка Амина Сайда «Великая арабская революция» (الثورة العربية الكبرى), где он пишет, что «политика британского кабинета всегда была предательской по отношению к арабам»⁵.

Специалист по проблемам ближневосточного региона, британский разведчик Бернард Льюис в своей монографии «Что пошло не так? Западное влияние и ближневосточный отклик» (What went wrong? Western Impact and Middle Eastern Response) писал: «В XIX–XX вв. в период британского и французского доминирования в арабском мире появился правдоподобный козел отпущения – западный империализм. На Ближнем Востоке всегда были веские причины для такого рода обвинения. Политическое и экономическое превалирование, долговременное, глубокое и коварное культурное проникновение Запада изменило облик ближневосточного региона и пересмотрело жизнь его народов, развернув в новом направлении беспрецедентные угрозы и ожидания в их собственном культурном прошлом»⁶.

В исследовании Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (الاستشراق المعرفة، السلطة، الإنشاء) отчетливо отражается полярная позиция, критикующая западные воззрения: Очистить землю – лучшее из того, что сделано Бельми Людьми⁷, аллюзия на нынешние опасности европейского соперничества в колониях, на срыв попыток скоординировать политику... За маской дружелюбного превосходства Белого Человека всегда стоит вопрос о применении силы, убивать или быть убитым⁸.

В статье «Ближний Восток – клубок, который завязали Франция и Великобритания, наконец-то распутался» (The Middle East that France and Britain drew is finally unravelling) Джон Джудис пишет: «Если вы будете смотреть на карту Ближнего Востока в 1917 г., то вы не найдете такие государства как, Ливан, Сирия, Ирак, Иордания или Палестина. С XVI в. данная

географическая зона была частью Османской империи и была разделена на районы, которые не соответствовали прошлым названиям стран. Британцы создали эти будущие государства в соответствии с мандатом Лиги Наций, чтобы наделить эти земли своими правилами, которые имели для них большое экономическое и стратегическое значение»⁹.

В свою очередь, на Ближнем Востоке видят эту проблему несколько иначе. Так, на конференции «Какую роль играла Великобритания в формировании ландшафта на Ближнем Востоке» (بريطانيا لعبت دورا مهما في تشكيل المشهد في الشرق الأوسط اليوم) Омар Махмуд утверждал, что «Великобритания колонизировала ряд стран и по-прежнему говорит языком колониализма. Для Британии это прежде всего язык стабильности и укрепления мира между народами и нациями. Что на деле Великобритания может создать для арабских стран на Ближнем Востоке, есть ли у нее роль реального реформатора или она лишь действует исходя из собственных интересов? Улучшить отношения с народами, которые пострадали от британского колониализма или стремиться компенсировать последствия, от которых до сих пор страдают арабские народы? В чем заключается реальная помощь Великобритании: оказать моральную и материальную помощь или обеспечить страны своими услугами, чтобы улучшить качество жизни в ближневосточном регионе?»¹⁰ Данная позиция отражает, пожалуй, самую большую обеспокоенность лидеров и народов ближневосточных стран и обозначает наиболее серьезную проблему их взаимоотношений с Великобританией.

Тем не менее Великобритания продолжает отстаивать прежнюю позицию, хотя иногда пытается ее модифицировать, и эту мысль высказывает профессор в области британской оборонной политики Королевского объединенного института оборонных исследований Малкольм Чалмерс: «Великобритания остается наиболее ориентированным внешним игроком на мировой арене. Соединенное Королевство стало более осторожным по отношению к крупномасштабным операциям на Ближнем Востоке. Внешнеполитический курс Британии наиболее активен в Африке в районе Сахары, на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Несмотря на жесткую бюджетную экономию, Великобритания все еще готова содержать вторую по величине группу войск НАТО и увеличивать возможности внешней разведки»¹¹. Это означает, что политика имеет свою инерцию, не может быть заменена на другую в короткий отрезок времени, ибо это требует усилий, осмысления ошибок или поражений.

Арабские политические исследователи ближневосточного региона полагают, что «за последние несколько десятилетий роль Вели-

кобритании на Ближнем Востоке была лимитированной и рассчитана в основном на политическую и военную поддержку активных инициатив, исходящих из Вашингтона. Традиционно следует считать, что Великобритания – младший партнер Соединенных Штатов, доказательством этому могут служить войны в Афганистане и Ираке. Однако с самого начала «арабской весны» произошел сдвиг в амбициях Соединенного Королевства, было продемонстрировано стремление к проведению независимой политики в ближневосточном регионе. По некоторым данным, правительство Дэвида Кэмерона пытается ретранслировать политику Маргарет Тэтчер, чтобы вернуть Великобритании статус сверхдержавы¹².

Министр обороны Бахрейна шейх Халид бин Ахмед бин Мухаммед Аль Халиф считает, что долгие годы Великобритания налаживала исторические связи с ближневосточным регионом, в частности подтверждением этому могут служить прочные связи Великобритании с Бахрейном. «Прошло 43 года с того момента, когда Великобритания вывела свои войска из Арабского залива, однако Лондон провозгласил возвращение к востоку от Суэца, чтобы обеспечить безопасность Британии и Арабского залива. Британия обнародовала соглашение с Бахрейном о военном присутствии и создании военно-морской базы. Бахрейн надеется на продолжение работы с Соединенным Королевством по решению региональных проблем, стоящих перед регионом»¹³.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод о том, что внешняя политика Великобритании активно меняется на протяжении последнего периода времени под воздействием многочисленных факторов. Попытки ее осмысления, анализа, прогноза, основанные лишь на старых известных методах, уже не дают нам полного представления как о реальной картине мира на Ближнем Востоке, так и о смысле действий Великобритании в данном регионе. Только комплексное использование всех известных и новейших методов исследования динамичной политической реальности позволит делать относительно приемлемые по точности и своевременности прогнозы и проводить эффективную политику как самой Великобритании, так и другим странам, имеющим свои постоянные интересы в регионе Ближнего Востока.

Примечания

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С. 14.

² Нольфо Ди Э. История международных отношений: 1918–1999. М.: Логос, 2003. С. 9.

³ *Симановский С.И.* Сравнительный анализ как метод исследования в политической науке // Весці БДПУ. 2002. № 4 С. 165–171.

⁴ 448 [Saïd Э. الاستشراق المعرفة السلطة، النشاء مؤسسة الابحات عام 2003 صفحة 448]. Ориентализм. Западные концепции Востока. Организация Инша по научным исследованиям. 2003. С. 448.]

⁵ 1997 [Аль-маулюф Амин Сайд. Великая арабская революция. Арабская Республика Египет. 1997. С. 318.]

⁶ *Lewis B.* What went wrong? Western impact and Middle Eastern response. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002. P. 153.

⁷ Под Белыми Людми автор понимает Великобританию и Францию в колониальный период, термин «Белые Люди» был заимствован автором у Киплинга.

⁸ 350 [Саид Э. الاستشراق المعرفة السلطة، النشاء مؤسسة الابحات عام 2003 صفحة 350]. Указ. соч. С. 350.]

⁹ *Judis J.B.* The Middle East that France and Britain drew is finally unravelling // New Republic [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newrepublic.com/article/118409/mideast-unravelling-and-theres-not-much-us-can-do> (дата обращения: 04.04.2015).

¹⁰ [Британия لعبت دورا مهما في تشكيل المشهد في الشرق الأوسط اليوم] [الموارد الإلكترونية] [Великобритания играет важную роль в формировании современного ландшафта Ближнего Востока сегодня] [Электронный ресурс]. www.allofjo.net. URL: <http://www.allofjo.net/index.php?page=article&id=32669#sthash.wvyUDBkQdpuf> (дата обращения: 22.02.2015).

¹¹ *Dempsey J.* Judy Asks: Is Britain still a foreign policy power? // Carnegie Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegieeurope.eu/2015/02/18/judy-asks-is-britain-still-foreign-policy-power> (дата обращения: 12.07.2015).

¹² [اللعبة البريطانية في الشرق الأوسط] [الموارد الإلكترونية] [Британская игра на Ближнем Востоке] // RT [Электронный ресурс]. URL: http://arabic.rt.com/prg/telecast/657851-الشرق_الأوسط- (дата обращения: 07.05.2015).

¹³ بعد 43 عاماً من الانسحاب.. بريطانيا تعزز وجودها العسكري في الخليج وتقيم قاعدة بحرية في البحرين [الموارد الإلكترونية] [После 43 лет отсутствия Британия усилила свое военное присутствие в Персидском заливе и поддерживает военно-морскую базу в Бахрейне] // H H Saudi Research and Marketing LTD [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.aawsat.com/details.asp?section=4&article=797298&issueno=13158#.VRkuiPD8U> (дата обращения 07.05.2015).

«ПЛАТФОРМА СТАБИЛЬНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ»

Вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией привел к важным региональным сдвигам на Южном Кавказе. Среди непосредственных соседей южнокавказских республик Турция стала первой страной, которая быстро среагировала на происходящие в регионе изменения геополитического характера. Данная реакция проявилась в виде инициативы по созданию «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе».

Ключевые слова: Турция, Южный Кавказ, Армения, «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе», армяно-турецкие отношения.

Начавшийся 7 августа 2008 г. конфликт между Южной Осетией и Грузией привел к значимым переменам и росту напряженности на Южном Кавказе.

Предполагалось, что Турция, будучи членом НАТО, перейдет на сторону большинства западных стран, которые обвиняли РФ в осуществлении военных действий в Южной Осетии. Турция неожиданно выступила с предложением создания так называемой «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Возможно, резкое вмешательство Турции в дела Кавказского региона было тщательно спланировано и Турция использовала ухудшение ситуации в Южной Осетии для реализации своих давних намерений по проникновению в регион, что долгое время являлось проблематичным вопросом для турецкой элиты.

Концепция «Платформы...» была нацелена на сотрудничество трех стран Южного Кавказа – Грузии, Армении, Азербайджана – с Турцией и Россией и разрешение существующих конфликтов при посредничестве последних¹.

По словам Реджепа Тайипа Эрдогана, цель и содержание Кавказского альянса заключались «в установлении прочного мира и

безопасности в регионе путем привлечения всех региональных государств вместе в одно формирование. С этой целью предусматривается структура, которая предполагает, что страны региона снова подтвердят уважение к государственному суверенитету друг друга, будет ограничено применение методов угроз и силы для сохранения нерушимости государственных границ и непричинения вреда экономической и энергетической безопасности в Кавказском регионе в целом. Формирование таких принципов, как государственный суверенитет, нерушимость границ и т. д., будет основано на Уставе ОБСЕ, членами которой являются Россия, Турция и другие страны Кавказа»².

Эрдоган назвал главной целью установление прочного мира и безопасность. Она может быть достигнута путем расширения регионального экономического сотрудничества. Для лучшего представления данной идеи он привел примеры проектов Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), Баку – Тбилиси – Эрзерум (БТЭ) и Баку – Тбилиси – Карс (БТК) в качестве экономических предприятий, которые способствовали установлению регионального мира и безопасности. Он указал на необходимость развития подобных проектов таким образом, чтобы подключить к их реализации все кавказские народы.

Предполагалось, что это предложение будет иметь мало шансов на успех по ряду причин. В частности Грузия не будет иметь ничего общего с Россией после того, как она признала Южную Осетию и Абхазию в качестве независимых государств. Между Арменией и Турцией не были установлены межгосударственные отношения на протяжении десятилетий по причине геноцида армян, хотя визит Абдуллы Гюля в Ереван 6 сентября 2008 г. по приглашению своего армянского коллеги Сержа Саргсяна для просмотра футбольного матча между сборными двух стран мог стать началом установления таких отношений. Урегулирование нагорно-карабахского конфликта возможно лишь в отдаленном будущем³.

Действительно, предлагаемая Кавказская платформа в первую очередь требовала восстановления своего рода диалога между Арменией и Турцией, а также между Арменией и Азербайджаном. Турция понимала это, и поэтому турецкие официальные лица выразили надежду, что Армения станет частью предлагаемой платформы и формальности диалога с Ереваном будут определены после дальнейших переговоров с Россией, таким образом давая понять, что диалог между Анкарой и Ереваном может иметь место при посредничестве Москвы⁴. Кроме того, турецкая сторона, в частности, выразила надежду, что «Платформа...» в ближайшем

будущем сможет разрешить другой наиболее важный вопрос региональной безопасности – нагорно-карабахский конфликт между Баку и Ереваном – раз и навсегда⁵.

Таким образом, нормализация отношений с Арменией изначально предполагала три предусловия: отказ Армении от процесса международного признания геноцида армян, урегулирование нагорно-карабахского конфликта и признание неприкосновенности границ Турции⁶.

С геополитической точки зрения гораздо более важно, что Россия поддержала проект Турции. На самом деле, это обстоятельство было обусловлено тем, что Турция была готова исключить США из участников «Платформы...». Россия приветствовала создание «Платформы...», что подтверждает тот факт, что, в отличие от НАТО и ЕС, Россия придает большое значение Кавказу. По мнению директора Института востоковедения Национальной академии наук Армении Р. Сафрастяна, тем не менее позитивный подход России к «Платформе стабильности и сотрудничества» имел только тактический характер, поскольку трудно представить геополитические перспективы в случае деятельности других активных игроков на Южном Кавказе. Эти обстоятельства дают основание охарактеризовать план по осуществлению «Платформы стабильности и сотрудничества» на Кавказе как труднореализуемый⁷.

В попытке оценить активацию армяно-турецкого диалога необходимо учитывать глобальную динамику и сложный региональный контекст. В XXI в. Иран и Турция показали стремление вернуть себе статус региональных держав, которые имеют потенциал и желание вести самостоятельную политику, направленную на защиту собственных многовековых интересов. Этому старались противодействовать глобальные центры силы. Однако как в регионе, так и в глобальных центрах силы нет никаких сомнений, что на Южном Кавказе невозможно осуществление каких-либо предприятий без учета интересов Ирана и Турции.

Армения и Азербайджан активно вооружаются по причине неразрешенного нагорно-карабахского конфликта. Кроме того, обе страны были вынуждены в той или иной степени жертвовать потенциалом социально-экономического развития, становлением и укреплением собственных обществ.

В этих условиях заявление Армения и Турции о готовности без предусловий установить дипломатические отношения и открыть границы было неожиданным. Смелый шаг, все последствия которого невозможно предвидеть, но который позволил бы, по мнению сторон, вывести регион на качественно новый уровень стабильно-

сти. Инициатива была одобрена почти всеми глобальными центрами силы и складывалось впечатление, что регион действительно стоит на пороге неожиданных изменений.

Для Армении и Турции различны пути, с помощью которых должны произойти изменения. Стороны не имели четкого представления, как и на основе каких принципов должна быть достигнута стабильность. Сложные отношения между странами региона, а также другие факторы привели к неудаче «блицкрига» и в армяно-турецких отношениях. В этой ситуации необходимо проанализировать причины, которые позволили бы понять, почему армяно-турецкий процесс при некоторых сценариях может зайти в тупик. С этой точки зрения представляют интерес основы переговорного процесса, принципы, на основе которых должен был быть достигнут перелом.

Во-первых, лидеры Турции и Армении исходили из того, что они в состоянии договориться в рамках закрытых переговоров, а затем поставить перед фактом достигнутых договоренностей собственный народ. Считалось, что поддержка ряда глобальных центров силы является достаточной, чтобы гарантировать установление дипломатических отношений. Начиная переговоры и намереваясь сформировать новую региональную действительность, Турция и Армения исходили из возможности преодоления нынешних реалий, интересов региональных стран и сопротивления собственных обществ. Но Южный Кавказ, Ближний Восток в целом – не та среда, где можно проводить политику, противоречащую многовековым установлениям.

Второй момент связан с использованием выражения «без предварительных условий». Это подразумевает отказ от «предыстории», изъятие истории из общего контекста переговоров. Но на Южном Кавказе, где настолько сильны исторические, культурные, религиозные и иные связи, данный подход кажется весьма сомнительным. Армяно-турецкие отношения не могут быть интерпретированы в качестве изолированной, закрытой системы, где возможно было бы игнорировать региональные интересы, влияние исторических и других факторов. Такой подход к региональным и двусторонним отношениям имеет мало предпосылок для реализации, даже ценой потрясений и дестабилизации ситуации в регионе. Достаточно посмотреть на региональную политическую историю последних нескольких веков, чтобы убедиться в этом.

Ведя новые переговоры и обсуждая двусторонний формат межгосударственных отношений, необходимо понять, что реализация достигнутых договоренностей возможна только в рамках системы коллективной безопасности на Южном Кавказе. Иначе говоря,

двусторонние отношения и переговоры должны проводиться в контексте системы коллективной безопасности на Южном Кавказе. Делая первый шаг в строительстве этой системы, необходимо максимально отойти от исторического контекста, принимая ту действительность, которая была достигнута до сегодняшнего дня, четко осознавая, что в этом случае каждая из сторон имеет как потери, так и успехи и приходя к компромиссу, получает возможность достижения стабильности и безопасности.

Как правило, попытка урегулирования армяно-турецких отношений напрямую связывается с изменениями геополитического пространства в результате российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. Конечно, динамика развития двусторонних отношений в основном падает на 2008 г., а вторая часть – на первую половину 2009 г., но следует отметить, что официальная позиция Армении касательно нормализации отношений между Арменией и Турцией, нашла место в «Стратегии национальной безопасности Республики Армения» еще 2007 г. Об этом говорилось также в представленной в феврале 2008 г. предвыборной программе только что выдвинувшего свою кандидатуру нынешнего президента Армении Сержа Саргсяна. Так, в «Стратегии...» зафиксировано, что «Армения выступает за установление с Турцией дипломатических отношений без каких-либо предварительных условий и будет продолжать предпринимать соответствующие шаги по преодолению препятствий, улучшению двусторонних отношений»⁸.

Одновременно признание и осуждение геноцида армян рассматривались в контексте восстановления исторической справедливости и улучшения атмосферы взаимного доверия в регионе, недопущения повторения подобных трагедий в будущем.

Закрытая турецко-армянская граница, в свою очередь, рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности Армении, а неурегулированность армяно-турецких отношений – в качестве обстоятельства, оказывающего непосредственно негативное влияние на региональную стабильность. Также предполагается, что урегулирование взаимоотношений двух стран создаст благоприятную атмосферу для окончательного урегулирования карабахского конфликта.

Примечательно, что нормализация армяно-турецких отношений в «Стратегии национальной безопасности...» прямо связывается с переговорным процессом по вступлению Турции в ЕС, при этом отмечается, что важным условием проведения переговоров должно стать снятие блокады со стороны Турции.

Возможно, довольно актуально могли звучать отмеченные в предвыборной программе Сержа Саргсяна те положения, в соот-

ветствии с которыми в основе армяно-турецких дипломатических отношений «не может быть никаких предусловий: ни связанных с отказом от необходимости признания геноцида армян, ни с нагорно-карабахским конфликтом»⁹.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что отмеченные выше принципы и официальная позиция Армении, судя по заявлениям руководящих кругов, никаким изменениям не подверглись: Армения продолжает настаивать на необходимости установления отношений без предусловий, рассматривать процесс признания геноцида армян и урегулирования нагорно-карабахского конфликта независимо от нормализации армяно-турецких отношений, хотя и в некоторой степени связанных с данным контекстом.

Выдвижение Турцией новой инициативы по созданию Кавказского альянса стало еще одной попыткой разрешить проблемы сотрудничества и стабильности стран региона.

Урегулирование вопроса по нормализации двусторонних отношений между Арменией и Турцией станет событием регионального масштаба, которое серьезно должно повлиять на внешнеполитические ориентиры республик Южного Кавказа, а также положительно сказаться на имидже Турции и повысить ее шансы стать полноправным членом ЕС.

Таким образом, перспективы регионального сотрудничества оказались перед новыми вызовами.

Особый международный интерес к Южному Кавказу объясняется тем, что тот оказывает значительное влияние на глобальную систему безопасности, и в процессе поиска новых путей стабилизации обстановки в регионе необходимо учитывать как сильные, так и слабые стороны выдвинутой Турцией «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе»¹⁰.

«Платформа...» не получила дальнейшего развития в силу существующих проблем в регионе, имеющих исторические и этнические корни. Создание альянса для решения региональных проблем возможно после активного продвижения двусторонних и многосторонних инициатив и развития общественных связей на региональном уровне.

Примечания

¹ См.: *Reynolds M.* Turkey's troubles in the Caucasus [Электронный ресурс] / Harvard Univ. Middle East Strategi at Harvard. URL: http://blogs.law.harvard.edu/mesh/2008/08/turkeys_troubles_in_the_caucasus/ (дата обращения: 20.12.2014).

- ² См.: *Özkan G.* Turkey's "Caucasus Alliance" proposal: How likely is its success // Today's Zaman [Электронный ресурс]. URL: <http://www.todayszaman.com/news-150580-experts-analyze-caucasus-platform-turkeys-caucasus-alliance-proposal-how-likely-is-its-success-1-by-guner-ozkan.html> (дата обращения: 20.12.2014).
- ³ См.: *Morrison D.* Turkey restricts US access to the Black Sea [Электронный ресурс] / David Morrison. URL: <http://www.david-morrison.org.uk/us/turkey-restricts-us-access.htm> (дата обращения: 20.12.2014).
- ⁴ См.: Reluctant Baku says Armenia visit decision up to Turkey // Today's Zaman [Электронный ресурс]. URL: <http://www.todayszaman.com/news-151670-reluctant-baku-says-armenia-visit-decision-up-to-turkey.html> (дата обращения: 20.12.2014).
- ⁵ См.: *Özkan G.* Op. cit. [Электронный ресурс].
- ⁶ См.: **Զարգացման հեռանկարներ** [Перспективы развития] // [Первый армянский информационный] [Электронный ресурс]. URL: <http://zhamanak.1in.am/article/9903/> (дата обращения: 20.12.2013).
- ⁷ См.: *Safrastyan R.* On turkey's new undertaking in south caucasus [Электронный ресурс] / Noravank Foundation. URL: http://noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID=3487&print=Y (дата обращения: 20.12.2014).
- ⁸ Стратегия национальной безопасности Республики Армения (Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.) [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Армения. URL: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinerus.pdf (дата обращения: 20.12.2014).
- ⁹ Предвыборная программа Президента Армении Сержа Саргсяна (2008) // Президент Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.am/u_files/file/docs/program_rus.pdf (дата обращения: 20.12.2013).
- ¹⁰ См.: *Манчхашвили М.* Турция и безопасность Южного Кавказа: «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 4 С. 107.

НАТО И АРАБСКИЕ МОНАРХИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Заинтересованность США и Евросоюза в сохранении своих геополитических позиций на Ближнем Востоке способствует усилению влияния Запада на ключевые арабские государства – экспортеры энергоресурсов. Особое внимание при этом уделяется военно-техническому сотрудничеству и втягиванию лояльных арабских режимов в единое трансрегиональное военно-политическое и экономическое пространство.

Ключевые слова: НАТО, ССАГЗ, взаимодействие, сотрудничество, расширение влияния.

В XXI веке Ближний Восток и, в большей мере, зона Персидского залива продолжают оставаться важнейшей «кладовой» энергоресурсов планеты. На территории стран Персидского залива располагаются крупнейшие запасы углеводородов, значительное количество объектов топливно-энергетической инфраструктуры и морские пути транспортировки нефти и газа в Европу, Северную Америку и Азию. Как демонстрирует политический кризис на Украине, Евросоюз выражает обеспокоенность своей возросшей энергозависимостью от России и все более внимательно рассматривает ближневосточные энергоносители как наиболее приемлемую и приоритетную альтернативу российскому сырью.

В связи с непрекращающимся на протяжении последнего десятилетия ухудшением военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, ростом активности террористических организаций и развитием иранской ядерной программы США и объединенная Европа остаются заинтересованными в сохранении стабильности ситуации как в зоне Персидского залива в целом, так и в ряде стран – поставщиков энергоресурсов в частности. Власти ряда арабских государств Персидского залива, со своей стороны, ежегодно увели-

чивая бюджетные траты на национальную оборону и безопасность, пока предпочитают полагаться на своих западных партнеров, в частности на США и НАТО.

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты военного сотрудничества (и перспективы его развития) между Северо-Атлантическим альянсом и странами-участницами Совета сотрудничества арабских государств (Персидского) залива (ССАГЗ)¹, которые исторически, с момента обретения независимости в середине XX в., стремятся к укреплению суверенитета и в первую очередь собственной безопасности.

ССАГЗ зародился на волне хаоса, возникшего на Ближнем Востоке в 1979 г. после исламской революции в Иране. Создание ССАГЗ предполагало не столько обеспечение коллективной обороны государств-членов, сколько развитие всесторонней кооперации между Саудовской Аравией (СА), Оманом, Кувейтом, Катаром, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) и Бахрейном. Другими словами, упор был сделан на политическую и экономическую составляющие в многосторонних отношениях и лишь затем на сотрудничество в области безопасности. Военно-техническая кооперация между арабскими монархиями Залива развивалась «постольку поскольку», и в большей мере за счет инициатив СА, продолжающей и сегодня выступать «локомотивом» на данном направлении. Подчеркнутое в итоговом коммюнике первого саммита (1981 г.) стран-участниц ССАГЗ намерение защищать свою независимость, поддерживать должный уровень безопасности и препятствовать возникновению вооруженных конфликтов на территории региона было одобрено всеми участниками саммита, однако за прошедший почти тридцатилетний период существенного прогресса в этой сфере арабские монархии практически не добились. В этой связи руководство вышеуказанных монархий отвело особую роль в деле обеспечения своего суверенитета своим бывшим европейским метрополиям.

Активизация террористических организаций на Ближнем Востоке, набравшая обороты в 2003 г. с вторжением в Ирак международной коалиции, и усиление региональных позиций шиитского Ирана стали факторами, придавшими импульс очередному витку развития диалога между Западом и монархиями Залива – межблоковому сотрудничеству между НАТО и ССАГЗ в области безопасности. Перспектива получения Тегераном технологий для создания ядерного оружия ставила бы под угрозу существование арабских монархий Персидского залива, и данный фактор был использован Вашингтоном и его союзниками по НАТО для укрепления взаим-

ного доверия с членами Совета. Усиление же позиций террористических и джихадистских организаций в регионе, согласно информации, попадавшей из высоких политико-дипломатических кругов Совета в местные СМИ, стало даже более приоритетной угрозой для ССАГЗ, поскольку терроризм как явление, имеющее наднациональный характер, рассматривается властями арабских монархий в качестве угрозы государственности, политической стабильности и государственным границам. При этом следует отметить одну особенность, что в Эр-Рияде, Абу-Даби, Дохе и Эль-Кувейте достаточно своеобразно «классифицируют» организации по террористическому признаку – террористами не являются те люди, которые борются за независимость. В частности под это определение попадают члены движения ХАМАС, ведущего «освободительную» борьбу против Израиля.

Для эффективного решения стоящих перед ССАГЗ задач по обеспечению собственной безопасности, противодействию внешним угрозам и борьбе с терроризмом, как на Ближнем Востоке в целом, так и в зоне Персидского залива в частности, руководство НАТО предложило свою помощь странам-участницам Совета. Так, начальным этапом в развитии сотрудничества в оборонной сфере между Северо-Атлантическим альянсом и ССАГЗ в Персидском заливе можно считать состоявшийся в 2004 г. в Стамбуле очередной саммит НАТО, на котором стороны приняли программу, направленную на развитие и укрепление двустороннего взаимодействия – Стамбульскую инициативу о сотрудничестве (СИС).

Ключевыми положениями СИС являются укрепление региональной безопасности и стабильности посредством нового трансатлантического соглашения, предусматривающего помощь в проведении реформ в сферах безопасности, планирования расходов на оборону, военного планирования и взаимодействия между военным и гражданским компонентами; содействие в развитии двустороннего военного сотрудничества по повышению уровня оперативно-технической совместимости в борьбе с терроризмом и пиратством (посредством обмена разведанными и военно-морского сотрудничества); противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки; борьба с незаконной торговлей запрещенными товарами².

При этом следует отметить, что, хотя основным «адресатом» данной программы является именно ССАГЗ, только четыре государства из состава Совета – Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ – в 2005 г. приняли «приглашение» Альянса и стали полноправными участниками СИС. Саудовская Аравия и Оман же до настоящего

времени остаются в статусе наблюдателя. В числе причин, из-за которых Эр-Рияд и Оман не желают принимать полноценное участие в работе СИС, можно отметить нежелание оманского руководства менять свой традиционный внешнеполитический вектор – относительно независимая региональная политика и поддержание баланса в международных отношениях как с соседями по Аравийскому полуострову, так и с шиитским Ираном. Что же касается саудовской стороны, то Эр-Рияд в рамках военно-технического сотрудничества предпочитает поддерживать двусторонний формат отношений и нетерпимо относится к присутствию на своей территории подразделений вооруженных сил немусульманских иностранных государств.

Внимательно рассмотрев некоторые аспекты Стамбульской инициативы о сотрудничестве, можно сделать вывод, что она стала своего рода дополнением к программе Средиземноморского диалога (СД), разработанной и принятой НАТО в 1994 г. Данная инициатива предполагает развитие сотрудничества между НАТО и государствами средиземноморского бассейна – Алжиром, Египтом, Марокко, Мавританией, Тунисом, Израилем, Иорданией. Что же касается СИС, то она, в свою очередь, обладает собственными характерными чертами. В частности ее отличие от СД заключается в том, что в рамках СИС значительное внимание уделяется именно развитию военно-технического сотрудничества и укреплению взаимодействия в сфере борьбы с терроризмом, а также налаживанию оперативно-технического взаимодействия между подразделениями вооруженных сил стран-участниц НАТО и ССАГЗ.

В настоящее время диалог НАТО – ССАГЗ развивается по следующим направлениям: борьба с терроризмом и обмен разведанными; оказание экспертной помощи со стороны Альянса в реформировании оборонного сектора стран-участниц Совета (военное планирование, финансирование силовых структур, оборонное планирование); проведение совместных военных учений под эгидой НАТО, в том числе и в операциях в рамках программы «Партнерство ради мира»³; противодействие распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки; борьба с контрабандой оружия; планирование на случай возникновения чрезвычайных ситуаций, а также проведение совместных учений по преодолению последствий стихийных действий⁴. Также особое внимание придается созданию и расширению военных баз стран-участниц НАТО на территории государств ССАГЗ. Кроме того, делается упор на развитие военно-технического сотрудничества и унификацию, т. е. «привязку» вооруженных сил иностранных государств к военным

стандартам НАТО и образцам современных вооружений Северо-Атлантического альянса, что в значительной степени способствует укреплению коллективной обороноспособности арабских государств-партнеров Альянса и одновременно усложняет использование вооружений и военной техники, разработанных и произведенных другими глобальными игроками на рынке вооружений.

В 2008 г., по данным Колледжа исследований НАТО, Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ вместе с представителями Северо-Атлантического альянса приняли участие в 57 совместных разноплановых учениях, что, по сравнению с начальным этапом (2005–2006 гг.), стало существенным прорывом в сфере двустороннего сотрудничества. Однако участие государств-членов ССАГЗ в совместных учениях с НАТО поначалу не было столь активным. Так, в том же 2008 г. ССАГЗ было предложено принять участие примерно в 560 совместных учениях (более 450 из них носили военный характер и содержали антитеррористический компонент).

Низкий уровень взаимодействия между двумя организациями на тот момент можно объяснить тем, что, во-первых, в рамках СИС отсутствовала практика «сверки часов» между представителями высшего военного командования стран-участниц инициативы. Во-вторых, в рамках СИС отсутствовала проработанная программа индивидуального военного сотрудничества для стран-участниц инициативы, которая могла бы оказать положительный эффект на укрепление диалога ССАГЗ – НАТО. В-третьих, необходимо подчеркнуть, что в сравнении с НАТО или даже прекратившей свое существование Организацией Варшавского договора второстепенное значение пункта, предусматривающего усиление оборонного взаимодействия в «списке ключевых задач Совета» позволяет говорить о том, что ССАГЗ, по своей сути, вряд ли можно квалифицировать как межгосударственный институт, обеспечивающий региональную безопасность. Именно по этой причине развитие сотрудничества между НАТО и ССАГЗ, в рамках Стамбульской инициативы сотрудничества следует рассматривать не в многостороннем формате «28 + 4», а скорее в «двустороннем», когда арабские участники СИС, выстраивая диалог с Альянсом, отдают предпочтение не региональной, а индивидуальной повестке дня в сфере безопасности.

Невысокий уровень вовлеченности стран-участниц ССАГЗ в совместные с НАТО военные и антитеррористические учения можно объяснить и малым количеством личного состава в рядах вооруженных сил этих арабских государств, которого попросту не хватает для проведения множества совместных мероприятий. Так, численность вооруженных сил ОАЭ составляет (примерно) 51 тыс.

человек, Кувейта – 15 тыс., Катара – 12 тыс., а Бахрейна – и вовсе порядка 8 тыс.

В целом, несмотря на определенные успехи в выстраивании продуктивного диалога НАТО – ССАГЗ, в международном экспертном сообществе считают, что существуют несколько факторов, которые «тормозят» процесс полноценной реализации потенциала Стамбульской инициативы о сотрудничестве. Во-первых, нежелание властей КСА и Омана принимать активное участие в совместных с НАТО мероприятиях, т. е. стремление Эр-Рияда и Маската дистанцироваться от прямой «опеки» Альянса. Во-вторых, двусторонняя, а не многосторонняя природа взаимодействия между странами-участницами ССАГЗ в рамках реализации курса общей политики безопасности. Причем второй фактор в международных экспертных кругах характеризуют «как недостаток практического взаимодействия среди членов Совета в области обеспечения безопасности», который руководство Северо-Атлантического альянса так и не смогло «разглядеть» за прошедшие годы⁵. Более того, именно это обстоятельство препятствует развитию эффективного сотрудничества между двумя организациями. В этой связи бывший генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен заявил в феврале 2011 г., спустя 6 лет с момента начала действия СИС, на конференции в Катаре, посвященной реализации СИС: «Откровенно говоря, мы (в рамках СИС. – А. К.) не смогли реализовать все потенциальные возможности нашего партнерства. Пришло время его активизировать, поскольку необходимость в нашем сотрудничестве только усилилась»⁶.

Массовые социальные волнения в ряде ближневосточных государств, получившие название «арабской весны», придали серьезный импульс развитию двустороннего сотрудничества в рамках боевых операций и в сфере борьбы с терроризмом. Так, воинский контингент Катара, ОАЭ и Бахрейна был активно вовлечен в боевые операции НАТО, проведенные Альянсом за последние несколько лет. В частности Манама направила своих военнослужащих в состав Международных сил содействия безопасности в Афганистане, а Доха и Абу-Даби приняли непосредственное участие в свержении режима Каддафи в Ливии (операция НАТО «Объединенный защитник»). При этом нельзя не отметить то обстоятельство, что привлечение НАТО государств-членов ССАГЗ к участию в военной операции против другого арабского государства стало серьезным «шагом вперед» в рамках СИС. Кроме того, НАТО заключило двусторонние соглашения с вышеназванными странами-участницами Совета в области обмена разведанными. Катар также разместил на своей территории центр управления со-

вместными действиями авиации и ПВО НАТО для контроля воздушного пространства и в 2011 г. открыл филиал французского военного колледжа Сен-Сир – высшего военного учебного заведения, основанного во Франции в 1802 г. Наполеоном Бонапартом. С 2007 г. катарские офицеры проходят обучение на ближневосточном факультете военного колледжа НАТО в Риме. В 2011 г. Объединенные Арабские Эмираты первыми из ССАГЗ достигли договоренности с руководством НАТО об открытии при штаб-квартире Альянса в Брюсселе постоянного представительства этой арабской страны. В этой связи глава МИД Польши Сикорский заявил: «Мы очень счастливы, что ОАЭ станут первой арабской страной, которая откроет посольство при штаб-квартире НАТО»⁷.

На сегодняшний день на Ближнем Востоке складывается сложная и напряженная военно-политическая обстановка, что обусловлено возросшей угрозой со стороны радикальной террористической группировки «Исламское государство» (ИГ). Действия США и Европы, как это было отмечено в сентябре 2014 г. на очередном саммите НАТО в Великобритании, будут направлены на формирование антитеррористической коалиции, о присоединении к которой уже заявили члены ССАГЗ. Вашингтон и Брюссель весьма успешно используют различные политико-дипломатические и экономические инструменты для расширения сферы влияния на Ближнем Востоке. Иными словами, они стремятся «втянуть» в свое политическое и экономическое пространство ключевых ближневосточных партнеров, являющихся в то же время значимыми поставщиками энергоресурсов – Саудовскую Аравию, Кувейт, Оман, Объединенные Арабские Эмираты и Катар.

В этой связи представляется вероятным, что относительно налаженное в рамках Стамбульской инициативы о сотрудничестве взаимодействие между ССАГЗ и НАТО определенно даст положительные результаты в деле борьбы с терроризмом. Однако укрепление собственной обороноспособности при непосредственном участии западных партнеров из Северо-Атлантического альянса может затормозиться ввиду обострения разногласий внутри организации или возникновения социально-экономической нестабильности в любой из стран-участниц Совета.

Примечания

¹ В состав Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива входят Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

- ² NATO elevates Mediterranean Dialogue to a genuine partnership, launches Istanbul Cooperation Initiative [Электронный ресурс] / North Atlantic Treaty Organization. URL: <http://www.nato.int/docu/update/2004/06-june/e0629d.htm> (дата обращения: 20.09.2014).
- ³ «Партнерство ради мира» – программа двустороннего сотрудничества между НАТО и отдельными странами-партнерами, благодаря которой эти страны могут развивать индивидуальные отношения с НАТО, самостоятельно определяя приоритетные направления сотрудничества.
- ⁴ Istanbul Cooperation Initiative [Электронный ресурс] / North Atlantic Treaty Organization. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_58787.htm (дата обращения: 01.10.2014).
- ⁵ *Samaan J.-L.* NATO in the Gulf: Partnership Without a Cause? (NATO Defense College: Research paper. 2012 № 83. Oct. P. 4) [Электронный ресурс] / NATO Defense College. URL: http://www.ndc.nato.int/news/current_news.php?icode=438 (дата обращения: 12.07.2014).
- ⁶ *Rasmussen A.F.* NATO seeks Gulf security partners // Gulf News [Электронный ресурс]. URL: <http://m.gulfnews.com/opinion/nato-seeks-gulf-security-partners-1.762160> (дата обращения: 14.05.2014).
- ⁷ *Малков Д.* ОАЭ станут первой арабской страной, открывшей постпредство при НАТО // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20110520/377545736.html> (дата обращения: 28.06.2014).

ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ И СЛОГАНЫ МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ «ЗЕЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ» В ИРАНЕ (2009–2010 гг.)*

В статье проводится анализ слоганов, которые звучали на иранских улицах в 2009–2010 гг. в ходе массовых выступлений оппозиции, которая получила название «Зеленое движение». Можно с уверенностью утверждать, что по количеству участников и интенсивности выступлений эти демонстрации могут быть сравнимы с протестами Исламской революции 1978–1979 годов. Часто звучавшие в ходе протестных акций слоганы были переработанными версиями 30-летней давности. Главными символами протестов стали погибшие на городских улицах в результате действий полиции сторонники оппозиции.

Ключевые слова: ислам, шиизм, власть, демонстрации, выборы, образы, символы, слоганы, религия, оппозиция, «Зеленое движение».

Как только 13 июня 2009 г. были объявлены результаты выборов в Иране, огромное количество людей вышли на улицы, используя зеленый цвет как отличительный знак своего протеста. Они протестовали против официальных итогов голосования, в результате которых действующий президент страны Махмуд Ахмадинежад победил своего соперника кандидата от оппозиции Мир-Хосейна Мусави, набрав в два раза больше голосов. Людям показалось, что находящиеся у власти консерваторы совершили подлог, чтобы не допустить на пост президента своего противника из лагеря реформаторов.

Видео уличных протестов в различных городах Ирана, выложенные на YouTube, становились катализатором еще больших протестных акций, особенно после того, как иранские власти выслали из страны большинство иностранных репортеров.

В первые несколько дней после объявления результатов выборов были очень популярны акции, когда толпы иранцев мирно маршировали в тишине, неся плакаты с надписью: «Где мой голос?». Этот лозунг был также популярен и в плакатах оппозиции.

В то время как в СМИ транслировались жесткие меры полиции по разгону протестующих, возникали аналогии с событиями Исламской революции 1978–1979 гг. Это усиливали скандируемые протестующими слоганы, которые часто были переработанными текстами времен революции.

Можно констатировать, что при существовании исламских институтов, созданных в результате Исламской революции, через 30 лет в стране частично сложилась альтернативная политическая культура и эти изменения отразились в слоганах, которые скандировали люди в ходе акции протеста. Эти слоганы (по-персидски *шоар*), выкрикиваемые на улицах, отправляемые по электронной почте, Твиттеру, выкладываемые на Ютьюб, лучше всего иллюстрируют постепенные перемены, которые имели место в сознании части иранского социума.

В течение Исламской революции 1978–1979 гг., а также в первые годы после нее, победившие сторонники аятоллы Хомейни не без основания гордились тем, что смогли стимулировать обычных граждан на противостояние правлению шаха и успешное сопротивление поддерживающим его военным. Тридцать лет спустя полиция Исламской республики, казалось, стала той силой, которая напоминала шахских военных.

Аналогия с событиями Исламской революции прослеживается в лозунге, который скандировали протестующие в первые недели демонстраций. Толпа, как бы обращаясь к Махмуду Ахмадинежаду, выкрикивала фразу: «Ахмади гусале, базам миги футбале?» (Ахмади, теленок, ты все еще думаешь, что это игра в футбол?)¹. В персидском языке «гусале» означает теленка или осла и является уничижительным словом.

В последний раз озлобленные протестующие кричали «гусале» в 1978–1979 гг. Это было связано с немного курьезной историей. В то время очень популярным лозунгом был «Аллах Акбар» (Господь велик), который каждую ночь, начиная с 9:00 вечера, выкрикивался различными людьми с крыш городов. Одним из катализаторов революционных выступлений были проповеди находившегося в тот момент в изгнании в Ираке аятоллы Хомейни, которые распространялись среди участников антишахского движения на магнитофонных кассетах. Министерство государственной безопасности Ирана (САВАК) пыталось их найти и уничтожить, но безрезультатно.

В 1978 г. именование «гусале» было направлено в сторону генерал-майора Голяма Резы Азхари, премьер-министра Ирана с 6 ноября 1978 г. по 4 января 1979 г., который заявил в Меджлисе, что лозунг «Аллах Акбар» очень похож на некоторые места из проповедей Хомейни, которые по ночам громко слушали предатели. Сразу после этого на уличных демонстрациях оппозиционеры стали скандировать фразу: «Азхари гусале, базам миги наваре? Навар ке па надаре!» (Азхари, теленок, ты все еще думаешь, что это запись? У записи не бывает ног!)².

Сам лозунг «Аллах Акбар» в 2009 г. также часто выкрикивался по ночам с крыш столицы и других крупных городов страны. На Ютьюбе есть видео, где 20 июня 2009 г. весь ночной Тегеран наполнен скандированием этой фразы на разные голоса³. Это было достаточно необычно, так как звучало из уст противников существующей власти, сторонники которой тридцать лет до этого сами активно использовали тот же слоган. Сторонники «Зеленого движения» заранее предупреждали своих собратьев о проведении ночных акций. Так, накануне выборов по Тегерану распространялись плакаты с призывом выкрикивать «Аллах Акбар».

Аятолла Хомейни попросил иранцев в 1978–1979 гг. мирно пройти по улицам, раздавая военным цветы. Когда правительственные войска открывали по ним огонь, то на следующий день демонстранты скандировали «Артеш дженаят миконад, шах хемаят миконад» (Военные совершают преступление, шах это поддерживает). В 2009 г. те, кто были свидетелями выстрелов, произведенных с крыш офисов добровольческой милиции «Басидж» в Тегеране, в результате которых среди демонстрантов были убитые и раненые, кричали «Басидж дженаят миконад, Рахбар хемаят миконад» (Басидж совершает преступление, Верховный лидер его защищает)⁴.

Самым известным слоганом революции 1979 г. был «На шарги, на гарби, Джомхурие Эслами» (Ни восток [коммунистический блок], ни запад [США], да здравствует Исламская Республика). В 2009 г. это выражение было переиначено протестующими. Оно звучало так: «На шарги, на гарби, доуляте сабзе мелли» (Ни восток, ни запад, да здравствует народное зеленое правительство).

В апреле 1979 г. иранское национальное телевидение показало, что подавляющее большинство иранцев (98 %) отдали свои голоса на референдуме за установление Исламской Республики. Телевизионный репортаж показал иранцев на выборах с плакатами, гласящими «Эстеклял, Азади, Джомхурие Эслами» (Независимость, Свобода, Исламская республика). Тридцать лет спустя демонстранты выкрикивали «Эстеклял, Азади, Джомхурие Ирани» (Не-

зависимость, Свобода, Иранская республика), протестуя против того, что им казалось фальсификациями на десятых президентских выборах. Эта фраза также отразилась и в плакатной живописи «Зеленого движения».

То, что началось как молчаливый марш против результатов выборов, постепенно стало движением за гражданские и политические права. Можно сказать, что звуки пуль и запах слезоточивого газа на улицах заместили атмосферу эйфории дней, предшествующих голосованию. В 1978–1979 гг., когда силы охраны правопорядка открывали огонь по людям, участвующим в массовых акциях протеста, демонстранты выкрикивали лозунг «Туп, танк, мосалсал дигяр асар надард» (Пушки, танки, автоматы больше не будут эффективными). Этот же лозунг выкрикивался и в 2009 г. протестующими и против действий полиции⁵.

Одним из главных символов «Зеленого движения» были поднятые буквой V два пальца. Часто он перекликался с религиозным знаком «Рука Фатимы», который очень почитается мусульманами и используется как защитный амулет. Протестующие старались показать, что агрессия направленная против «Зеленого движения» сравнима с агрессией против шиитских святых. Еще одним символом протестного движения был поднятый вверх кулак. Правда, он использовался гораздо реже, чем, например, в египетских протестах 2011 г.⁶

Президент Махмуд Ахмадинежад почувствовал необходимость дать ответ. В телевизионном обращении он назвал демонстрантов «хас-о хашак», или сброд, описав их как «футбольных фанатов, которые расстроились, потому что их команда проиграла». На следующий день демонстранты несли по улицам Тегерана большой баннер, который гласил «Доктор капшен парех, хашак ке па надаре!» (Доктор с разорванным пальто, у сброда нет ног!). Доктор – это Ахмадинежад, который имеет кандидатскую степень и известен своим поношенным пальто⁷.

Ремарка Ахмадинежада, характеризующая демонстрантов как «сброд», вызвала волнение по всему миру, побудив музыкантов, иранцев и не только, создавать музыку, которая бы осудила его утверждение и поддержала демонстрантов. Заголовок «хас-о хашак» был размещен на Ютубе в различных версиях, и в некоторых случаях музыканты не называли себя или называли просто «подпольной музыкальной группой в Тегеране». Возможно, самой известной из таких песен является короткая песня Хамеда Никпэя под названием «Владелец этой земли», размещенная на Ютубе 19 июня 2009 г.⁸

В это же время было много другого музыкального видео, размещенного на Ютубе, от неизвестных исполнителей и певцов. В некоторых сравнивались картины протестов, демонстраций и жесткого подавления в 2009 г. с картинами протестов в ходе революционного периода 1978–1979 гг.⁹

Также некоторые из песен были посвящены «мученикам «Зеленой революции»», убитым иранскими властями, таким как Неда Солтани и Сохраб Араби¹⁰. Разнообразие видеоклипов показало, что сторонники «Зеленого движения» не были только лишь представителями высшего класса или светских сил. Многие из песен, посвященных памяти убитых, имели очевидный религиозный подтекст.

Спустя неделю после выборов на одной из улиц Тегерана была застрелена Неда Солтани, студентка, изучающая философию. Роллик с ее последними минутами был размещен на Ютубе¹¹ и попал в заголовки СМИ по всему миру, причем его невозможно было смотреть без сильных эмоций.

Почему видео Неды оказало такое воздействие не только на протестующих, но и на многих людей по всему миру? Его время, характер и содержание сделали все, чтобы оно стало символом дальнейших протестов. 20 июня 2009 г. – это была суббота после пятничной проповеди Верховного лидера Аятоллы Хаменеи, в ходе которой он предупредил протестующих, что они столкнутся с серьезными последствиями, если продолжат демонстрации.

Видео с убийством Неды появилось 20 июня в 20:05 по московскому времени. Оно было коротким, всего 37 секунд: там видна девушка, которая держится за грудь и опускается на землю с помощью двух мужчин. Она одета в синие джинсы, темный русари (платок на голову) и узкий темный ропуш (длинный жакет, который носят женщины в Иране, чтобы выполнить правила хиджаба, или исламского одеяния). Мужчины одеты в синие джинсы и рубашки с короткими рукавами. У одного из них седые волосы, забранные в хвост, а другой намного моложе, с темными волосами. Они держат ее. Слышатся голоса мужчин, один из которых говорит: «Абджи (сестра) – нужна машина, чтобы увезти ее». Под головой девушки появляется лужа крови. Один из мужчин повторяет «Неда, джан, натар. Неда натарс (Неда, дорогая, не бойся. Неда, не бойся)». Мужчины пытаются остановить кровь, приближается третий и хочет помочь. Слышатся ужасающие крики мужчин «Вай, ваай!». Человек с седыми волосами, который, как станет известно позже, был ее учителем музыки, говорит «Неда, стой, Неда, не уходи». Кровь начинает течь у нее изо рта и носа, образуя ручьи вокруг ее лица,

которые собираются под ее головой. Камера движется вперед, показывая 3 пары рук, которые тщетно пытаются остановить кровь. Все это время звучит фраза: «Неда, останься, Неда, не уходи, Неда, проснись, Неда, проснись». Слышится душераздирающий крик «Дайоос хааа, дайоос хаа! [Дайоо – ругательство азербайджанского происхождения, означает мужчину, чья жена его не уважает, худшее из оскорблений в патриархальном обществе. Ха – окончание существительного, обозначающего множественное число]». Видео заканчивается.

Неда была молодой девушкой, одетой в такой вариант хиджаба, который показывает, что она была эмансипирована. Эта свободная вариация исламской одежды стала популярной после победы на президентских выборах 1997 г. Мохаммада Хатами. С политической точки зрения, сочетание ропуш–русари означает, что его обладатель находится в оппозиции к режиму и является, скорее, светски настроенным реформистом и/или просто противником власти. Это одежда не соответствует ни одной версии классического исламского одяения, предписанного шариатом. Можно с уверенностью сказать, что большинство женщин, которые носят такой хиджаб, будь у них выбор, не носили бы никакой исламской одежды.

Синие джинсы и обувь с полосками в стиле Адидаас также подтверждают, что Неда не была сторонницей исламских норм в одежде. Более того, ее хорошо сделанный макияж свидетельствует о том, что она совершенно не хотела следовать исламской моде.

Мужчины, которые пытаются спасти Неду, одеты в рубашки и футболки с коротким рукавом, что отходит от исламских норм, хотя и не запрещено в Иране.

Наиболее ужасает в видео то, что все действия людей, которые пытаются спасти девушку, тщетны. Ужас, боль и безысходность пронизывают весь видеоролик. Без сомнения, многие сторонники оппозиции стали ассоциировать себя с этим видео: молодые женщины – с самой Недой, так как она была одной из них по духу и поведению; мужчины – с людьми, которые пытались ее спасти.

Неда сразу же стала иконой, символом¹² протестного движения перед лицом грубой жестокости. Более того, видео ее убийства усилило протестное движение, так как стало эмоциональным фоном, заставляющим людей чувствовать больше злости к властям.

Это было проявление морального шока – когда неожиданное событие или информация вызывают такое чувство ярости в человеке, что он начинает склоняться к политическому действию¹³. Моральный шок в обстановке уличных протестов служил для пополнения эмоциональной энергии, даже в толпе сотен тысяч, где

не было лидера. Например, люди печатали фотографии погибших или раненых участников более ранних протестов и несли их над головой во время маршей. Так как большинство протестующих не были пользователями Интернета, они не слышали об этих жертвах. Другие люди потом использовали мобильные телефоны и камеры, чтобы сфотографировать напечатанные фотографии и показать их родственникам и коллегам, не посещавшим митинги. Люди снимали фотографии фотографий, толпы, себя самих в толпе и других фотографирующих людей. Это был высокоэмоциональный ритуал взаимодействия, который оформлялся в участниках и убеждал их убеждать других присоединиться¹⁴.

Люди пытались всевозможными способами донести до окружающих свою позицию. К протестам присоединялись представители иранской диаспоры за границей и жители Запада, что также эмоционально подпитывало протестующих внутри Ирана.

На сороковой день после смерти Неды Солтани, Сохраба Араби и других иранцев, убитых выстрелами, произведенными на улицах Тегерана, вновь созданный комитет «Скорбящих матерей» Ирана собрался у могилы Неды, скандируя: «Нируе ентезами, сохраб барадарет ку? Неда хохарет ку? Недае ма наморде, ин джомхури аст ке морде» (Силы безопасности, где Сохраб, твой брат? Где Неда, твоя сестра? Наша Неда («неда» означает «голос») не умерла, умерла республика)¹⁵.

Иранское государственное телевидение каждый день озвучивало новые версии убийства Неды, одна из которых заключалась в том, что это был заговор, осуществленный британскими журналистами, пытавшимися сделать «Бархатную революцию» с помощью предателей, таких как Араш Хеджази, иранский врач, который тщетно пытался спасти жизнь Неды. Помимо этого, сторонники жесткого курса провели демонстрацию перед британским посольством, требуя экстрадиции Хеджази в Иран.

Еще один слоган, направленный прямо в президента Махмуда Ахмадинежада, звучал так: «Ахмади хастейе, боро бегах хастейей!» (Атомный Ахмади, иди спать, ты устал!). Он был связан с заявлением Махмуда Ахмадинежада, который заявлял, что сможет объединить иранцев в их стремлении получить ядерную энергию¹⁶.

Часто протестующие выкрикивали лозунги «Марг бар диктатор (Смерть диктатору!)»¹⁷ и даже «Марг бар хаменеи» (Смерть Хаменеи! [Али Хаменеи – верховный лидер Ирана, в руках которого находится вся полнота власти])¹⁸.

Демонстранты показали свою ярость в отношении Китая и России, которые, как им казалось, поддержали президентство Ахма-

динежада. На протяжении второй половины 2009 г. протестующие часто выкрикивали лозунги против правительств этих двух стран за то, что они признали правление Ахмадинежада¹⁹. Например, 18 сентября по Тегерану шла толпа, ведущий выкрикивал фразу «Смерть Путину!», а люди отвечали «Смерть России!»²⁰.

7 декабря 2009 г., в иранский Национальный день студента, учащиеся университетов шли в колоннах и выкрикивали лозунги против добровольческой милиции «Басидж», которая пытались их разогнать с особой жестокостью. Некоторые из их слоганов были направлены непосредственно на Басидж: «Басидж фашисте, пуль мигире миисте» (Басидж – фашисты, они получают деньги и воюют), «Пуль нафт чишоде? Хардже Басидж шоде» (Где деньги за нефть? Они были истрачены на Басидж)²¹.

В целом демонстрации в 2009 г. в Иране создали революционную атмосферу с помощью использования знаков и символов, а также традицию скандирования слоганов на улицах. Слоганы были сравнимы с теми, что скандировали в ходе революции 1979 г., некоторые повторялись (например, «Аллах Акбар» [Господь велик]), некоторые были модифицированы, чтобы отразить невыполненные обещания революции (например, «Азади, эстекляль, Джомхури Ирани» [Свобода, Независимость, Иранская Республика]), а некоторые были новыми (например: Где мой голос?).

С момента Исламской революции 1978–1979 гг. организованные государством демонстрации и слоганы стали центральным явлением в легитимации иранской политической системы. Любая попытка бросить вызов власти государства посредством демонстраций и слоганов, скандируемых людьми на улицах, являлась угрозой ценностям исламского государства и его главным идеологическим принципам. В результате создания «Зеленого движения» в среде части населения Ирана оформилась альтернативная политическая культура (ее развитие можно было наблюдать еще с середины 1990-х годов), которая воплощает в себе огромный пласт образов, символов и слоганов. Все это возникло в противовес традиционной политической культуре Ирана, сформированной в результате Исламской революции 1978–1979 гг. Данное обстоятельство может сыграть свою роль в социально-политических процессах, которые ждут Иран в будущем.

Примечания

¹ См.: *Gheytanchi E.* The sounds from the street: “Shoar” in Iran // Iranian.com [Электронный ресурс]. URL: <http://iranian.com/main/2009/sep/sounds-street.html> (дата обращения: 29.08.2014).

- ² См.: *Mottahedeh N.* Allah-O-Akhbar // Flüchtlingshilfe Iran e.V. [Электронный ресурс]. 2010: Humans of Tehran. URL: <https://fluechtlingshilfeiranev2010.wordpress.com/2012/05/18/allah-o-akhbar/#more-8499> (дата обращения: 29.08.2014).
- ³ См.: Poem for the Rooftops of Iran: Listen Closely – June 20 2009 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=JAXW-73qu1o&feature=related> (дата обращения: 29.08.2014).
- ⁴ См.: *Gheytnchi E.* Symbols, signs, and slogans of the demonstrations in Iran // Media, power, and politics in the digital age: The 2009 presidential election uprising in Iran. Lanham, 2010. P. 256.
- ⁵ См.: Basiji has no more effect, Tehran Uni, Dec 8 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=RhZYqi8C5uw&NR=1> (дата обращения: 29.08.2014).
- ⁶ См.: *Коротаев А.В., Зинкина Ю.В.* Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ (Азия и Африка сегодня. 2011. № 6) // Клиодинамика [Электронный ресурс]. URL: http://cliodynamics.ru/download/Korotaev_Zinkina_Egipet_PART_1.pdf (дата обращения: 29.08.2014).
- ⁷ См.: *Gheytnchi E.* Symbols, signs, and slogans of the demonstrations in Iran. P. 257.
- ⁸ См.: Hamed Nikray “The owner of this land” (Maalek-e Een Khaak) // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=HqONCJoADtQ> (дата обращения: 29.08.2014).
- ⁹ См.: [Не беспокойтесь! Видео, посвященное иранскому Зеленому движению] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=rGx-XMR7Yow&feature=player_embedded# (дата обращения: 29.08.2014) [На перс. яз.].
- ¹⁰ См., например: Adnan Five – parvaze royaii (song for Neda and others in Iran) // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OyTLrjSC97s> (дата обращения: 29.08.2014).
- ¹¹ См.: IRAN: Basij shoots to Death a Girl in Tehran // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Yi21hNoEkaE> (дата обращения: 29.08.2014).
- ¹² См.: RIP Neda Soltani, Neda! Don't Be Scared, Neda! Stay! Neda! Don't Go! // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vig3qxFuKnY> (дата обращения: 29.08.2014).
- ¹³ См.: *Jasper J.* The emotions of protest: affective and reactive emotions in and around social movements // Sociological Forum. 1998. № 13 (3). P. 409.
- ¹⁴ См.: *Harris K.* The brokered exuberance of the middle class: an ethnographic analysis of Iran's 2009 Green Movement // Mobilization: An International Quarterly. 2012. Vol. 17. № 4. December. P. 441.
- ¹⁵ См.: *Gheytnchi E.* The sounds from the street... [Электронный ресурс].
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ См.: Tazahorat Tehran – Marg bar dictator // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FuyjTTwRjUY> (дата обращения: 29.08.2014).

- ¹⁸ См.: Marg Bar Khamenei // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7UhPG-Z0x0E> (дата обращения: 29.08.2014).
- ¹⁹ См.: Iran 4 Nov 09 death to russia protest P8 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9QAnQKtbWZQ> (дата обращения: 29.08.2014).
- ²⁰ См.: Death to Russia instead of Israel – Iran Tehran 18 Sep 2009 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z15fmhI8Cr8> (дата обращения: 29.08.2014).
- ²¹ См.: *Gheytanchi E.* Symbols, signs, and slogans of the demonstrations in Iran. P. 259.

Практики исследования общественно-политических процессов

В.А. Масич

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В статье предпринят опыт анализа публикаций российских экспертов по проблематике науки и образования как инструментов «мягкой силы». В рассмотренных материалах выявлены неточности в интерпретации оригинальной концепции Дж. Ная, а также необоснованные допущения в оценке потенциала инструментов «мягкой силы». Особое внимание обращается на значение таргетирования аудитории и идеологического наполнения программ обучения иностранных студентов для «мягкой силы» принимающей стороны.

Ключевые слова: «мягкая сила», международные отношения, политика, Джозеф Най, образование, общественная дипломатия.

В 1990 г. в работе «Обязанные лидировать: Изменяющаяся природа американской власти» (“Bound to Lead: The Changing Nature of American Power”) профессор Гарвардского университета Джозеф Сэмюэл Най-младший (Joseph Samuel Nye, Jr.) впервые предложил формулировку понятия «мягкой силы» – словосочетания, которое сегодня активно употребляется в научных и политических кругах по всему миру. С этого момента американский политолог в своих работах последовательно развивал концепцию «мягкой силы». Наиболее полное, по мнению самого автора, определение «мягкой силы» приводится в вышедшей в 2011 г. работе «Будущее власти» (англ. “The Future of Power”), где под этим термином понимается способность влиять на других с помощью коопитивных (т. е. вовлекающих) средств формирования повестки (т. е. перечня приоритетных вопросов в области международных отношений, требующих внимания и решения), убеждения и оказания положительного привлекательного воздействия для достижения

желаемых результатов¹. И хотя с 1990 г. были разработаны многие существенные для понимания элементы концепции, тематике собственно инструментария «мягкой силы» и практического ее применения в трудах американского ученого уделено сравнительно мало внимания, что, в свою очередь, обусловило возможности для неточной интерпретации и широкой полемики по данной теме.

Одной из тем общей инструментальной проблематики в концепции «мягкой силы» является проблема использования науки и образования в качестве средств реализации внешнеполитических интересов стран и их государств². В последнее время она неоднократно становилась объектом рассмотрения у российских политологов. Свою исследовательскую проблему мы видим в том, чтобы, основываясь на оригинальной концепции Дж. Найа, рассмотреть публикации российских экспертов по данной теме и определить российскую специфику в данной области.

В 2012 г. была опубликована статья заведующей сектором экономики науки и инновационных процессов ИМЭМО РАН И.Г. Дежиной «Российская наука как фактор “мягкого влияния”»³. Автор приводит и анализирует факторы, по ее мнению, способствующие и не способствующие превращению российской науки в инструмент «мягкой силы», и в итоге приходит к выводу о том, что российская наука представляет собой негибкую неинтернационализированную систему, слабо представленную в мире и нуждающуюся в глубоких внутренних изменениях для того, чтобы стать фактором привлекательности страны, а значит, по логике автора, и инструментом «мягкого влияния» в международных отношениях. При этом И.Г. Дежина полагает, что Дж. Най не включает науку в ресурсную базу «мягкой силы», ограничившись культурой, политическими ценностями и внешней политикой. Однако это не совсем точно. В действительности логика концепции предполагает включение сферы науки и образования в категорию культуры и, соответственно, в ресурсную базу «мягкой силы». Другая характерная проблема заключается в том, что из текста статьи не вполне ясно, каким образом сильная наука на практике приводит к увеличению «мягкой силы» страны – по умолчанию считается, что такая привлекательность приводит к постоянному притоку кадров, что, в свою очередь, усиливает не только саму науку (в примере автора – американскую), но и экономику, и, соответственно, внешнеполитический потенциал страны. Однако же, следуя теории, на которую опирается Дж. Най, можно заметить, что увеличение ресурса не обязательно приводит к его полноценной конвертации в конкретную силу, в данном случае «мягкую»⁴. Основы этого видения были сформулированы Дж. Наем и его коллегой из

Принстонского университета Р.О. Коохейном еще в 1977 г. в работе «Сила и взаимозависимость» (“Power and Interdependence”)⁵.

В 2012 г. была опубликована и статья ректора МГИМО А.В. Торкунова «Образование как инструмент “мягкой силы” во внешней политике России»⁶. Для автора стратегия «мягкой силы» предполагает в первую очередь развитие следующих видов деятельности, рассматриваемых как инструменты позиционирования страны на международной арене: экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей. А.В. Торкунов демонстрирует уверенность в том, что предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» государства, поскольку иностранные студенты, прошедшие обучение в стране, возвращаясь на родину, как правило, как указывает автор, становятся эффективными проводниками языка и культуры той страны, где учились⁷. Однако это утверждение, как и вопрос о том, насколько эффективна такая образовательная деятельность может быть с точки зрения обеспечения внешнеполитических интересов какого-либо актора, и в том числе России – вопрос дискуссионный, который мы считаем необходимым определенным образом здесь обсудить.

Сам Дж. Най придерживается мнения, согласно которому предоставление образования иностранцам действительно может положительно повлиять на «мягкую силу» государства, предоставляющего образовательные услуги (в нашей терминологии «государства *alma mater*»), в родных странах студентов в случае, если они возвращаются в них после обучения⁸. Этому же вопросу еще в 2011 г. коснулся бывший посол США в ООН Кен Эдельман (Ken Adelman), в статье которого, вышедшей под названием «Не такая уж и умная сила» (“Not-So-Smart Power”) в журнале “Foreign Policy”, представлено иное отношение к затронутой теме⁹. Он привел пример выпускника подобной образовательной программы для иностранцев в США. Этот выпускник стал впоследствии одним из ведущих теоретиков радикального исламизма. Его имя – Саид Кутб (Sayyid Qutb).

В своей статье «Урок ненависти» (“A Lesson In Hate”), опубликованной в Смитсоновском журнале в 2006 г., американский писатель и журналист Дэвид фон Дрель (David Von Drehle) предпринял попытку осмыслить истоки ненависти, питаемой исламистами к США через случай С. Кутба, приехавшего в 1949 г. учиться в эту страну¹⁰. Город, в котором учился С. Кутб, по мнению автора, имел на тот момент консервативную репутацию, но будущий идеолог «Братьев-мусульман» увидел в нем настоящие «сексуальные джунгли», полные разврата и примитивных желаний. Автор в ито-

ге приходит к выводу о том, что никаких разумных оснований для фанатика в его ненависти нет, а основной претензией С. Кутба к США была широта возможностей, предоставляемых страной, которые вели, по его мнению, к духовной деградации. Иными словами причиной ненависти в основе своей, стало ровно то, что, как считается, должно привлекать.

Пример С. Кутба в такой интерпретации примечателен тем, что он позволяет нам увидеть, какое отношение может вызвать успешная в материальном и культурном плане страна (по многим из формальных критериев) у образованного представителя иной культуры, чье мнение может быть поддержано и популяризировано. Закономерно возникает вопрос, является ли пример Саида Кутба единичным? С уверенностью можно сказать, что не является. К. Эдельман в той же статье приводит примеры и других иностранных выпускников учебных заведений, в своей последующей деятельности отнюдь не ставших эффективными проводниками языка и культуры той страны, где они учились, например будущего президента Ганы и социалиста Кваме Нкрума (Kwame Nkrumah) (обучавшегося в США) и лидера исполнителей терактов 11 сентября Мухаммада Атта (Mohamed Atta) (обучавшегося в Германии).

И А.В. Торкунов, и М.М. Лебедева с Ж. Фор, на работу которых первый ссылается, по умолчанию предполагают, что будущие выпускники российских вузов, во-первых, вернутся домой, во-вторых, на родине станут агентами влияния российской «мягкой силы». В действительности же никаких гарантий того, что это произойдет, нет.

В нашем представлении результаты влияния образовательной деятельности в отношении иностранцев на «мягкую силу» государства всегда будут зависеть от внимания и соответствующей политики принимающей стороны по отношению к следующим вопросам:

1. Кто приехал в страну за образованием?
2. По каким критериям было выбрано государство?
3. По каким критериям был выбран вуз?
4. Каков был процесс обучения?
5. Каковы были результаты обучения?
6. Какова будет среда, в которую попадет иностранный выпускник после окончания образовательного процесса в стране?

Иными словами, должны соблюдаться определенные условия допуска к образованию, которые позволят работать не со всеми желающими представителями многогранного общества иной страны, но с конкретной, отвечающей определенным требованиям и целям принимающей стороны целевой аудиторией, что, во-первых сэко-

номит ресурсы, а во-вторых, даст первые весомые основания полагать, что вложенные средства были потрачены не зря для «мягкой силы» государства. В противном случае непонятно, какие основания у нас есть для предположения о том, что иностранным студентам будет импонировать то, что они увидят в стране *alma mater* и нет никакой гарантии, что, вернувшись домой, они проявят себя положительным для страны образом или не обратят полученные знания против своих учителей. Такая политика таргетирования имела место в Советском Союзе, в современной же России этим аспектам уделяется незаслуженно мало внимания, в том числе в экспертных работах, посвященных «мягкой силе». Впрочем, как показывает в своей работе «Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы “холодной войны”» доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ Н.А. Цветкова, в период 1950–1980-х гг. проблемы с таргетированием были и у советской международной образовательной политики, которая, в сравнении с американской политикой в данной области, была гораздо менее систематичной и гибкой и в конечном итоге менее эффективной¹¹. Вывод Н.А. Цветковой заключается в том, что советская международная образовательная политика, упорно не учитывавшая так называемого «эффекта влияния социального происхождения» и предполагавшая, таким образом, неэффективное таргетирование, в конце концов оказалась менее эффективной в долгосрочной перспективе, нежели американская. Если выпускники американских образовательных программ уже имели прочные связи и занимали лидирующие позиции в обществе, позволявшие им сразу оказывать влияние на ситуацию в своих странах, то большинству выпускников советских образовательных программ только предстояло (если вообще предстояло) освоиться в собственных обществах и начать борьбу за свое положение в них, часто в расчете на ресурсоемкую поддержку самого СССР. С нашей точки зрения – это опыт, который не может игнорироваться и оправдывает повышенное внимание к таргетированию в международной образовательной деятельности.

Политика таргетирования проводится в США и сегодня, о чем в своей статье «“Мягкая мощь” обменных программ» рассказывает начальник отдела международных проектов и программ Поволжского государственного технологического университета и стипендиат программы Фулбрайта А.Е. Фоминых¹². Селективный характер этой политики проявляется в наличии конкурсного отбора получателей грантов и стипендий, позволяющего выделить наиболее перспективных представителей в тех или иных областях дея-

тельности или научного знания, причем внимание уделяется, как и раньше, не только профессиональным достижениям, но и личным и деловым качествам соискателей, уровню их гражданской активности и опыту общественной деятельности.

Другой аспект, требующий внимания – среда, в которую попадают иностранные выпускники после окончания российского вуза. Если получается так, что после обучения они остаются в стране – с большой долей вероятности можно утверждать, что на российской «мягкой силе» это не скажется никак, поскольку влияния на общество целевой страны изнутри они оказывать не смогут. Если же выпускники возвращаются после обучения в свою страну – следует учитывать, что они попадают в иную среду, к которой они вынуждены заново адаптироваться, и никаких гарантий того, что одним из побочных результатов этой адаптации станет лояльность к политике Российской Федерации и продвижение ее интересов на местах не существует. Максимум, на что стоит рассчитывать в этих условиях – целенаправленная политика на продолжение работы с выпускниками, которую, например, ведут США и о которой в своей статье говорит А.Е. Фоминых. Она предполагает создание сетевых сообществ, исследовательских центров и групп (think tanks), а также финансовое обеспечение грантов. Ситуация может упроститься, если целевой аудиторией образовательных программ станут специалисты, уже занимающие лидерские позиции в своих областях, либо активно претендующие на это представители молодежи.

Наконец, существует еще один аспект, которому, как нам представляется, в дискуссии о российском образовании и «мягкой силе» уделяется недостаточно внимания. А.Е. Фоминых указывает, что американский опыт демонстрирует, что международные обменные программы для «мягкой» тактики реализации внешнеполитических интересов оказываются наиболее подходящим инструментом, а сам механизм реализации обменных программ как политическая технология, будучи сформированным, в настоящий момент доступен для анализа и, что важно, заимствования Россией. Однако автор в то же время неоднократно говорит об одном из неотъемлемых качеств эффективных образовательных программ для иностранцев в США – их идеологическом наполнении. В этой связи возникает вопрос – какое идеологическое наполнение обменных программ может обеспечить Россия, где идеологические дискуссии до сих пор носят напряженно острый характер, и пункт 2 статьи 13 главы 1 Конституции гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹³. Иными словами, какой идеологический компонент может внести

в свои образовательные программы государство, основной закон которого запрещает установление идеологии на государственном, обязательном уровне? Единственный ответ в этих условиях – при соблюдении Конституции и законности – никакой. Отсутствие же такой идеологии делает обменные программы неполноценными, затрудняет таргетирование и селекцию аудитории и в конечном итоге не позволяет государственным акторам осуществлять полноценную работу по развитию «мягкой силы» страны в этой области.

На значимость идеологии для эффективной внешнеполитической деятельности по линии «мягкой силы» США и необходимость оформления подобной идеологической работы в России указывает и директор Института стратегических исследований и прогнозов РУДН Г.Ю. Филимонов в своей монографии «“Мягкая сила” культурной дипломатии США». В заключительной части своей работы автор констатирует, что идеология была и остается неотъемлемым компонентом внешней культурной политики США, причем компонентом, пронизывающим американскую культурную политику почти во всех ее проявлениях¹⁴. В своей работе автор приходит к выводу о том, что политическое, социально-экономическое укрепление российской государственности может быть достигнуто через естественную, добровольную и «мягкую» консолидацию многочисленных братских народов вокруг стержневой русской культуры как системообразующего компонента этнокультурной карты современной России и ключевого элемента российской культурной идентичности. Однако, какова этнокультурная специфика отдельных народов России, каковы психологические, политические, экономические, культурные, морально-нравственные, религиозные и прочие особенности, потребности и устои русского народа, в чем заключается российская культурная идентичность и какое значение все эти факторы могут иметь для «мягкой силы» страны, автор не раскрывает, и, соответственно, вопросы – насколько реально в действительности осуществлять предлагаемое им и, что важно, какие конкретные проблемы могут возникнуть на этом пути – остаются без ответа. Остается без ответа и ключевой вопрос – кто конкретно должен формулировать и вводить в действие такую стратегию? Очевидно, что государство в одиночку обеспечить решение этих вопросов не в состоянии, так как во многом это прерогатива общества, выступающего носителем культуры и производителем эффектов привлекательности – столь важной категории в контексте «мягкой силы». Как показывает опыт США, подробно рассмотренный Г.Ю. Филимоновым, общество способно решать задачи по обеспечению привлекательности своей страны за рубежом через

распространение своей культуры, причем с конкретной материальной выгодой для себя. И для этого вовсе не обязательно вносить изменения в основной закон страны. Вопрос состоит лишь в том, сложились ли в России условия для успехов в этой деятельности.

Рассмотрев вышеуказанные работы российских экспертов, посвященные проблематике использования науки и образования как инструментов «мягкой силы», мы можем сделать следующие выводы.

1. Для российских публикаций по означенной проблематике до сих пор характерен подход, основания которого подвергнуты Дж. Наем и Р. Кеохейном критике в вышедшей еще в 1977 г. работе «Сила и взаимозависимость» (“Power and Interdependence”): внимание обращается на увеличение ресурсов, но не на увеличение собственно способности оказывать влияние на того или иного актора. В действительности наличие ресурсов является только первым шагом к достижению конкретных внешнеполитических целей. Второй шаг – использование и перевод ресурсов в конкретные результаты и силу.

2. Для российских публикаций по означенной проблематике также характерно допущение, что прошедшие обучение в российских вузах иностранные студенты по возвращении в свои страны будут там автоматически лояльны к России, ее обществу и политике ее государства. В действительности никаких оснований для подобного утверждения нет.

3. Достижение лояльности иностранных выпускников российских вузов, при которой только и возможен расчет на их значимость для обеспечения внешнеполитических интересов страны и государства, является многосоставной проблемой, предполагающей осуществление гибкой политики таргетирования для отбора целевой аудитории в каждой конкретной стране для обучения и обеспечение послеобразовательного контакта и взаимодействия между государством *alma mater* и выпускниками.

4. Идеологический фактор значим в образовательной деятельности, выступающей в качестве инструмента «мягкой силы». При этом государственные структуры из-за необходимости соблюдения пункта 2 статьи 13 Главы 1 Конституции РФ не имеют возможности законно обеспечить действие этого фактора. Правоммерно это могут делать, таким образом, лишь общественные организации.

Примечания

¹ См.: *Nye J. S. The Future of Power*: N. Y.: PublicAffairs, 2011. P. 20–21.

² Речь идет об акторах, представляющих группы интересов из страны и ее государственного аппарата. Подробнее см.: *Keohane R.O., Nye J.S. Transnational*

- Relations and World Politics: An Introduction (International Organization. 1971. Vol. 25. № 3). P. 330 [Электронный ресурс] / Universidad Complutense de Madrid. URL: http://www.ucm.es/info/sdrelint/ficheros_materiales/materiales016.pdf (дата обращения: 10.04.2015).
- ³ *Дежина И.Г.* Российская наука как фактор «мягкого влияния» [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=495#top (дата обращения: 10.04.2015).
- ⁴ *Nye J.S.* Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1991. P. 198–201.
- ⁵ *Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence. 2nd ed. N. Y.: HarperCollins Publishers, 1989. P. 224–225.
- ⁶ *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России (Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–93) [Электронный ресурс] / МГИМО(У). Электронная библиотека. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCFAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44> (дата обращения: 10.04.2015).
- ⁷ В этом положении А.В. Торкунов ссылается на вышедшую в 2009 г. статью М.М. Лебедевой и Ж. Фор «Высшее образование как потенциал “мягкой силы” России» (*Лебедева М.М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № (6) 9. С. 201).
- ⁸ См.: *Nye J.S.* Soft power: The means to success in world politics. N. Y.: PublicAffairs, 2004. P. 44–46.
- ⁹ См.: *Adelman K.* Not-So-Smart Power // Foreign Policy [Электронный ресурс]. 2011. April 18. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/04/18/not_so_smart_power (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹⁰ См.: *Von Drehle D.* A Lesson In Hate // Smithsonian Magazine [Электронный ресурс]. 2006. February. URL: <http://www.smithsonianmag.com/history/a-lesson-in-hate-109822568/?all&no-ist> (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹¹ См.: *Цветкова Н.А.* Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны»: 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сб. статей / Под ред. А.О. Чубарьяна, Б.А. Рубля. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378–394.
- ¹² См.: *Фоминых А.* «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы: Цикл расхождений в мировой системе [Электронный ресурс]. 2008. Т. 6. № 1 (16). Январь – апрель. С. 76–85. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm> (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹³ Конституция Российской Федерации // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹⁴ См.: *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. С. 188.

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ 1917 Г. В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В статье предпринята попытка проанализировать основные аспекты восприятия Февраля и Октября 1917 г. в пространстве политической истории. Представители русского зарубежья смоделировали разные подходы к пониманию двух узловых событий 1917 г. Исторический дискурс, сформировавшийся в эмигрантской среде, включал в себя базовые политологические компоненты: партия, доктрина, политические институты, вожди и др., которые в работах исследователей с различными политическими взглядами приобретали различную конфигурацию.

Ключевые слова: Февраль, Октябрь, политическая история, революционный процесс, русская эмиграция, 1917 г.

Февраль и Октябрь 1917 г. – политические события, несущие в себе качественное своеобразие русской цивилизации. Эти два самых ярких события, ввиду их сложности и многообразия, были в центре внимания всех представителей русского зарубежья, независимо от их политических убеждений, которые воспринимали и соотносили между собой по-разному.

В концепции монархиста Н.А. Павлова, в феврале 1917 г. произошла революция, если понимать под ней не грандиозное событие, а обычный «захват власти». Соотнося «Февраль» и «Октябрь», автор приходит к выводу, что «никаких двух революций» в стране «не было», а была только одна – Февральская: «Родзянки, Гучковы и иные ее начнут – а Ленины, Троцкие, Свердловы и Юровские ее продолжат. Одни свергнут, арестуют, осудят; другие – убьют. Палачи – все»¹.

Для монархиста И.П. Якобия было очевидно, что Февральская революция явилась захватом власти. Исходя из задач переворота, автор утверждает, что революция, разразившаяся во время Первой

мировой войны в России, преследовала две цели: «Выбить Россию из числа воюющих государств и уничтожить ее как национальную державу»². Первую часть работы активно выполняло Временное правительство, в то время как за исполнение второй задачи взялись большевики. По этой причине И.П. Якобий хоть и разделял революционный процесс 1917 г. на два этапа, но между ними не видел «никакой принципиальной разницы, они следуют совершенно логически один за другим, и не даром столько деятелей Февральской революции легко и естественно перешли к большевикам»³.

Проблема Февраля 1917 г. была кратко рассмотрена В.А. Мякотинным. Согласно его мнению, при подготовке Февраля 1917 г. «многим и многим» казалось, что они устраивали переворот, который будет только «простым переходом к иным, более совершенным политическим и социальным формам, лишь началом новой, более светлой, свободной и культурной жизни»⁴. Однако, вопреки ожиданиям, Февраль 1917 г. оказался не переворотом, а революцией, приведшей страну к «жестокой и длительной разрухе... которой до сих пор не видно конца...»⁵.

Своеобразный взгляд на проблему содержания двух основных событий революционного процесса был представлен И.Л. Солоневичем. По мысли автора, в феврале 1917 г. произошел дворцовый переворот, явившийся результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории⁶. Этот «дворцовый заговор» начался в конце февраля с «бабьего хлебного бунта». Революция же, выросшая из заговора, разразилась позже, «в марте, апреле и т. д. ...двинулась вперед по путям углубления, с исключительной степенью точности повторяя ход Французской революции»⁷. В скором времени появился «законный наследник» Февраля – Октябрь, который явил собой «самый классический пример самой законченной революции в человеческой истории»⁸, так как «из всех революций», миру известных, «большевицкая охватила наибольшее пространство, продержалась дольше всех и зашла дальше всех, углубилась до самого дна»⁹, быстро сужая социальную базу.

В кадетской среде был свой взгляд на проблему соотношения Февраля и Октября, наиболее подробно сформулированный ее лидером. По мнению П.Н. Милюкова, Февраль 1917 г. являл собой плод порыва всей нации и всех политических групп – включая и консервативные – к освобождению от устаревшей политической формы, мешавшей объединить все силы нации в общем усилии самозащиты от внешнего врага¹⁰. Поэтому русская революция, осуществленная в феврале 1917 г., была «бескровной», «разумной» и

«национальной». В свою очередь, Октябрь был интернациональным по характеру; он, став «сигналом» к длительной гражданской войне, разъединил нацию¹¹.

Различие между Февралем и Октябрем проводилось лидером партии кадетов и по целям, выдвинутым в них. Так, при постановке целей Февраля исходили из национальной задачи – спасти страну от поражения, в то время как цель Октября была явно утопической и недостижимой: «коммунизм в России и во всем мире». Кроме того, при сопоставлении Февраля и Октября 1917 г. Милюков отталкивается от мысли, согласно которой революционная стихия останавливается только тогда, когда окончательно уничтожит «все учреждения», все пережитки старой психологии, «не имеющие связи с прошлым» и не допускающие любые попытки «реставрации». Исходя из этого тезиса, Октябрь «не есть что-то новое и законченное», а является одним из этапов революционного процесса. Таким образом, Октябрьская революция «лишь продлила» общий вектор русской революции, непрерывно преобразующий Россию¹².

От позиции Милюкова отличался взгляд П.Я. Рысса. В изложении последнего Февраль 1917 г., вошедший в отечественную историю под названием революции, был переворотом, который начался с выступления женщин «из-за уменьшенного рациона хлеба» и закончился солдатским бунтом. Поэтому «в конце февраля – в начале марта» в стране не было революции; она явилась позднее, «когда стали перестраиваться политические и социальные отношения, когда на смену разрушенному начали производить попытки создания нового порядка вещей»¹³. Но и переворот, осуществленный в конце февраля, был по своему характеру не революцией, а грандиозным солдатским бунтом.

В общем ходе революционного процесса Октябрь 1917 г. стал обычным переворотом, устроенным большевиками. По мысли П.Я. Рысса, этот переворот с радостью был встречен всеми, кто ждал от него материальных для себя выгод, кто, устав от слов, ждал дел, кто хотел наконец установления нового порядка вещей, узаконенная какой-нибудь властью¹⁴. Так, «начатая с энтузиазмом» русская революция в октябре погибла «в трусости и бесславии», вследствие чего с октября открывается новый этап революционного процесса.

Практически не отличалась от предыдущего мнения позиция С.П. Мельгунова. В концепции историка Февраль 1917 г. начался с уличных беспорядков, постепенно переросших в военный бунт, а затем и в революцию. Историк полагал, что в феврале – марте 1917 г. в социально-политическом плане происходило «нечто», «го-

раздо более сложное», чем просто бунт. Это «нечто» можно определить как «революцию», поэтому она потребовала другой тактики и других методов управления страной. С этой точки зрения, в октябре произошло восстание большевиков, захвативших власть. Поэтому «Октябрь», по мнению Мельгунова, никак нельзя считать «реализацией “Февраля”», так как Октябрь был не революцией, а большевистской авантюрой.

Проблема соотношения Февраля и Октября была в центре внимания и более левых авторов. Так, по мнению М.В. Вишняка, Февраль 1917 г. явил собой рефлекторный ответ народа страны на требования военного времени. С этих позиций Февральскую революцию осуществляла нация, в то время как «Октябрь опирался по преимуществу на “шкурнические” инстинкты, исходил не из сплочения, а из разделения, из партийной и классовой диктатуры и гражданской войны, а не из гражданского мира и народоуправства, из идеи не национальной, а мировой революции, делавшей из России простой “плацдарм” и “детонатор” европейских революций...»¹⁵. Поэтому, Октябрь 1917 г. был революцией, но «штабной» по характеру, целям и движущим силам, а не подлинной (национальной), каким был только Февраль.

Февральская революция подвела черту под «роковым противопоставлением власти и народа», так как в тот короткий миг власть и народ стали единым целым: «народ стал властным, власть стала народной»¹⁶. «Новая власть», рожденная Февралем, была «бессильной и непрочной» «в руках народа-победителя». Тем не менее в Феврале 1917 г. нация была творцом, но это «творчество» оказалось недолгим. При большевиках, так же как и при самодержавии, народ «был творим». В этом и заключалась основная разница между Февралем и Октябрем¹⁷.

Развернутая характеристика событий февраля и октября в русском зарубежье была дана А.Ф. Керенским. По мнению автора, исторический смысл Февраля 1917 г. заключался в том, что он не только был актом политического раскрепощения страны, но и являл собой социальную революцию, которая отдала первенство в государстве трудовым классам. Февраль, разрушая прежнюю социальную структуру и старую государственность, был пронизан «волею к свободе», поэтому революция дала народу не только волю, но и землю.

Тем не менее «после великих взлетов», реализовавшихся в Феврале, «бывают и великие падения», каким явился Октябрь, который сумел отнять у народа дарованную февральской революцией свободу, а позднее «экспроприировал у крестьянства землю,

ограбил его и создал новое, чиновничье крепостное право»¹⁸. Ленин, захватив власть в стране, сразу же «приступил к вооруженному грабежу, в порядке продотрядов, деревни и довел Россию до голода с людоедством...»¹⁹. Рассматривая Россию как трамплин «для прыжка в жуткую неизвестность мировой социальной революции», вождь партии большевиков повел свой Октябрь. Таким образом, А.Ф. Керенский делает вывод, что Октябрь явился не началом новой эпохи, каким был Февраль, а только этапом в развитии революционного процесса, который еще не закончен, ибо не осуществлен еще «февраль заданный»²⁰.

Свой взгляд на проблему соотношения Февраля и Октября 1917 г. был высказан в среде социалистов-революционеров. По мнению В. Чернова, Октябрьской революции в России не было, а был лишь октябрьский переворот, явившийся подлинной контрреволюцией. Этот тезис автор подкреплял рядом примеров. Так, в аграрном вопросе перед Февральской революцией стояла определенная задача: «заменить помещичье хозяйство трудовым на началах, способствующих повышению производительности земли, росту национального богатства»²¹. С самого начала Февраля крестьянин «принялся выкуривать помещика из деревни», постепенно «расширяя свои права» на землю, а роль земельных комитетов сводилась к безболезненной замене «барина» «мужиком». В этой связи октябрьский переворот явился «срывом земельной реформы», так как «был шагом назад от продуманной социализации земли к примитивному черному переделу»²². Кроме того, Октябрь разжигал стихию и усиливал разруху в отличие от Февраля, открывшего дорогу творческим силам страны. Таким образом, делает вывод Чернов, большевизм, воплотившийся в Октябре, был не прогрессом, а политическим и хозяйственным регрессом; не революционной, а контрреволюционной силой.

Проблема соотношения Февраля и Октября в общем ходе развития революционного процесса занимала умы анархистов. Так, по мнению В.М. Волина, Февраль 1917 г. – это была революция, уничтожившая в России самодержавие. Начавшись в феврале 1917 г., революция, быстро преодолев этапы буржуазно-политической революции – демократический и умеренно-социалистический, – переросла в октябре того же года в социальную²³. Однако Ленин, придя к власти, затормозил революционный процесс и не стал его углублять. Эта позиция исходила из понимания анархистами модели социальной революции. Согласно их убеждениям, в стихийный подъем, вызванный революцией, следует «внести организационный принцип», но такой, который должен был бы исходить из

общества «свободно», а главное, «снизу». Таким образом, организация не должна навязываться социуму из центра, а органично создаваться в самом обществе. Большевики же, сформировав «элиту», начали проводить в жизнь свои идеи, диктуя населению свою волю. Став диктаторами, партия большевиков установила свой жесткий контроль над обществом, тем самым исказив и остановив революционный процесс.

Подводя итоги, следует признать, что в зависимости от социально-политических воззрений авторов менялось отношение тех или иных представителей русского зарубежья к Февралю и Октябрю. Так, для монархистов было естественным отрицательное отношение к Февралю, в то время как кадеты, эсеры и трудовики приветствовали произошедшие события конца февраля – начала марта 1917 г. и осуждали Октябрь. Анархисты, принимая Февраль и Октябрь, вскоре разочаровались в последнем. Если брать за основу политические пристрастия авторов и с этих позиций рассматривать два главных события революционного процесса, то можно сделать вывод о том, что, чем «левее» был автор, тем позднее наступил у него момент отторжения политических событий 1917 г.

Анализ восприятия Февраля и Октября у представителей различных политических сил позволяет сделать выводы относительно ключевых проблем дискурса, а именно: неоднозначность хронологических рамок, проблема терминологии, оправданность революции и т. д. Общность подходов заключалась в том, что Февраль и Октябрь 1917 г. воспринимались в тройном измерении, что значительно расширило трактовку и понимание двух главных событий революционного процесса.

С одной стороны, события Февраля и Октября, с точки зрения событийного подхода, осознавались представителями русской эмиграции как обычный захват власти определенной группой людей: некоторые монархисты – Павлов, Якобий, Солоневич и др. – воспринимали Февраль именно так. В левой части русского зарубежья такой взгляд господствовал лишь по отношению к Октябрю. Например, Рысс, Мельгунов, Чернов и отчасти Вишняк не хотели признавать за событиями Октября 1917 г. характер революции, а относили их к разряду переворота, захвата власти. Более того, некоторые авторы, например С.С. Ольденбург, повествуя о Феврале в работе «Царствование императора Николая II»²⁴, и С.П. Мельгунов, рассматривая события Октября в труде «Как большевики захватили власть»²⁵, намеренно не классифицировали эти явления как революцию, а использовали для их характеристики понятия

«захват», «переворот», «восстание» и т. д. Если рассматривать Февраль и Октябрь с этой позиции, то здесь большую роль в революционном процессе играли политические партии и их вожди, подготавливавшие и осуществлявшие государственный переворот и захват власти как в феврале, так и в октябре 1917 г.

С другой стороны, Февраль и Октябрь 1917 г. воспринимались русским зарубежьем (независимо от их принадлежности к политическому течению) как реализация определенных программ и доктрин, воплотившихся в тактике управления страной и модели поведения руководителей революционного процесса. Подобного рода версии можно встретить в работах Рысса, Керенского, Чернова, Волина и др. Такой взгляд значительно расширил хронологические рамки исторических событий: Февраль «разомкнулся» до Октября, а то и вовсе поглотил последний (например, позиция Н.А. Павлова и В.А. Мякотина), в то время как Октябрь расширился до 20-х, а у некоторых и до 30-х годов XX столетия. В этом случае пальма первенства при описании революционного процесса была отдана деятельности представителей, входивших в различные политические институты власти, такие как Государственная дума, Временное правительство, Советы и др.

И, наконец, с третьей стороны, два главных события революционного процесса оценивались по конечному результату. Проведение соотношения по данному параметру было характерно практически для всех персон русской эмиграции, что способствовало размыванию границ между Февралем и Октябрем (показательным примером могут служить работы монархистов). На этом этапе особо подчеркивалась утопичность политических замыслов, которые нашли свое отражение и воплощение как в партийных программах и лозунгах, так и в активной деятельности основных участников, допустивших в стране две революции. Исходя из этого, авторы утверждали, что в стране действительно произошло качественно новое явление, которое было определено современниками как революция, не обязательно начавшаяся непосредственно в феврале 1917 г. и в октябре 1917 г. закончившаяся.

Таким образом, при конструировании и интерпретации двух крупных политических событий 1917 г. представители русской эмиграции в разной степени опирались на различные политологические компоненты: партии, политические институты, доктрины, вожди и т. д., доля которых в их работах различна. Этот факт зависел не столько от политических пристрастий авторов, сколько от способов восприятия исторических процессов русским зарубежьем.

- ¹ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Р.: Imprimerie D'Art Voltaire, 1927. С. 152.
- ² Якобий И.П. Император Николай II и революция. [Б. м.], 1938. С. 242–243.
- ³ Там же. С. 243.
- ⁴ Мякотин В.А. На распутье // На чужой стороне. Берлин, 1923. Сб. 1. С. 195.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Россия и революция. М.: ФонДИВ, 2007. С. 324.
- ⁷ Там же. С. 351.
- ⁸ Солоневич И.Л. Большевицкие ступеньки // Загадка и разгадка России. М.: ФонДИВ, 2008. С. 25.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Милуков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. 1: Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. Париж, 1927. С. 39.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 41.
- ¹³ Рыс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 55.
- ¹⁴ Там же. С. 154.
- ¹⁵ Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные записки, 1931. С. 258.
- ¹⁶ Там же. С. 246.
- ¹⁷ Там же. С. 248.
- ¹⁸ Керенский А.Ф. От Октября к Февралю: Доклад, прочитанный А.Ф. Керенским на вечере «Современных записок» 20 марта 1937 года // Новая Россия. 1937. № 24. С. 9.
- ¹⁹ Там же. С. 10.
- ²⁰ См.: Керенский А.Ф. Голос издалека: Двадцатая годовщина // Новая Россия. 1937. № 23. С. 2.
- ²¹ Чернов В. Революция или контрреволюция: К третьей годовщине октябрьского переворота // Революционная Россия. 1920. № 1. Прил. С. 4.
- ²² Там же.
- ²³ См.: Волин В.М. Неизвестная революция: 1917–1921 / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ Праксис, 2005. С. 105.
- ²⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991.
- ²⁵ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть // Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть: «Золотой немецкий ключ» к большевицкой революции. М.: Айрис-пресс, 2005.

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу интерпретаций российскими историками деятельности советской разведки накануне Великой Отечественной войны, а также реакции советского руководства на сигналы разведки о военных планах Германии. Особое внимание уделяется интерпретационным моделям исследователей, их аргументации.

Ключевые слова: советская разведка, дипломатия, Великая Отечественная война.

В статье анализируются существующие в российской историографии мнения в отношении данных, поставляемых советской разведкой накануне Великой Отечественной войны.

Дискуссия идет по следующим вопросам: удалось ли советской разведке вскрыть замыслы германского командования и определить сроки нападения Германии на Советский Союз? Насколько точны были данные советской разведки и могло ли военно-политическое руководство СССР сделать однозначные выводы в отношении того ожидать или нет наступления немцев в июне? Есть ли вина Сталина в том, что он не решился привести войска приграничных военных округов в состояние полной боевой готовности, имея на руках многочисленные свидетельства подготовки немцев к войне?

По версии М.И. Мельтюхова, Сталин на основе донесений разведки не мог сделать однозначный вывод в пользу того, что уже летом 1941 г. вермахт предпримет наступление на Советский Союз¹. К такому заключению исследователь приходит на основе анализа донесений таких известных разведчиков, как «Корсиканец», «Старшина», Р. Зорге и другие. Историк показывает, что их донесения постоянно противоречили друг другу, а те исследователи, которые

берутся доказать, что Сталин знал о приготовлениях Германии, просто вырывают нужные им свидетельства советских разведчиков из общего контекста, в результате чего и создается ложная картина обстановки того времени².

М.И. Мельтюхов утверждает, что источник в Берлине сообщил неверную информацию в Москву о том, что Гитлер 18 декабря 1940 г. отдал приказ о подготовке плана войны с СССР, в то время как он утвердил план «Барбаросса», и отдал приказ о разработке этого плана ещё в июле 1940 г. Из этого историк делает вывод: «советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось не известным, как и кодовое слово «Барбаросса»³. При этом он ссылается на статью А.Г. Павлова, в которой тот пишет, что советский агент барон фон Шелиа по кличке «Ариец» 29 декабря 1940 г. сообщил о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке войны против СССР⁴. В.Я. Сиполс поставил под сомнение тезис о том, что советская разведка точно вскрыла планы немецкого командования, в то время как советское правительство не предпринимало никаких адекватных мер. Историк пишет, что «Корсиканец» и «Старшина» не имели доступа к немецким документам, поэтому информация была не «из первых рук» и содержала много неточных сведений. Разведчики не сообщали точную дату нападения Германии на Советский Союз, вводили в заблуждение советское руководство информацией о том, что Германия не начнет военных действий против СССР, пока не покончит с Великобританией. Также «Старшина» и «Корсиканец» утверждали, что перед нападением на Советский Союз Германия выдвинет ультиматум, что тоже ставило советское правительство в выжидательную позицию⁵. Историк настаивает, что разведка не знала о блицкриге, она сообщала только, что Германии нужна Украина в качестве продовольственной базы⁶. Он ставит под сомнение и достоверность информации, согласно которой Р. Зорге в одном из своих сообщений указал точную дату нападения Германии на Советский Союз: «Фотокопии ни одной телеграммы Зорге, в которой он указывал де дату 22 июня, почему-то не опубликовано. Судить о том, насколько точной или неточной была поступавшая от Зорге информация о германских планах, можно будет только тогда, когда предадут гласности достаточно полную, причем не вызывающую сомнений, подборку его сообщений»⁷. Историк пишет, что существует фотокопия телеграммы Зорге от 15 июня 1941 г., в которой он сообщает, что военный атташе не знает: начнется война или нет. У исследователя возникают сомнения и по поводу сообщения

Зорге от 30 мая 1941 г., в котором тот передает, что нападение начнется во второй половине июня 1941 г. Сиполс сомневается, что подобная информация могла дойти до токийского посольства, «так как подобные сведения не передавались Гитлером вообще никому»⁸.

Напротив, А.Г. Павлов считает, что разведка сделала все от нее зависящее и итогом ее работы стал доклад Ф.И. Голикова, в котором тот сообщил о том, что нападения стоит ждать в период с 15 мая по 15 июня 1941 г. Но из-за боязни не угодить мнению вождя, что немцы войну не начнут, Голиков объявил те факты, которые назвал сам, дезинформацией. Таким образом, вина за провал 1941 г. лежит полностью на Сталине, который создал атмосферу страха в Разведуправлении⁹. Но есть и другие точки зрения.

Так, А.Г. Фесюн пишет, что Р. Зорге добывал очень важную информацию для Центра, например он имел доступ к документам допросов перебежчика Г.С. Люшкова¹⁰. Также Р. Зорге имел прямой выход на немецкого посла в Японии Э. Отта, который доверял ему конфиденциальную информацию. Например, 20 мая 1941 г. Зорге сообщал, что Отт на 95 % уверен, что начнется война между Германией и Советским Союзом и называл примерную дату начала боевых действий – вторая половина июня. 20 июня Зорге подтвердил, что война уже неизбежна¹¹. По мнению Фесюна, причины недоверия к донесениям Р. Зорге кроются не в том, что они были неточны, а в том, что их автор был связан с «врагами народа»¹².

В.Г. Кикнадзе утверждает, что несмотря на ряд недостатков в организации радиоразведки, ей удалось добыть как косвенные, так и прямые свидетельства подготовки Германии к войне против СССР¹³. Например, благодаря радиоперехвату Краснознаменного Балтийского флота удалось узнать о переброске немецких частей в Финляндию и Норвегию в 1940 г. Радиоразведка Северного флота установила в июне 1941 г., что германские ВВС прибывают на норвежские аэродромы. Также 21 июня удалось установить, что в Финский залив вошли немецкие подводные лодки. Радиоразведка Черноморского флота установила, что румынские военно-морские силы готовятся к войне, так как была зафиксирована смена шифра – точно такой же ход был предпринят румынами во время советско-румынского конфликта вокруг Бессарабии. Это позволяло с высокой точностью утверждать, что Румыния в ближайшее время начнет боевые действия¹⁴.

В.О. Владимиров полагает, что серьезных источников в Германии у СССР не было: «В апреле 1940 г. от источника “№ 106” поступило, например, сообщение о строительстве подводного флота, основанное на просмотре кинофильма»¹⁵. Таким образом, по линии

военно-морской разведки в Москву поступали неточные и в основном косвенные данные о подготовке немецкой агрессии.

Статья М. Уля и Б.Л. Хавкина опровергает то мнение, что советская разведка не имела крупных агентов в Германии. Она посвящена советскому агенту В. Леману, который работал в гестапо и имел эсэсовский чин унтерштурмфюрера, что соответствует общевоинскому званию лейтенанта. По роду своей деятельности он занимался защитой немецкой промышленности от иностранного шпионажа и таким образом имел доступ ко многим сверхсекретным документам Рейха. Например, в 1937 г. Леман передал советской стороне экземпляр доклада «Об организации национальной обороны Германии», имевшего гриф «Особой важности, только для высшего руководства»¹⁶. 19 июня 1941 г. Леман сообщил, что германское нападение на СССР начнется 22 июня 1941 г. в 3 часа утра. Советский полпред В.Г. Деканозов срочно передал эту информацию в Москву¹⁷.

Исследователи усматривают личную вину Сталина в том, что он не создал специальную аналитическую службу, которая должна была обрабатывать всю информацию, поступавшую по разным каналам. «После репрессий 1937–1938 гг. в системе советских военных органов государственной безопасности отсутствовал какой-либо аналитический орган, способный оценить поступающую информацию. Все получаемые сообщения направлялись непосредственно Сталину»¹⁸. Положение с анализом разведанных ухудшалось также в связи с конкуренцией разведок между собой¹⁹.

В то же время исследователи стараются объективно рассматривать события того времени и отмечают, что ошибиться в той сложной ситуации мог каждый. Нужно отдать должное германской контрразведке, которая сделала все от нее зависящее, чтобы скрыть мероприятия по подготовке к войне. Так или иначе, все исследователи указывают на умелую дезинформацию противником советского руководства. Немецкая контрразведка убедила советскую сторону, что боевые действия начнутся на Ближнем Востоке. Например, А.С. Степанов доказывает, что в 1941 г. СССР готовился к войне против Великобритании, так как советскому руководству были известны планы англичан по уничтожению Бакинской нефтяной промышленности. Поэтому СССР готовился к операции на ближневосточном театре военных действий. Также «британский фактор» сыграл свою роль в принятии на вооружение самолетов – высотных истребителей МиГ-3, которые были бы способны защитить нефтяные месторождения в Баку, и ИЛ-2, у которого убрали стрелка, так как было известно, что британские «спитфайры» не

вооружены пушками и не способны поразить пилота²⁰. Эти данные подтверждает и В.А. Невежин. Он сообщает, что весной 1940 г. РККА должна была действовать на ближневосточном ТВД. До весны 1941 г. немцы не фигурировали в качестве возможных противников в будущей войне. К февралю 1941 г. «почти 80 % картографических материалов освещали Южный ТВД. Кроме того, в начале 1941 г. 7-й отдел Главного управления политической пропаганды Красной Армии располагал обширными справочными материалами по Ирану, Афганистану и даже Маньчжурии. Из числа офицеров отдела, изучавших социально-политическую обстановку в странах вероятных противников СССР, свыше 80 % находились на Южном и Дальневосточном ТВД»²¹. Ссылаясь на воспоминания Жукова, М.И. Мельтюхов сообщает, что весной 1941 г. Сталин ждал боевых действий на Ближнем Востоке²².

В российской историографии идет также дискуссия о попытках германского посла Ф. Шуленбурга предотвратить конфликт между СССР и Германией. 5 мая 1941 г. в беседе с В.Г. Деканозовым он сообщил, что со слухами о войне нужно считаться как с фактом. 9 мая Сталин лично встретился с германским послом.

Исследователи делятся на тех, кто верит в то, что Шуленбург действовал по собственной инициативе, и тех, кто не допускает такой возможности, чтобы немецкий посол действовал против интересов своей страны. Вторые полагают, что это была умелая дезинформация советского руководства.

Так, В.К. Волков считает, что Шуленбург действовал на свой страх и риск, будучи противником войны между СССР и Германией. Исследователь указывает, что его усилия увенчались успехом, так как Сталин, возможно, написал письмо Гитлеру по поводу двусторонних отношений, и последний заверил советского лидера, что Германия намерена твердо придерживаться пакта о ненападении. Об этом письме и ответе на него стало известно от Г.К. Жукова, который рассказал о существовании переписки К. Симонову, затем Л.А. Безыменскому, а также писательнице Е.М. Ржевской. Волков справедливо замечает, что для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту версию Г.К. Жукова, нужно установить, по каким каналам осуществлялась связь. Он отмечает, что такие близкие к Сталину люди, как Деканозов и резидент НКГБ в Берлине А.З. Кобулов, были расстреляны в конце 1953 г. в связи с делом Берия, унеся многие секреты в могилу²³. В.В. Соколов объясняет причину недоверия Кремля к словам Шуленбурга тем, что советские руководители даже не допускали мысли, что государственный деятель может руководствоваться своими личными убеждениями и восприняли его

слова как попытку надавить на СССР в ходе будущих переговоров, так как немецкая контрразведка активно распространяла слухи о том, что в самое ближайшее время должен последовать ультиматум Советскому Союзу со стороны Германии²⁴. В.Я. Сиполс не считает «предупреждения» Шуленбурга немецкой дезинформацией. Прямых предупреждений немецкий посол не делал, а только намекал о негативных явлениях в двусторонних отношениях. По мнению историка, пойти на измену своей стране немецкий аристократ не мог, даты же нападения он не знал. Пользы «личная дипломатия» не принесла, напротив, она создала иллюзии, что переговоры возможны²⁵. По мнению М.И. Мельтюхова, контакты Шуленбурга и Деканозова «были связаны с вопросом о возможных советско-германских переговорах, а не были “предупреждениями” германского посла. В результате Москва не только ожидала начала переговоров, но и пыталась во второй половине июня инициировать их»²⁶.

На основании вышеприведенных фактов, можно прийти к выводу, что советская разведка поставляла множественные свидетельства подготовки Германии к войне с СССР, но одновременно советскому руководству попадала заведомая дезинформация, которая мешала сделать однозначный вывод насчет замыслов противника. В то же время к 18–20 июня 1941 г. становилось ясно, что войны не избежать, но Сталин медлил с приведением советских войск в полную боеготовность, что стало одним из факторов, предопределивших поражение Красной Армии летом 1941 г. Таким образом, вина за неприведение войск в полную боевую готовность лежит лично на Сталине, ведь в созданной им системе все важные вопросы требовали личного одобрения диктатора.

Примечания

¹ См.: *Мельтюхов М.И.* Советская разведка и проблема внезапного нападения // Отечественная история. 1998. № 3. С. 4, 9.

² Там же. С. 10–11, 14.

³ Там же. С. 4.

⁴ См.: *Павлов А.Г.* Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 54.

⁵ См.: *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997. С. 394–395.

⁶ Там же. С. 396.

⁷ Там же. С. 397.

- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: *Павлов А.Г.* Указ. соч. С. 54.
- ¹⁰ См.: *Фесюн А.Г.* Новые документы по «делу Зорге» // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 119–120.
- ¹¹ Там же. С. 142.
- ¹² Там же. С. 119–120.
- ¹³ См.: *Кикнадзе В.Г.* Советская военная радиоразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2006. № 3. С. 49.
- ¹⁴ Там же. С. 49–51.
- ¹⁵ См.: *Владимиров В.О.* Деятельность советской военно-морской разведки в Германии: 1939–1941 годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 17.
- ¹⁶ См.: *Уль М., Хавкин Б.Л.* Вилли Леман – советский агент в гестапо // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 135.
- ¹⁷ Там же. С. 136–137.
- ¹⁸ *Волков В.К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна – лето 1941 г.) // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 38.
- ¹⁹ См.: *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ *Степанов А.С.* Военные планы и оборонная промышленность СССР накануне и в начале Второй мировой войны: британский фактор // Отечественная история. 2006. № 3. С. 34–39.
- ²¹ См.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 124.
- ²² См.: *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 11.
- ²³ См.: *Волков В.К.* Указ. соч. С. 44–45, 50–51.
- ²⁴ См.: *Соколов В.В.* Германский посол в Москве в 1934–1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 165–166.
- ²⁵ См.: *Ситолс В.Я.* Указ. соч. С. 401–402.
- ²⁶ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 12.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ В РОССИИ: ЗАДАЧИ, МЕРЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках жесткой региональной конкуренции и нынешней политической изоляции России, проблема сокращения энергоемкости и повышения эффективного использования энергетических ресурсов занимает центральное место в государственной энергетической программе Российской Федерации. Правительством РФ предпринят ряд мер, направленных на реализацию курса построения энергоэффективного общества. В статье речь пойдет о трансформации политики использования энергоресурсов в России, преимуществах и сложностях выбранного государственного курса.

Ключевые слова: политика энергоэффективности, конкурентоспособность, государственная программа, энергетическая политика, переходный период.

Большинство стран Европейского союза в последние десятилетия всерьез задумались над необходимостью перестройки национальной и общеевропейской энергетической и экологической политики, что проявилось в переходе на возобновляемые источники энергии, расширении международного сотрудничества в решении глобальных экологических проблем, а также в переводе производства на экологически безопасные технологии с максимальным повышением энергоэффективности.

В современных условиях экологически безопасные технологии переживают настоящий бум, причем не только в европейских странах, но и в таких как, например, Индия и Китай¹. Конкурентоспособность данной сферы, инвестиционная государственная и частная поддержка невероятно высоки.

Цели данных программ достаточно ясны: помимо несомненно-го желания сократить вредоносное влияние на окружающую среду, европейские страны стремятся к энергетической независимости от

стран-импортеров энергетических ресурсов – России в большей степени.

В СМИ и публичных высказываниях политических деятелей европейских государств постоянным лейтмотивом звучит опасение, что нефтедоллары, поступающие от продажи углеводородов в Европу, будут использованы Россией в целях наращивания военной мощи, усиления давления на ближайших географических партнеров, навязывания своего мнения в мировой политике². Затянувшийся кризис на Украине тому наглядное подтверждение: европейским странам приходится балансировать на грани, с одной стороны, стремления ввести еще более жесткие санкции в отношении России и опасения относительно ответных мер российской стороны в области энергетического партнерства, с другой.

В настоящее время у Европы остается достаточно оснований для беспокойства, так как она в целом находится в постоянной зависимости от импорта энергоресурсов: примерно 50 % потребности ЕС в энергии удовлетворяется за счет импортных источников (среди стран-участниц Евросоюза только Великобритания, Норвегия и Нидерланды обладают достаточным количеством энергетических ресурсов)³. В связи с этим стремление европейских стран повысить эффективность использования имеющихся энергетических ресурсов и внедрить экологически безопасные технологии вполне экономически и политически обоснованно.

Российская Федерация, крупнейший поставщик природного газа и нефти, видит проблему повышения энергоэффективности иначе. Страна занимает первое место в мире по запасам и добыче природного газа (1/3 всех мировых запасов). По запасам нефти (1/7 всех мировых запасов) Россия входит в первую десятку стран мира, а по ее добыче стабильно входит в тройку. По угольным запасам (1/8 всех мировых запасов) занимает первое место в мире, а по добыче – третье место. Как по запасам, так и по добыче урановых руд Россия входит в первую десятку стран мира⁴.

Россия тем не менее занимает лидирующее положение еще в одном мировом рейтинге, только уже со знаком «минус»: в настоящее время страна находится в десятке стран с наиболее высокой энергетической расточительностью. Каждому сектору российской экономики свойственна высокая энергоемкость. Энергоемкость валового внутреннего продукта России в 2,5 раза выше среднемирового уровня и в 2,5–3,5 раза выше, чем в развитых странах⁵.

Большая часть российских электростанций, жилых зданий, тепловых и электрических сетей были построены десятилетия тому назад и потому требуют либо капитального ремонта, либо полной

замены. Кроме того, подача газа через российские трубопроводы осуществляется с большой долей потери, в связи с чем требуются более высокие объемы при поставках.

Для России проблема повышения энергоэффективности осложняется еще и тем, что значительная часть российской территории находится в зонах с низкими температурами в зимнее и осеннее время; для другой части характерны чрезмерно высокие температуры в летнее время – что неизменно требует эксплуатации энергоустановок в усиленном режиме (как следствие, одна из причин высокого потребления энергии в России).

В сравнении с другими энергоемкими странами ни одна страна не потребляет больше энергии на единицу ВВП, чем Россия⁶. Общий уровень энергоэффективности большинства из российских отраслей от 10 до 20 раз меньше, чем в современной промышленности других стран⁷.

В подобной ситуации без продуманной политики повышения эффективности использования энергетических ресурсов трудно представить конкурентоспособность российской энергетической сферы в более отдаленном будущем.

Вопросы о том, как эффективнее использовать энергоресурсы, начали подниматься в российских политических кругах лишь в последнее время, и то речь идет в большей степени о принятии положений и рекомендаций, которые пока не имеют успешной практической реализации. При этом Председатель Правительства и Президент России Д.А. Медведев и В.В. Путин все чаще подчеркивают значимость и огромный потенциал для России повышения энергоэффективности⁸.

Есть все основания полагать о необходимости принятия мер, направленных на повышение эффективного использования энергетических ресурсов в России. В перспективе представляется возможным говорить о следующих направлениях, которые выиграют от данной программы.

Программа энергоэффективности окажет благотворное влияние на экономику России, повысит конкурентоспособность российских предприятий.

Согласно статистике в 2013 г. российские крупные компании, работающие в области электроэнергетики, около 70 % технологического оборудования закупили у европейских и азиатских поставщиков (и только 30 % составляет российское оборудование). Данный факт наглядно свидетельствует об отсталости российской энергетической промышленности и невозможности отвечать европейским стандартам. В условиях жесткой региональной конкуренции Рос-

сии принципиально важно постепенно сокращать технологическое отставание, которое в условиях политической изоляции страны очень на руку европейским и мировым конкурентам.

Цены на газ и энергию на внутреннем рынке продолжают расти и, по прогнозам исследователей, могут приблизиться к европейским к 2020 г.⁹ Высокие цены на внутреннем рынке существенно понижают конкурентоспособность российской промышленности (особенно это касается энергоемкой промышленности: металлургии, добывающих отраслей).

Повышение цен неизбежно подталкивает многие энергетические компании к снижению расходов на развитие и реализацию проектов по эффективному использованию энергии.

В условиях нацеленности на постепенное снижение мощности производства и постоянного увеличения спроса снижение энергоемкости может сыграть ключевую роль в вопросах сохранения адекватного энергоснабжения и обеспечения энергетической безопасности, а также сгладить социальные противоречия и недовольство населения в связи с постоянным ростом цен на электроэнергию.

Тем не менее до недавнего времени требуемые инвестиции не были вложены в программы повышения эффективности российского энергетического сектора. Кроме того, контроль и аудит энергетической отрасли в России продолжает оставаться на качественно низком уровне¹⁰.

Повышение энергоэффективности поможет решить проблему расходов, связанных с высокой энергоемкостью России, и, по прогнозам исследователей, 3 млрд долл. в год федерального и местного бюджета могут быть сэкономлены за счет устранения неэффективного использования энергии. Кроме того, по подсчетам экспертов, повышение энергоэффективности в секторе централизованного теплоснабжения России может сэкономить 30 млрд кубометров в год природного газа¹¹. В промышленном секторе экономия энергии от применения наилучших имеющихся технологий оценивается в 750 петаджоулей.

Привлечение частных инвестиций для повышения энергоэффективности позволит модернизировать производство, технологические и инновационные параметры которых уже устарели, что в конечном итоге позволит получать больше дохода при меньших финансовых затратах.

Еще одним немаловажным преимуществом повышения энергоэффективности можно назвать положительное воздействие на охрану окружающей среды. Использование максимальных энер-

гомошностей в определенные времена года, неконтролируемый выброс углекислого газа и других вредных веществ в атмосферу связаны с риском экологических катастроф и огромными расходами, направленными на устранение их последствий. Кроме того, выбросы углекислого газа существенно ухудшают окружающую среду обитания в России и вредят здоровью граждан. В настоящее время вопросы защиты и сохранения окружающей среды приобретают все большую актуальность среди российского населения, в том числе в пределах национального политического пространства.

В настоящий момент предпринят ряд мер, свидетельствующих о серьезном намерении снизить неэффективное использование энергоресурсов в России. Государственная программа Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года», Дорожная карта 2050, многочисленные исследования и соглашения явно свидетельствуют о необходимости и заинтересованности государства в проведении политики по совершенствованию сферы энергоэффективности.

Государственный курс на повышение энергоэффективности ставит перед собой очень смелые и грандиозные задачи: непосредственное снижение энергоемкости валового внутреннего продукта Российской Федерации на 13,5 % и энергоемкости валового внутреннего продукта на 40 % в 2007–2020 гг. и формирование в России энергоэффективного общества¹².

В целом существует положительная тенденция трансформации энергоемкости российского энергетического сектора в сторону постепенного снижения. Россия в последние десятилетия продолжает улучшать свои показатели в отношении сокращения энергоемкости: с начала 90-х гг. этот показатель улучшился на 2,5 % в год; с начала 2000-х гг. данный показатель еще выше – среднее годовое снижение энергоемкости составляет более 5 %¹³.

Однако, несмотря на принятие закона и провозглашение оптимистичных лозунгов и задач, в настоящее время есть основания говорить об их в большей степени декларативном характере.

Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит ряд важных мер, таких как учреждение новых стандартов энергоэффективности для новых зданий и сооружений, сокращение бюджетных расходов на приобретение энергоресурсов. Кроме того, энергоемкие предприятия будут обязаны придерживаться энергосберегающих и энергоэффективных программ. Этот закон будет также способствовать переходу к долгосрочному тарифному регулированию

и созданию общей межведомственной информационно-аналитической системы энергоэффективности.

Тем не менее вышеуказанный закон не получил положительного отклика и поддержки основных политических сил и практически сразу же после принятия потребовал внесения принципиальных изменений и поправок.

Кроме того, существует ряд параметров, которые не были учтены при принятии данного закона. Во-первых, снижение энергоемкости ВВП нельзя назвать наиболее подходящим критерием для оценки воздействия на производство и потребление энергоресурсов. Во-вторых, не выбраны параметры конкретной оценки энергетической эффективности российской экономики. В-третьих, закон рассчитан на регулирование потребления энергии в основном государственными организациями, что составляет лишь некоторую долю энергопотребления.

Таким образом, несмотря на некоторые положительные тенденции, такие как принятие на законодательном уровне мер, решающих вопрос повышения энергоэффективности, и регулярное снижение энергоемкости за период с начала 90-х гг., Российской Федерации предстоит проделать непростой путь, направленный на трансформацию энергоемкости энергетического сектора и построение энергоэффективного общества.

К необходимым мерам в данной области можно отнести либерализацию рынка электроэнергии в России; частичный переход на децентрализованное производство; привлечение долгосрочных и прозрачных финансовых капиталов; создание специальных органов, наделенных соответствующими полномочиями и ответственностью, занимающихся координирующей деятельностью, контролем и сбором статистических данных, устанавливающих и регулирующих стандарты энергоэффективности, и многие другие.

Таким образом, несмотря на значительные расходы, направленные на повышение энергоэффективности (которые уже выделяются из федерального бюджета и частных фондов), имеет смысл говорить об их достаточно быстром возмещении и о серьезной экономической и политической выгоде.

Очевидно, что Россия признает преимущества более эффективного потребления энергии и готова принимать меры для улучшения данного показателя. Об этом свидетельствуют как прямые указания президента снизить энергоемкость на 40 % в период между 2007 и 2020 гг., так и принятие государственных программ, направленных на создание правовой и институциональной основы для повышения эффективности использования энергии.

Обеспечение энергоэффективности России важно не только с точки зрения энергетической безопасности и увеличения государственных доходов и объемов производства, но и с точки зрения экологических проектов, о чем свидетельствуют разнообразные политические и общественные движения в поддержку охраны среды обитания и здоровья человека.

Политика повышения энергоэффективности в России, несмотря на достаточно медленные темпы развития, имеет большой потенциал: согласно подсчетам, технический потенциал энергосбережения и повышения энергетической эффективности составляет около 40 % уровня потребления энергии. В связи с чем она может получить поддержку и содействие как со стороны основных политических сил и органов государственной власти, так и российского населения из-за непрерывного роста цен на электроэнергию.

Подводя итог, можно сказать, что Россия находится только на начальной стадии перехода к энергоэффективному обществу. Однако есть все основания полагать, что выбранная правительством программа окажет положительное воздействие на внутренний промышленный и частный сектор, окажет благоприятное воздействие на окружающую среду, способствует торможению роста цен на электроэнергию.

В русле современной геополитики очевидно, что энергетические рычаги давления заметно теряют свою актуальность, поэтому перед российской энергетической отраслью стоит непростая задача: сохранить лидирующие позиции на мировых рынках в области экспорта, а также успешно трансформировать внутренние энергоемкие производства в конкурентоспособные и прибыльные.

Примечания

- ¹ См.: Worldwide trends in energy use and efficiency: Key insights from IEA indicators analysis. 2008 [Электронный ресурс] / International Energy Agency. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Indicators_2008.pdf (дата обращения: 17.07.2014).
- ² См.: *Stegen K.* Deconstructing the “energy weapon”: Russia’s threat to Europe as case study // Energy policy. 2011. Vol. 39. P. 6509.
- ³ См.: *Пашковская И.Г.* Энергетическая политика Европейского союза в отношении России и новых независимых государств. М.: Проспект, 2010. С. 45.
- ⁴ См.: International energy data and analysis [Электронный ресурс] / U.S. Energy Information Administration. URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=RS> (дата обращения: 01.06.2014).

- ⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Энергоэффективность и развитие энергетики”» [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162194/#p15 (дата обращения: 17.07.2014).
- ⁶ Энергоемкость – мера потребления энергии на единицу валового внутреннего продукта.
- ⁷ См.: Russia 2014 – Energy Policies Beyond IEA Countries. Executive summary and key recommendations [Электронный ресурс] / International Energy Agency. URL: <http://www.iea.org/Textbase/npsum/russia2014sum.pdf> (дата обращения: 22.09.2015); Key World Energy Statistics 2014 [Электронный ресурс] // International Energy Agency. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2014.pdf> (дата обращения: 19.09.2015).
- ⁸ См.: Вступительное слово на расширенном заседании президиума Государственного совета по вопросу повышения энергоэффективности российской экономики // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/4870> (дата обращения: 18.09.2015).
- ⁹ См.: Влияние роста цен на газ и электроэнергию на развитие экономики России [Электронный ресурс] / Институт энергетических исследований РАН. URL: <http://www.eriras.ru/files/vliyanie-rosta-tsen-na-gaz-i-elektroenergiyu-na-razvitie-ekonomiki-rossii.pdf> (дата обращения: 22.09.2015).
- ¹⁰ См.: *Видунова А.С., Астафьева О.Е.* Система ключевых показателей эффективности предприятия в области энергосбережения // *Экология и промышленность России.* М., 2012. С. 82.
- ¹¹ См.: Энергоэффективность в России: скрытый резерв [Электронный ресурс] / World Bank Group. International Finance Corporation. URL: <http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/967366804b5f69048cd1bd6eac26e1c2/EE-2008-rus-print.pdf?MOD=AJPERES> (дата обращения: 22.09.2015).
- ¹² См.: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321... [Электронный ресурс].
- ¹³ См.: Энергосбережение и энергоэффективность [Электронный ресурс] / Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <http://minenergo.gov.ru/activity/energoeffektivnost/> (дата обращения: 07.07.2014).

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КРИЗИС БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЦЕНКАХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена анализу рефлексии антибольшевистских политических практик в годы Гражданской войны в исследовательской и мемуарной литературе русского зарубежья 1920–1930-х гг. Особое внимание уделяется дискуссии о проблеме организации работы органов законодательной и исполнительной власти.

Ключевые слова: Белое движение, русское зарубежье, историография, мемуаристика, государственное управление.

Выявление социально-политических причин поражения Белого движения являлось для представителей второй волны русской эмиграции не только исследовательской, но и острой политической проблемой. Высокая степень ее актуальности для самих авторов формирует в историографии и мемуаристике русского зарубежья 1920–1930-х гг. моду на поиск причин неудачи антибольшевистских вооруженных сил и определяет полемическую остроту разработки данной темы. Важнейшим предметом дискуссии в эмигрантской литературе представляется проблема государственного управления Белой России, к которой в своих исследовательских работах и воспоминаниях обращаются как представители военной и гражданской власти, принимавшие решения в годы Гражданской войны, так и рядовые военнослужащие и обыватели, испытывавшие на себе последствия политики, проводимой лидерами Белого движения.

Существенной проблемой, которую отмечают многие исследователи и мемуаристы, являлась организация аппарата управления. В частности член Особого совещания К.Н. Соколов констатирует, что административный хаос, вызванный непомерной раздутостью штатов, был характерен как для правительства Юга России, так

и для прочих антибольшевистских центральных органов власти, стремление которых работать «в государственном масштабе» не отвечало требованиям и условиям Гражданской войны¹.

А.С. Лукомский в своих воспоминаниях апеллирует к нехватке кадров для осуществления гражданской власти и законодательной деятельности, особенно на этапе образования Особого совещания в августе 1918 г. Так, например, мемуарист указывает на трудности, с которыми генерал М.В. Алексеев сталкивался при назначении начальников правительственных отделов: «...в районе Добровольческой армии подходящих (кандидатов. – С. Н.) было мало, а ехали к нам с большой опаской, так как в успех дела еще мало кто верил и не хотели рисковать»². Причину коррупции и прочих злоупотреблений власти в районах, контролируемых антибольшевистскими вооруженными силами, Лукомский опять же видит в кадровом дефиците и низком уровне оплаты труда чиновников. В то же время многочисленные организационные проблемы (главным образом, отсутствие должного количества вооружения и обмундирования) существенно тормозили процесс формирования государственной стражи, что также не способствовало преодолению коррупции и борьбе с должностными преступлениями³.

Рассуждая о проблемах в области государственного управления в Крыму в 1920 г., Г.В. Немирович-Данченко, возглавлявший отдел печати Гражданского управления врангелевского правительства, отмечает низкую эффективность решения данных проблем вследствие тотального избегания чиновниками судебного преследования за совершенные должностные преступления. По его мнению, недостаток репрессивного контроля административного аппарата приводил к тому, что увольнения чиновников отдельных ведомств не улучшали их работу и не производили «большого впечатления на оставшихся»⁴.

Реставрационные настроения в среде чиновничества, которому были в немалой степени свойственны бюрократический формализм и отчужденность от стремительно меняющейся общественной жизни, по свидетельству Г. Покровского, отнюдь не способствовали эффективному управлению на местах. Исследователь полагает, что в подобной ситуации при выборе из двух диктатур (бюрократической и большевистской) народ отдавал предпочтение противникам белых⁵.

Другой немаловажной особенностью антибольшевистского государственного управления В.А. Оболенский, занимавший с апреля 1918 г. по ноябрь 1920 г. пост председателя Таврической губернской земской управы, считает расширение административного

аппарата, в частности введение института уездных начальников, что, по мнению автора, не только требовало существенных затрат, но и не добавляло эффективности работе местной администрации, поскольку функции уездных начальников были определены нечетко, а практика назначения на данную должность пришлых чиновников отнюдь не способствовала установлению контакта между представителями власти и населением⁶. По свидетельству Оболенского, намерение относительно упрощения административного аппарата управления, необходимость которого осознавалась некоторыми государственными деятелями Белого движения, так и не было реализовано ни при А.И. Деникине, ни при П.Н. Врангеле⁷.

По мнению Врангеля, неопределенность и неустойчивость внутренней политики Деникина были главными причинами непопулярности Белого движения среди населения⁸, а отсутствие во власти чиновников, обладавших достаточным опытом и политической гибкостью, привело к значительному снижению эффективности государственного управления на Юге России⁹.

Анализируя ситуацию с управленческими кадрами, генерал-лейтенант Н.Н. Головин делает акцент на том, что административный аппарат Сибири состоял преимущественно из выходцев из Центральной России, поэтому стремления местного населения к сотрудничеству с белыми и установлению порядка отнюдь не всегда реализовывались¹⁰.

Рестаурация дореволюционных учреждений на территориях, занимаемых антибольшевистскими вооруженными силами, далеко не всегда обходилась без эксцессов. К примеру, преподаватель правоведения Киевского университета А.А. Гольденвейзер, вспоминая о возрождении киевской адвокатуры, акцентирует внимание на преследованиях в отношении служащих, работавших в период советской власти. Подобную практику мемуарист считает абсолютно нецелесообразной, поскольку, по его наблюдениям, адвокаты, идейно поддерживавшие большевиков, эвакуировались из Киева вместе с Красной Армией, в то время как травля затронула в основном молодых специалистов, вынужденных служить при красных ввиду отсутствия средств к существованию, а также сотрудников канцелярий, работавших на нейтральных должностях. По свидетельству Гольденвейзера, преследования в адвокатуре, сопровождавшиеся ростом антисемитских настроений в обществе и грозившие многим юристам исключением из профессионального сообщества, были через некоторое время прекращены лишь при активном противодействии «Адвокатской группы Союза Возрождения России»¹¹. С прискорбием один случай террора, произошед-

ший летом 1919 г. после занятия Одессы Вооруженными силами Юга России (далее – ВСЮР), причиной которого являлся только лишь факт службы гражданина у большевиков, вспоминает бывший гласный Одесской городской думы, адвокат С.Ф. Штерн. По его свидетельству, основанием для ареста и последующего расстрела правого эсера и идейного противника большевиков инженера Ф.С. Бернфельда стало указание кучера на то, что ранее Бернфельд занимал должность «комиссара городского водопровода»¹².

Признавая, что возрождение административных учреждений проходило отнюдь не без трудностей, Деникин в то же время обращает внимание на проблемы восстановления системы управления на территориях, освобожденных от большевиков, с которыми сталкивалась власть. По оценке главнокомандующего ВСЮР в период советской власти упразднению подверглись судебная и образовательная системы, а промышленность, сельское хозяйство и продовольственная система находились в глубоком кризисе. «Наконец, белый режим приносил свободу церкви, печати, всесословный суд и нормальную школу», – заключает Деникин¹³.

По свидетельству генерал-майора Б.А. Штейфона, командовавшего в годы Гражданской войны 17-м пехотным Белозерским полком ВСЮР, возврат к дореволюционной городской администрации, к прежним принципам управления на занятых белыми территориях был продиктован не реакционным характером политики, проводимой Деникиным, а необходимостью: учреждения периода Временного правительства не пользовались доверием населения, а военная власть в силу объективных причин была некомпетентна в вопросах организации городской жизни. Тем не менее автор отмечает ряд существенных недочетов в административной и хозяйственной деятельности белых, в частности практически полное отсутствие описи и распределения военной добычи, большая часть которой либо расхищалась, либо, оставаясь нетронутой, вновь перешла к большевикам¹⁴.

Особое место в историографии и мемуаристике русского зарубежья занимает дискуссия по вопросам законодательной политики Белого движения. Признавая массовый характер критики работы Особого совещания, занимавший в нем более года пост председателя Лукомский считает главным недостатком деникинского правительства отсутствие при нем законосовещательного органа, кафедры, «с которой раздавалась бы критика законопроектов или деятельности начальников управлений, а последние могли бы давать свои объяснения и разъяснения»¹⁵. По мнению мемуариста, существование при кабинете министров подобного органа пред-

ставляло бы его работу в глазах общественности в более выгодном свете и Особое совещание не воспринималось бы населением столь негативно.

Оценивая законодательную политику деникинского правительства, Оболенский отмечает устойчивую тенденцию к централизации законодательной власти на Юге России. Однако принципиальная позиция правительства в данном вопросе, по мнению автора, не всегда соотносилась со спецификой положения отдельных регионов в составе территорий, подконтрольных ВСЮР. Так, например, автор указывает на негативные последствия отмены в Крыму всех законов, установленных местным правительством, в том числе – снижение в 10–20 раз доходов от косвенных налогов, приведшее к задержкам выплат жалования служащим и, как следствие, росту недовольства политикой властей среди населения¹⁶.

Отмечая в целом прогрессивную роль городского положения, принятого Особым совещанием, Оболенский указывает на недостаточную степень разработки проекта положения о земских учреждениях, в котором отсутствовали правила участия в выборах в органы местного самоуправления. Стремление власти максимально отсрочить издание земского избирательного законодательства мемуарист связывает с недоверием правительства к крестьянскому населению, подозревавшемуся в симпатии к большевикам¹⁷.

Противоречивость и непоследовательность политического курса белых, по мнению Оболенского, имели крайне негативные практические последствия. Так, губернатор Крыма Н.А. Татищев, приверженец строгой служебной субординации, привыкший в своих действиях руководствоваться указаниями высшего начальства, получая крайне противоречивые сигналы из Екатеринодара, вскоре попал под влияние, с одной стороны, полицейского начальства, а с другой – крупных землевладельцев, преследовавших свои интересы. Результатом этого стало создание на средства последних карательного отряда, занимавшегося реквизициями в деревнях вплоть до расформирования подразделения по приказу генерала Я.А. Слащова¹⁸.

В то время как ряд исследователей в числе причин поражения Белого движения называют засилье реакционных элементов в руководстве армии, Оболенский не раз подчеркивал высокую степень влияния консервативно настроенных общественных и политических деятелей на принятие решений. К примеру, по свидетельству мемуариста, четверо из восьми членов первой комиссии по обсуждению земельной реформы, учрежденной по приказу Врангеля, являлись противниками каких-либо преобразований в области аграрной политики¹⁹.

В исследовательской и мемуарной литературе возникает идея того, что кризис административно-управленческой политики Белого движения был вызван не только отдельными ошибками законодательной и исполнительной власти, но и слабостью и неэффективностью государственного аппарата как такового, рождавшими на территориях, подконтрольных антибольшевистским вооруженным силам, атмосферу безвластия и беззакония. К примеру, Оболенский, давая оценку действиям ВСЮР под руководством генерала Деникина во второй половине 1919 г., склонен именовать данный этап антибольшевистского движения не военной диктатурой, а «периодом все усиливающейся военной анархии». Отдавая должное профессиональным военным качествам главнокомандующего и не подвергая сомнению искренность его политических побуждений, мемуарист тем не менее вынужден констатировать, что «...совершенно безразлично, одержала ли в “Особом совещании” победу группа М.М. Федорова и Н.И. Астрова или их правые враги, – полковникам на местах до этого не было дела. Они не признавали никаких властей, ни консервативных, ни либеральных, а, действуя по своему усмотрению, создавали атмосферу полной военной анархии»²⁰. Сходное предположение высказывает и Б. Штейфон²¹. Мемуарист особо отмечает вынужденное принятие военными на себя функций гражданской власти в 1919 г., происходившее по причине того, что фронт в своем движении опережал тыл²², и, безусловно, вызывавшее кризис в административно-управленческой системе Белого движения.

Кризис управления на территориях, подконтрольных антибольшевистским вооруженным силам, признается в историографии и мемуаристике русского зарубежья 1920–1930-х гг. как авторами, непосредственно ответственными за принятие административных решений в годы Гражданской войны, так и их критиками, наблюдавшими за процессом государственного управления со стороны. Основная дискуссия касалась вопроса о целесообразности восстановления дореволюционной системы управления. Ряд исследователей и мемуаристов признают подобную практику ошибочной, выделяя в качестве ее последствий чрезмерную централизацию государственного управления и стагнацию органов власти на местах. Их оппоненты апеллируют к тому, что реставрационная стратегия Белого движения была вызвана необходимостью, а на невысокую эффективность ее реализации оказывали влияние как объективные условия Гражданской войны (необходимость восстановления органов власти, ликвидированных большевиками, кадровый дефицит чиновников), так и организационные промахи белых (непомерная

раздутость штатов учреждений, значительный уровень коррупционного потенциала при отсутствии механизмов репрессивного контроля бюрократического аппарата). Характерной особенностью эмигрантской литературы является картина тотального бессилия власти, вызванного общей дестабилизацией обстановки в стране, в условиях которой реализация важнейших законов, организация эффективной системы управления представляются авторам неразрешимыми задачами.

Таким образом, в дискуссии о проблеме организации работы антибольшевистских органов законодательной и исполнительной власти, развернувшейся в эмиграции, обозначаются два конфронтационных подхода к оценке причин поражения Белого движения, характерных для исследовательской и мемуарной литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг., которые можно обозначить как критический и апологетический. Постановка проблемы безвластия отражает ряд доминирующих тенденций в историографии и мемуаристике второй волны русской эмиграции о Белом движении, среди которых – стремление авторов к выявлению внутренних причин его неудачи и конструирование образа идеологической неоднородности и разобщенности антибольшевистских военных и политических сил.

Примечания

- ¹ См.: *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: Кубань и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. С. 164–166.
- ² *Лукомский А.С.* Воспоминания: Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. М.: Айрис-пресс, 2012. Т. 2. С. 492.
- ³ Там же. С. 534–535.
- ⁴ *Немирович-Данченко Г.В.* В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин; Мюнхен: Типография Р. Ольденбурга, 1922. С. 87.
- ⁵ См.: *Покровский Г.* Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 106.
- ⁶ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Деникине // Белое дело: Белый Крым: В 16 кн. Кн. 11. М.: РГУ, 2003. С. 30–31.
- ⁷ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Врангеле // Там же. С. 97–98.
- ⁸ См.: *Врангель П.Н.* Записки. М.: ТЕРРА, 1992. Т. 2. С. 33.
- ⁹ Там же. С. 69.
- ¹⁰ См.: *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 2. С. 319.

- ¹¹ См.: *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Архив русской революции: В 22 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 6. С. 263–264.
- ¹² См.: *Штерн С.Ф.* В огне гражданской войны: воспоминания, впечатления, мысли. Париж: Русское книгоизд-во «Я. Поволоцкий и Ко», 1922. С. 136.
- ¹³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России: Заключительный период борьбы: Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002. С. 309.
- ¹⁴ См.: *Штейфон Б.А.* Кризис Добровольчества // Белое дело: Добровольцы и партизаны. М.: Голос, 1996. С. 343–347.
- ¹⁵ *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 559.
- ¹⁶ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Деникине. С. 25.
- ¹⁷ Там же. С. 29.
- ¹⁸ Там же. С. 32–33.
- ¹⁹ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Врангеле. С. 80–84.
- ²⁰ *Оболенский В.А.* Крым при Деникине. С. 13.
- ²¹ По словам мемуариста, «...возможно, что было бы еще полбеда, если бы добровольческая власть оказалась нетвердой или пристрастной: жизнь так или иначе приспособила бы даже и такую власть к нуждам населения. В действительности оказалось худшее: совсем не было власти. Если она и существовала, то обычно вдоль железнодорожных магистралей. Чуть-чуть отходил я в сторону, как неизменно встречал полное безначалие» (*Штейфон Б.А.* Указ. соч. С. 297).
- ²² Там же. С. 287–288.

Abstracts

G. Bakulev

INTERNET ADDICTION IN THE CONTEXT OF MASS COMMUNICATION THEORY

Rapidly developing new media, with the Internet at their lead, is not only changing the lifestyle of people, but also significantly transforming the relationships between individuals, media and society. For several decades the research of dependency relations has been done on the solid theoretical platform, that is, the theory of obtaining uses and gratification and the theory of media system dependency. Internet dependency is ordinarily conceptualized as a variable dependent in the form of excessive and uncontrolled interaction with the media, particularly when it concerns the duration period of their use. New communication technologies make media dependency relations more variable as the audience gets involved in the information production and distribution processes. The article attempts to cover the research outcomes of dependency on the Internet being based on the above mentioned theoretical grounds.

Key words: mass communication, theory, media dependency, obtaining uses and gratification, new media, Internet.

S. Boyko

POLITICAL SELF-IDENTIFICATION OF CITIZENS AND DEVELOPMENT OF THE STATE OF UNION OF BELARUS AND RUSSIA

The article considers the process of self-identification and political tolerance of citizens referring to the example of the State Union of Belarus and Russia. The author explores the impact of political factors of self-identification on the dynamic and democratic development of political regimes in post-Soviet area. He also examines the role of

multiculturalism theory and practice plays in the CIS states, the way how self-identification factor effects the outcomes of the state policy in a multinational and multiconfessional community, and the way the political self-identification correlates with the dynamics of political stability. By the example of the State of Union of Belarus and Russia development the author shows probable ways for formation of EAEU structures as well as he proposes means for tolerant influence upon citizen's political self-identification in order to secure the competitive ability and effectivity of state communities in the global world.

Key words: political self-identification, multiculturalism, national policy, the State of Union of Belarus and Russia, EAEU.

I. Fekerdinov

SOVIET INTELLIGENCE ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article analyses Russian historians interpretations of Soviet intelligence operations on the eve of The Great Patriotic War and also the Soviet country's leadership responses to the intelligence signals on Germany military plans.

Key words: Soviet intelligence, diplomacy, Great Patriotic War

N. Filin

IMAGES, SYMBOLS, AND SLOGANS OF MASS PROTESTS IN "THE GREEN MOVEMENT" OF IRAN (2009–2010)

The article analyses slogans being heard in the streets of Iran in 2009–2010 in the course of mass protests of the "The Green Movement" opposition. Those demonstrations might have been compared with the protests of the Islamic revolution 1978–1979 in terms of the number of participants and intensity of demonstrations. Slogans that could often be heard during protests were the revised versions of those created 30 years before. The main symbols of the protests were opposition supporters who had died in the streets of the Iranian cities due to the actions of the police.

Key words: Islam, shi'ism, authority, demonstrations, elections, images, symbols, slogans, religion, opposition, "The Green Movement".

A. Guschin, A. Levchenkov

UKRAINIAN CRISIS, 2014: RESULTS
AND PERSPECTIVES FOR RUSSIA

The article is devoted to the Ukrainian crisis in 2014, its meaning to the current international situation of Russia and Russian-Ukrainian relations. The authors highlight a number of problems Russia has faced pursuing its policy towards the Ukraine. They consider different ways of how to get out of the crisis and analyse the essence of the Ukrainian crisis in the context of relations between Russia and the West.

Key words: foreign policy, Ukraine, South-East, Russia, DPR, LPR, post-Soviet space.

N. Illeritskaya

SERFDOM IN THE INTELLECTUAL DYNAMICS
OF RUSSIAN POLITICAL HISTORY

The article considers the presence of Russian serfdom problem in the intellectual area of the 19–20th centuries. The author analyses the serfdom's intellectual construction offered by the representatives of the historical juridical school – the only advanced school of thought in Russian historiography. Following them the author objects to interpreting Russian serfdom as a political, social and psychological trauma for Russian civilization. She emphasizes its inevitable and organic origin as one of the main peculiarities of Russian political reality.

Key words: Russian serfdom, intellectual construction, historical juridical school, Russian civilization, political history.

Yu. Irkhin

RETHINKING INSTITUTIONAL APPROACHES
IN POLITICAL SCIENCES: NEW PERSPECTIVES

The article proposes multidimensional, inter-disciplinary analysis of the essence, basic features, peculiarities and the significance of institutionalism and new institutionalism as the scientific methods and approaches in political sciences. The author researched historical potential, genesis, advantages, achievements and limits of institutionalism. The special attention is paid to the content and particularity of new institutionalism. The author proposes to complement the new institu-

tionalism with values, states, public and social oriented approaches and theories; puts the problem of value post-neoinstitutional analysis.

Key words: institutionalism, new institutionalism, paradigm, theory, method, approach, “institutional trap”, multidimensional and interdisciplinary analysis, value analysis.

L. Kocharyan

“STABILITY AND COOPERATION PLATFORM IN THE CAUCASUS”

The armed conflict between Georgia and South Ossetia has led to significant regional changes in the South Caucasus. Among all the neighboring South-Caucasian countries Turkey was the first to react to all the current geopolitical changes in the region. The reaction expressed itself in the form of an initiative to set up the “Stability and Cooperation Platform in the Caucasus”.

Key words: Turkey, South Caucasus, Armenia, “Stability and Cooperation Platform in the Caucasus”, Armenian-Turkish relations.

A. Kudryashov

THE NATO AND ARAB MONARCHIES OF PERSIAN GULF: MILITARY COOPERATION DEVELOPMENT

The USA and the EU are interested in preserving their geopolitical status in the Middle East. That contributes to increasing the influence of the West upon the key Arab states – energy exporters. Special attention in this case is paid to the military and technical cooperation and to the retraction of loyal Arab regimes into a united trans-regional military-political and economic space.

Key words: NATO, GCC, coordination, cooperation, widening influence.

V. Masich

SCIENCE AND EDUCATION AS THE INSTRUMENTS OF “SOFT POWER”

The article is devoted to the analysis of the papers of Russian experts on the problems of science and education as instruments of “soft power”. In the analysed materials the author reveals the errors in the

interpretation of J. Nye's original conception and considers groundless assumptions in assessing the potential of the instruments of "soft power". Particular attention in this paper is drawn to the importance of targeting the audience and the ideological content of foreign students educational programs for the "soft power" of the receiving party.

Key words: "soft power", international relations, politics, Joseph Nye, education, public diplomacy.

N. Medushevsky

GROWTH FACTOR OF SOCIAL INTOLERANCE IN THE USA

The United States today are internationally recognized as "the pole of political power". In the inner political space of the country, however, there exist a number of unresolved issues related to migration and the need to integrate millions of Latinos in the system of social relations. Hispanic community gradually forms its specific socio-political challenge, based on its members' common political interests. Migrants claim not only to obtain their "civil rights", but also to recognize the importance of their community as a common ethno-cultural group, included in the national political and legal area.

Key words: migration, settlement geography, discrimination, tolerance, commonality of political interests, electoral activity, separatism.

M. Mogilnikova

IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE ENERGY SECTOR IN RUSSIA: CHALLENGES, MEASURES, RESULTS

The current trend of reducing energy intensity and improving the efficient use of energy resources is the central issue in the State Energy Program of the Russian Federation. The Russian government undertook a number of measures aimed at implementing the course of constructing an energy-efficient society. The author focuses on the specific measures and achievements in this area and considers benefits and challenges of increasing the efficiency of the Russian energy sector.

Key words: energy efficiency policy, competitiveness, the governmental program, energy policy, transition period.

S. Novoselsky

RUSSIAN ÉMIGRÉ COMMUNITY ON CRISIS
OF THE WHITE GUARD MOVEMENT
POLITICAL MANAGEMENT

The article analyses the anti-Bolshevik political reflection during the Civil War in the researches and memoirs of Russian expatriates in the 1920–1930-ies. The author pays special attention to the debatable issues of organizing the work of the legislative and executive power.

Key words: the White Guard movement, Russian émigré community, historiography, memoirs, state governance.

M. O'Dell

RESEARCH METHODOLOGY
OF THE GREAT BRITAIN INTERNATIONAL RELATIONS

This article discusses the methodology of research and the history of international relations, foreign policies and the example of foreign policies from Great Britain's involvement within the Middle East. The author attempts to apply different methods of analysis of political phenomena, the views of scientists and experts on foreign policy in different periods of time, with a view of finding common and conflicting interests between Great Britain and the Middle East. The author concludes that one needs the integrated use of all known and the most modern methods of researching the dynamics of political reality that will enable all interested countries to provide a relatively good quality of analysis for the current political situation, predicting events and pursuing an effective policy.

Key words: Great Britain, Middle East, historical method, synchronous method, diachronic method, a chronological approach, historical and comparative methods.

D. Platonov

FEBRUARY AND OCTOBER 1917 IN THE POLITICAL
HISTORY OF RUSSIAN ÉMIGRÉ COMMUNITY

The article attempts to consider, how Russian emigrants perceived the events in February and October 1917 in the context of political history. The representatives of the Russian abroad generated different

approaches to the above events of the revolutionary process in 1917. The discourse formulated by these representatives included such basic parameters as party, doctrine, political institutes, leaders, etc. All these aspects were interpreted differently in the papers and articles, authored by researchers with different political views.

Key words: February, October, political history, revolutionary process, Russian emigrants, 1917.

N. Spykman

POLITICAL MAP OF EURASIA. PART 1

(Translated by M.N. Grachev)

The article is an extract from a well-known book “Geography of Peace” by Nicholas J. Spykman (New York: Harcourt, Brace and Company, 1944). The author offers critical analysis of the British geographer Halford Mackinder’s idea of the strategic role of “Heartland”, in other words, the “core” of the Eurasian continent for the establishment of control over the entire Eurasia.

Key words: geopolitics, Eurasian geopolitical analysis, military strategy, Heartland, Rimland.

Сведения об авторах

Бакулев Геннадий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Всероссийского государственного университета кинематографии им. С.А. Герасимова, gebak@mail.ru

Бойко Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, bsi1952@yandex.ru

Грачев Михаил Николаевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, grachev62@yandex.ru

Гущин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских межрегиональных исследований РГГУ, aguschin78@mail.ru

Иллерицкая Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ, natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; профессор РАНХиГС при Президенте РФ; Академик Академии гуманитарных наук РФ, irkhine@mail.ru

Кочарян Левон Суренович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, leva.kocha@mail.ru

Кудряшов Антон Владимирович – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ,

kav8888@mail.ru

Левченко Александр Станиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских межрегиональных исследований РГГУ, bohem2001@mail.ru

Масич Владимир Александрович – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, vlad.masich@gmail.com

Медушевский Николай Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии факультета истории политологии и права РГГУ, lucky5659@yandex.ru

Могильникова Мария Владимировна – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, m.v.mariya@yandex.ru

Новосельский Сергей Сергеевич – аспирант кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ, novoselsky.rggu@gmail.com

О’Делл Мария Андреевна – преподаватель кафедры восточных языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета, marenas2005@ya.ru

Платонов Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ, dmitryserg.2013@yandex.ru

Фекердинов Ильяс Саидович – аспирант кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ, secutor@mail.ru

Филин Никита Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, filinnikita@yahoo.com

General data about the authors

Bakulev Gennady P. – Dr. in Philology, professor, Department of Russian and Foreign Languages, All-Russian State University of Cinematography after S.A. Gerasimov, gebak@mail.ru

Boyko Sergey I. – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, bsi1952@yandex.ru

Fekerdinov Ilyas S. – postgraduate student, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, secutor@mail.ru

Filin Nikita A. – Ph.D. in Historical Science, associate professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, filinnikita@yahoo.com

Grachev Michael N. – Dr. in Politics, professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, grachev62@yandex.ru

Guschin Alexander V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, aguschin78@mail.ru

Illeritskaya Natalia V. – Dr. in History, professor, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, natalia.villeritskaya@gmail.com

Irkhin Yuriy V. – Dr. in Philosophy, professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities;

professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; academician, Russian Liberal Arts Academy, irkhine@mail.ru

Kocharyan Levon S. – postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, leva.kocha@mail.ru

Kudryashov Anton V. – postgraduate student, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, kav8888@mail.ru

Levchenkov Alexander S. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, bohem2001@mail.ru

Masich Vladimir A. – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, Russian State University for the Humanities, vlad.masich@gmail.com

Medushevsky Nikolai A. – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, lucky5659@yandex.ru

Mogilnikova Maria V. – postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, m.v.mariya@yandex.ru

Novoselsky Sergey S. – postgraduate student, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, novoselsky.rggu@gmail.com

O'Dell Maria A. – lecturer, Department of Oriental Languages and Culture Studies, Pyatigorsk State Linguistic University, mare-nas2005@yandex.ru

Platonov Dmitry S. – postgraduated student, Department of History and Theory of Historical Studies, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, dmitryserg2013@yandex.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *О.Н. Панкова*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 30.10.2015.
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 123

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru